

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

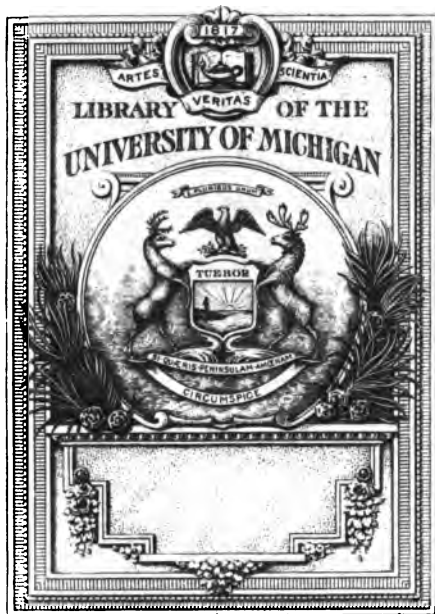
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

391-3-28

11180

ЗАПИСКИ О КИТАѢ

Г-жи БУРБУЛОУЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-литографія П. И. Шмидта, Галерная, д. № 6

1885.

DS
709
.P889

△ $\frac{26}{40}$

391-3-28

z a p i s k i o K i t a i e
ЗАПИСКИ О КИТАѢ.

Г-жи БУРБУЛОНЪ.

Roussielgne, Achille

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія П. И. Шмидта. Галерия, № 6.

1885.

Дозволено цензурою. Спб. 10 Января 1885 года.

DS
709
.P839

ЗАПИСКИ О КИТАѢ.

ГЛАВА I.

Ш а н х а й.

Желтое море. — Голубая рѣка. — Описаніе Шанхая. — Тай-пинги. —
 Убійство миссіонера. — Осада и защита города. — Китайскіе бѣглецы. —
 Голодь. — Армія Тай-пинговъ удаляется. — Экскурсія въ окрестности. —
 Подробности о жизни европейцевъ въ Шанхаѣ. — Скачки.

Вступая въ китайскія моря около тридцатой параллели поражаешься быстрой перемѣной цвѣта воды, которая изъ прозрачной вдругъ становится грязной и до такой степени густой, что кажется будто судно двигается по грязи.

Это знаменитое *Желтое море*, образуемое тремя главными рѣками Китая, которыя изливаютъ здѣсь свои воды между 30° и 37° широты.

Самая большая изъ нихъ — Янь-Се Кіангъ или Голубая рѣка, названная такъ вѣроятно для контраста; у ея устья, на одномъ изъ притоковъ ея, Вангъ-Пу, расположенъ Шанхай.

Г. де-Бурбулонъ, французскій посланникъ въ Китаѣ, оставилъ Макао въ концѣ Мая 1859 года, и поселился въ Шанхаѣ, чтобы быть ближе къ театру войны.

За неимѣніемъ приличнаго помѣщенія въ *французской* части города, онъ нанялъ домъ въ *американской*, близъ гавани.

Поднимаясь по Вангъ-Пу, имѣющему въ ширину нигдѣ не менѣе шестисотъ метровъ, прежде всего проѣзжаешь мимо деревни Ву-Сунгъ, служащей складочнымъ мѣстомъ торговли опиумомъ, оттуда уже видна европейская часть Шанхая со своими высокими каменными домами; магазинами и множествомъ мачтъ судовъ, стоящихъ на якорѣ передъ ея доками.

Европейскій городъ состоитъ изъ трехъ частей: *Американской*, отдѣленной маленькой рѣчкой Су-Чеу отъ *Англійской*, помѣщающейся въ углу, образуемомъ Вангъ-Пу и наконецъ *Французской*, границы которой доходятъ до стѣнъ китайскаго города, виднѣющагося на горизонтѣ.

Вся мѣстность совершенно плоская, всюду, куда только достигаетъ глазъ, нѣтъ ни малѣйшей неровности. Почва эластичная, какъ всякій грунтъ, лежащій на водѣ, ничто иное, какъ наносы Голубой рѣки.

Громадныя рѣки, каналы, наполненныя зловонной, никогда не возобновляющейся водой, узкія, едва проходимыя дороги, поля хлопчатника и огороды, наконецъ жгучее солнце, лучи котораго вызываютъ изъ этого болота лихорадки, холеру и диссентерію, вотъ

нелестное, но вѣрное описаніе мѣстности, въ которой расположенъ Шанхай.

Однако, не смотря на эти плохія условія, европейскій городъ, основанный въ 1846 году началъ быстро увеличиваться, обѣщая сдѣлаться однимъ изъ самыхъ большихъ городовъ Востока. Населеніе стало быстро увеличиваться, церкви, дома и магазины выросли какъ по волшебству.

И въ настоящее время это большой торговый центръ.

Европейскіе послы живутъ здѣсь въ довольствѣ и даже въ роскоши, богатства создаются неслыханныя, благодаря все увеличивающейся цѣнности земли, такъ какъ богатые китайцы, изъ опасенія Тай-Пинговъ, переселились въ европейскую часть, то дома отдавались отъ двадцати до пятидесяти тысячъ франковъ. Дѣло въ томъ, что Шанхай находится въ особенномъ положеніи при входѣ въ *Великую рѣку* и *Императорскій каналъ*, черезъ которые идетъ вся торговля съ Китаемъ.

Китайскій городъ, считающій до трехсотъ тысячъ жителей, грязенъ и не красивъ и не имѣетъ ничего замѣчательнаго по части сооруженія, кромѣ своихъ стѣнъ въ двадцать четыре фута вышины идущихъ на протяженіи шести или семи километровъ.

Посланникъ и его жена были въ Шанхай въ такую минуту, когда пребываніе въ этомъ скучномъ городѣ стало еще неприятнѣе отъ присутствія инсургентовъ, державшихъ его почти въ осадѣ. Раздѣленные на четыре отдѣльныя шайки, подъ предводительствомъ двухъ

начальниковъ, называвшихъ себя уполномоченными Тай-Пингъ-Гуанга, претендента на престолъ изъ династїи Минговъ, они грабили и опустошали окрестности.

Организація грабежа и убійства у Тай-Пинговъ была замѣчательна, четыре шайки, отличавшіеся по цвѣту значковъ, черныхъ, красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ имѣли каждая свое назначеніе.

Черные флаги убивали.

Красные флаги жгли.

Желтые флаги грабили и пытками вымогали деньги своихъ жертвъ.

Бѣлые флаги обязаны были доставлять остальнымъ провіантъ.

«Шанхай. 15-го Августа, 1860 г.

«Мы живемъ въ постоянномъ безпокойствѣ. Каждый день изъ моихъ оконъ я вижу плывущіе по рѣкѣ трупы несчастныхъ убитыхъ Тай-Пингами. Эти ужасныя картины говорятъ о ихъ приближеніи.

«Каждую минуту ждуть нападенія на городъ.

«Инсургенты воображаютъ, что въ европейской части скрываются страшныя сокровища, и, надо признаться, что время нападенія было бы выбрано для насъ неудачно, большая экспедиція на Сѣверѣ *), отняла у насъ войска, защищавшіе городъ, а всѣ суда

*) Въ это время генералы Монтобанъ и Грантъ во главѣ соединенной франко-американской арміи, и поддерживаемые флотами, атаковали укрѣпленія Пей-Го.

были взяты какъ транспортныя и намъ оставались лишь суда портовой полиціи.

«У французовъ есть ссаженные на сушу моряки, да больные экспедиціоннаго корпуса; у англичанъ также нѣкоторые войска, но здѣсь на американской сторонѣ, насъ охраняють много хуже, однако сдѣлано все возможное, всѣ европейцы вооружились и составляютъ милицію въ сто пятьдесятъ человекъ, наконецъ всѣ главныя дороги и улицы забаррикадированы.

«Каждую минуту узнаешь что-нибудь ужасное про этихъ дикихъ грабителей; жители окрестныхъ деревень, застигнутые ночью шайками въ пятнадцать или двадцать человекъ и разбуженные свѣтомъ пожара, даютъ убивать себя какъ стадо барановъ! Инсургенты убиваютъ всѣхъ дѣтей, женщинъ и стариковъ.

«Одинъ изъ миссіонеровъ, застигнутый въ церкви, среди своихъ неопитовъ, былъ убитъ злодѣями съ неслыханной жестокостью, за то, что не имѣлъ денегъ дать за себя выкупъ.

«Они пытаются своихъ жертвъ ножами и пиками, чтобы вынудить ихъ отдать свои богатства и затѣмъ, когда, въ надеждѣ на пощаду, несчастные отдаютъ все, ихъ добиваютъ.

«Негоціанты вернули въ гавань суда съ опиумомъ, стоящія обыкновенно въ Ву-Сунгѣ; большія китайскія суда стоятъ [на якорѣ у набережной и передъ каждымъ домомъ, чтобы въ случаѣ надобности перевезти европейское населеніе подъ защиту пушекъ военныхъ судовъ. На суда сложены на храненіе деньги банковъ, посуда и драгоценности частныхъ лицъ.

«Все это волненіе, эти приготовленія къ защитѣ и бѣгству придаютъ городу странный видъ: военные костюмы нѣкоторыхъ вызывали бы смѣхъ, еслибы въ такія минуты была охота смѣяться. Однако, можетъ быть, все кончится паникой нѣсколькихъ дней, въ окрестностяхъ до сихъ поръ показываются только слабые отряды инсургентовъ, ихъ главная армія вотъ уже нѣсколько недѣль неподвижно стоитъ въ Кіа-Гингѣ, и я не могу повѣрить, чтобы Тай-Шинги имѣли смѣлость напасть на европейцевъ, а когда съѣстные припасы у нихъ истощатся, то поневолѣ придется отправиться опустошать другую провинцію».

«18-го Августа. Полдень.

«Сегодня утромъ, съ восходомъ солнца мы были разбужены громкими, рѣзкими криками.

«Это деревенскіе жители бѣгутъ отъ инсургентовъ, армія которыхъ наконецъ двинулась къ Шанхаю.

«Ничто не можетъ дать понятія объ этомъ глухомъ, мрачномъ не прекращающемся шумѣ, несчастные китайскіе фермеры ищутъ у насъ убѣжища, въ которомъ, знаютъ, имъ не откажутъ.

«Городъ переполненъ ими, они помѣщаются всюду, на улицахъ, передъ дверями, подъ деревьями ипподрома для скачекъ.

«Тяжелое зрѣлище представляютъ эти люди, принужденные на скоро бросить свои дома и поля, которые врагъ превратитъ въ пепель. Но труднѣе всего кормить всѣ эти рты, если мы будемъ осаждены.

«Мой мужъ потребовалъ двадцать моряковъ для защиты посольства, которое онъ рѣшился не уступать

грабителямъ, въ случаѣ крайности судно отвезетъ меня на англійскую сторону лучше укрѣпленную и болѣе правильно защищаемую».

«18-го вечеромъ.

«Наконецъ была атака и волненія дня пришли къ развязкѣ. Инсургенты рѣшились напасть только на китайскій городъ. Они пробовали сначала взобраться на стѣну, противоположную сторонѣ рѣки, китайская пѣхота съ помощью нѣсколькихъ человекъ нашихъ, отбили ихъ. Англійскія канонерки стрѣляли черезъ рѣку и этимъ способствовали отступленію инсургентовъ. Они возобновили атаку вечеромъ, со стороны французской части, но не могли удержаться въ разрушенномъ предмѣстьи и были прогнаны съ большими потерями».

«Шанхай, 30-го Августа.

«Армія инсургентовъ, кажется, наконецъ, отказалась отъ нападенія на Шанхай, она удалилась по направленію къ Су-Чеу, но отдѣльныя шайки бродятъ въ окрестностяхъ.

«Никто еще не рѣшается выходить изъ города и мы все еще не ослабляемъ предосторожностей.

«Что мы будемъ дѣлать съ пятидесятью тысячами китайскихъ бѣглецовъ, наводняющихъ наши улицы. Съѣстные припасы страшно дороги или, лучше сказать, ихъ совсѣмъ нѣтъ. Намъ угрожаетъ голодъ со всѣми его ужасами.

«...Устроена постоянная подписка для помощи этимъ несчастнымъ, она даетъ въ мѣсяць 20,000 таелей, около 160,000 франковъ, что позволяетъ давать каж-

дому по нѣскольку зеренъ риса, какъ разъ столько, чтобы не дать умереть съ голоду. Однако, говорятъ, что многіе остаются безъ всякой помощи. Что же будетъ съ ними?

«Ужась, внушаемый китайскимъ крестьянамъ присутвіемъ инсургентовъ, лучше всего доказываетъ жестокости, которымъ предаются послѣдніе, такъ какъ китайцы, въ теченіе многихъ вѣковъ, привыкли къ тяжелому гнету и безъ сопротивленія склоняютъ голову подъ всякой тираніей.

«Это опровергаетъ слова восхвалителей Тай-Пинговъ, воображавшихъ найти въ этихъ шайкахъ будущихъ реформаторовъ Китая и могущественныхъ проповѣдниковъ христіанства. ...Я рѣшилась выйти въ церковь; возвращаясь домой, я пѣшкомъ переходила черезъ узкое шоссе по берегу, оно было наполнено бѣглецами; клочки холста, растянутые на палкахъ, защищали счастливейшихъ отъ солнца, большинство же просто лежало на холстѣ; нѣкоторые обыскивали всякіе уголки, въ надеждѣ найти что либо, другіе спали неподвижно, какъ убитые, наконецъ, третьи смѣялись мрачнымъ смѣхомъ отчаянія.

«Въ сторонѣ, прислонясь къ дереву, неподвижно сидѣла блѣдная и измученная женщина, вѣроятно жена какого нибудь фермера, такъ какъ она была чисто одѣта, она казалась статуей отчаянія: шестеро маленькихъ дѣтей умирали около нея. Я подошла и старалась съ ней заговорить, ни одинъ мускуль въ ея лицѣ не дрогнулъ; ея взглядъ, казалось, видѣлъ что-то другое, безъ сомнѣнія какую нибудь ужасную сцену.

отъ которой она спаслась, но въ которой погибала часть ея близкихъ.

«Я не могла ничего отъ нея добиться и, опустошивъ для нея карманы, я убѣжала, закрывъ глаза руками, чтобы ничего не видѣть.

«Я послала слугу съ бульономъ, рисомъ и хлѣбомъ для этой несчастной матери, но она уже умерла съ младшимъ ребенкомъ, умершимъ на ея рукахъ. Остальныхъ помогли найти въ толпѣ».

«Шанхай. 22-го Октября 1860 г.

«Наконецъ мы можемъ вздохнуть свободно. Инсургентовъ прогнали изъ Кіа-Гинга; къ намъ прибыли войска изъ Европы, и городъ принялъ обычный видъ.

«Вчера я гуляла пѣшкомъ на двѣ или три мили отъ Шанхая, ѣздить невозможно ни верхомъ, ни въ экипажѣ, вслѣдствіе узкости каменистыхъ дорогъ, гдѣ едва двое могутъ пройти рядомъ, а по обѣ стороны болота, гдѣ воздѣлывается рисъ, эта мѣстность крайне печальна, хотя, до возстанія, должна была быть густонаселена.

«Мы пришли въ деревню, расположенную на рѣкѣ Су-Чеу; здѣсь есть очень хорошій мостъ изъ камня и дерева, онъ выстроенъ такъ, что суда могутъ подходить подъ него, такъ какъ по рѣкѣ происходитъ большое движеніе.

«Около этого моста стоялъ позорный столбъ, гдѣ около дюжины ивовыхъ корзинъ заключали въ себѣ столько же отрубленныхъ головъ. Это были оставшіе грабители изъ Тай-Пинговъ, съ которыми крестьяне быстро расправились; одинъ, подозрѣваемый

въ сообщничествѣ, былъ выставленъ связанный по рукамъ и ногамъ, чтобы жертвы могли узнать его.

Этотъ инсургентъ былъ въ отвратительныхъ лохмотьяхъ. Онъ ни чѣмъ не напоминалъ расшитыхъ золотомъ тѣлохранителей Тай-Пинга, которыхъ Скартъ *) описалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ни на тѣхъ, которыхъ я имѣлъ случай видѣть въ 1853 году, когда мы ѣхали на пароходѣ вверхъ по Голубой рѣкѣ. Это было послѣ взятія и разграбленія Нанкина, когда грабители разошлись въ яркіе шелковые костюмы: красные, желтые, голубые, найденные въ этомъ богатомъ городѣ; ихъ отряды, плывшіе по рѣкѣ на плоскихъ судахъ, казались мнѣ грядами тюльпановъ.

«Такъ какъ въ 1860 г. грабежъ былъ далеко не такъ прибыленъ, то они были въ такихъ же лохмотьяхъ, какъ и императорскіе войска.

«...Сегодня скачки, лошадей и жокеевъ выписали изъ Калькутты и даже изъ Англіи.

«Въ Шанхаѣ наживается много денегъ, но ихъ легче наживать, чѣмъ проживать; всѣ скучаютъ и хотя теперь болѣе евронеискихъ женщинъ, чѣмъ нѣсколько лѣтъ назадъ, когда ихъ было всего восемь, балы и вечера очень монотонны.

«Къ счастью, по послѣднимъ извѣстіямъ война скоро кончится и моряки и военные, возвратясь въ Шан-

*) Скартъ, шотландецъ, былъ на службѣ у императора инсургантовъ; его конюхъ, китаецъ, сдѣлался вполнѣдствіи однимъ изъ главныхъ предводителей мятежа.

хай, придадутъ ему оживленіе, въ которомъ онъ сильно нуждается.

«Офицеры также не проиграютъ, потому что гостепріимство здѣсь также задушевно, какъ и широко».

ГЛАВА II.

Отъ Шанхая до Тіень-Дзина.

Мирный договоръ, заключенный въ Пекинѣ 25-го Ноября 1860 года.—Отъѣздъ изъ Шанхая на военномъ корветѣ.—Флотъ на якорѣ въ заливѣ Пе-Ше-Ли. Эпизодъ изъ войны въ Пе-Тангѣ.—Китайскія тачки съ парусами.—Рѣка Пей-Го.—Видъ ея береговъ.—Военные и таможенныя джонки.—Самепаны и кео-шунны.—Коммерческія и рыболовныя суда.—Мосты на лодкахъ и деревянныя барки.

Миръ былъ заключенъ въ Пекинѣ 25-го Ноября 1860 года. Одинъ изъ параграфовъ трактата гласилъ, что городъ и портъ Тіень-Дзинъ будутъ открыты иностранцамъ; по другому договору, лордъ Энджинъ, англійскій посланникъ, потребовалъ, чтобы представитель ея величества, британской королевы, жилъ на будущее время постоянно или временно въ Пекинѣ, смотри по тому, какъ это будетъ угодно ея величеству. Такъ какъ Франція, со своей стороны, также получила обѣщаніе, что ея флагу будетъ оказываться величайшее уваженіе, то господинъ Бурбулонъ счелъ

нужнымъ сейчасъ же отправиться въ Тіень-Дзинь, еще занятый частью нашихъ войскъ, чтобы самому наблюдать за уплатою военнаго вознагражденія и уговориться, съ англійскимъ посланникомъ относительно времени, когда оба посольства переберутся въ Пекинъ. Постояннымъ пребываніемъ англійскаго и французскаго посланниковъ было исполнено желаніе всѣхъ европейскихъ націй; Китай наконецъ открылся для торговцевъ, промышленниковъ, ученыхъ и миссіонеровъ. До сихъ поръ дипломатія принуждена была переговариваться съ вице-королями отдаленныхъ провинцій, или ихъ делегатами, такъ что было невозможно узнать истинныхъ намѣреній центральнаго правительства, быть же съ ними въ постоянныхъ, ежедневныхъ сношеніяхъ—это былъ величайшій и наиболее серьезный результатъ, котораго достигли соединенныя арміи Франціи и Англій въ оконченной ими блестящей кампаніи.

4-го Ноября, военный посланникъ со всѣмъ персоналомъ посольства сѣлъ на паровой корветъ Форбинъ, отданный въ его распоряженіе контръ-адмираломъ Пажемъ.

Хотя госпожа Бурбулонъ уже страдала въ это время роковой болѣзью, которая началась у нея въ Шанхаѣ и должна была подвергать ее въ дорогѣ тяжелымъ испытаніямъ, она все-таки хотѣла также ѣхать, надѣясь, что болѣе сѣверный климатъ улучшитъ состояніе ея здоровья.

На разстояніи около двухъ сотъ миль отъ Шанхая находится заливъ Пе-Ше-Ли, въ который впадаетъ

рѣка Пей-Го. Переѣздъ на Форбинѣ совершился быстро и удачно, при спокойномъ морѣ и ясномъ небѣ.

«Трудно представить себѣ что нибудь лучше зрѣлища, поразившаго насъ при входѣ въ заливъ. Вдали, окутанный утреннимъ туманомъ, вился плоскій берегъ; устье рѣки казалось спокойнымъ озеромъ; среди волнъ залива, поднятыхъ вѣтромъ флоты, французскій и англійскій, стоявшіе на якорѣ, представляли величественную картину мачтъ и парусовъ, сверкавшихъ при первыхъ лучахъ солнца. Трудно представить себѣ что нибудь восхитительнѣе порядка этихъ громаднхъ военныхъ флотовъ, присутствіе которыхъ давало понятіе о той власти, которую человекъ сумѣлъ приобрести надъ Океаномъ. Маленькіе пароходики и канонерки скользили по всѣмъ направленіямъ, передавая приказанія, развозя провизію и патроны. Дымъ изъ ихъ трубъ легкими клубами поднимался къ небу».

Форбинъ сидѣлъ слишкомъ глубоко, чтобы войти въ Пей-Го, приходилось пересѣсть на коммерческій пароходъ Фи-Лунгъ, который сопровождала военная канонерка. Берега Пей-Го плоскіе и песчаные. Только что войдя въ рѣку уже видѣнъ на южномъ берегу довольно большой городъ Та-Ку, со своими знаменитыми укрѣпленіями, командующими обоими берегами рѣки и занятыми въ то время союзными арміями. На сѣверномъ берегу находится городъ Пе-Тангъ, въ которомъ три мѣсяца тому назадъ высадились англо-французская армія, чтобы обойти по сушѣ эти опас-

ныя укрѣпленія, которыя въ прошломъ году дали такой кровавый урокъ флоту.

Поэтому поводу я расскажу драматическій эпизодъ, переданный мнѣ инженернымъ капитаномъ Бувье.

«Когда первые отряды вошли въ городъ, сказалъ онъ, то я нашелъ его совершенно опустѣвшимъ. Англичане уже осматривали дома и я услышалъ страшный крикъ, раздавшійся въ довольно большомъ зданіи, повидимому, жилищѣ мандарина. Я вошелъ туда и вотъ зрѣлище, которое поразило меня: тамъ цѣлая толпа старухъ испускала страшные крики, при видѣ кавалеристовъ, выломавшихъ двери, и со страшными гримасами защищала доступъ къ большимъ глинянымъ вазамъ, въ которыхъ обыкновенно держится вода.

Въ эти вазы были засунуты, внизъ головою, трупы несчастныхъ молодыхъ женщинъ,—въ каждой вазѣ было по трупу. Ревность китайцевъ, которые не могли увести съ собою этихъ несчастныхъ созданій, придумала это ужасное средство, чтобы избавить ихъ отъ рукъ побѣдителей. Каковы должны были быть ихъ страданія! Быть погруженными живыми и медленно задохнуться въ узкихъ вазахъ, въ которыя ихъ тѣла могли быть всунуты только насильственно. Я приказалъ разбить эти орудія ужасной пытки и похоронить несчастныхъ.

Этотъ фактъ можетъ дать понятіе о томъ ужасѣ, который китайское правительство съумѣло внушить народу къ западнымъ варварамъ; оно не только назначило цѣну за головы посланниковъ, генераловъ, и даже каждаго солдата, но кромѣ того представляло

насъ ужасными чудовищами, способными на всевозможныя крайности и питавшимися человѣческимъ мясомъ. Но ужасъ скоро уступилъ мѣсто довѣрію.

«Послѣ взятія укрѣпленнаго лагеря Сингъ-Го, когда армія заняла форты Та-Ку, я имѣлъ случай возвратиться въ Пе-тангъ. Какъ только крестьяне убѣдились, что мы не трогаемъ ихъ виноградниковъ, полей и жилищъ, что мы аккуратно платимъ за все, они толпами возвратились въ свои дома.

«Нѣтъ ничего страннѣе способа передвиженія на сѣверѣ Китая: представьте себѣ громадную тачку съ двумя длинными оглоблями съ каждой стороны. Колеса вертятся въ деревянной клѣткѣ, поддерживаемой желѣзными полосами, въ хорошій вѣтеръ изобрѣтательные китайцы прибавляютъ къ этому сооруженію мачты съ четырехугольными парусами. На клѣткѣ развѣшаны всевозможные предметы необходимости: кастрюли, горшки, вмѣстѣ со старымъ платьемъ, земледѣльческіе инструменты и тому подобное. На одномъ концѣ носилокъ жена хозяина сидитъ, подвернувъ подъ себя ноги съ младшими дѣтьми, иногда окруженная домашними птицами въ клѣткахъ; въ задней части тачки двое или трое ребятъ цѣпляются за мѣшки съ зерномъ и рисомъ, тогда какъ старшій, если онъ достаточно силенъ, чтобы работать, помогаетъ отцу и бѣжитъ впередъ, обвязанный ремнемъ, концы котораго привязаны къ оглоблямъ. Длинный рядъ этихъ тачекъ по дорогѣ изъ Сингъ-Го въ Пе-тангъ, сопровождаемыхъ обычными криками этихъ бѣдняковъ, блеяніемъ

стадь и криками птицъ, представляя живописное зрѣлище, полное жизни и дѣятельности».

Рѣка Пей-го не широка, не болѣе двухъ или трехъ сотъ метровъ, то есть приблизительно въ ширину Сены, около Парижа, но такъ какъ она канализована, то по ней могутъ двигаться суда, сидяція довольно глубоко. Между устьемъ и Та-Ку большіе солончаки, но около Та-Ку мѣстность измѣняется, почва становится болѣе возвышенной и холмы, покрытые виноградниками, подходятъ почти къ самой рѣкѣ. На обоихъ берегахъ видны поля, окруженныя деревьями и многочисленными деревнями. Вблизи домовъ видѣется небольшое, покрытое газономъ, пространство—это кладбище.

Но плаваніе становится все затруднительнѣе, рѣка представляетъ множество поворотовъ и нужна была большая осторожность, чтобы Фи-Лунгъ, принужденный поминутно поворачивать, не наткнулся гдѣнибудь на камень. По мѣрѣ тѣго какъ приближаешься Тіень-Дзину, по обѣ стороны видѣются безконечныя маисовыя поля, не видно ни заборовъ, ни мелкихъ огородовъ, только время отъ времени попадаетъ одинокое дерево, почва становится дурнаго качества; зато по обѣ стороны рѣки видѣются всевозможные способы орошенія, по большей части громадныя колеса, крайне легкія, покрытыя бамбуковыми ведрами, которыя поворачиваясь черпаютъ воду въ рѣкѣ и выливаютъ въ деревянные резервуары, изъ которыхъ она разливается по сосѣднимъ полямъ; въ другихъ мѣстахъ дѣйствуютъ сильныя насосы, приводимые въ движеніе мулами.

Не смотря на терпѣливыя усилія китайскихъ земледѣльцевъ, время отъ времени все-таки попадаются большія необработанныя песчаныя долины, гдѣ всѣ старанія людей были безсильны противъ бесплодности почвы.

Въ началѣ ноября 1860 года было уже холодно и такъ какъ Пей-го замерзаетъ каждый годъ, то навигація почти прекратилась, плоскіе суда: сампаны, джонки были введены въ крошечныя искусственныя заливы, устроенныя по всей длинѣ рѣки и отдѣленные отъ нея земляной плотиною, которую разрушаютъ весною послѣ ледохода. Въ хорошее время года навигація по этой рѣкѣ довольно большая, такъ какъ Тіень-Дзинъ служитъ гаванью Пекину и другимъ большимъ городамъ провинціи Пе-Ше-Ли.

Въ Китаѣ, благодаря громаднымъ рѣкамъ и гигантской канализаціи, почти всѣ сообщенія производятся водою. Нравы и привычки обитателей Пей-Го, форма и конструкція судовъ, двигающихся по рѣкѣ, представляютъ такія интересныя подробности, что я считаю нужнымъ передать ихъ здѣсь.

Здѣсь встрѣчаются военныя и таможенныя джонки, сампаны и другія коммерческія суда, джонки для перевозки путешественниковъ, рыболовныя лодки и наконецъ маленькія потѣшныя лодки, называемыя кео-шуенами. Военныя джонки не сидятъ въ водѣ болѣе трехъ или четырехъ футовъ,—онѣ снабжены пушками и какъ только начинается дурная погода должны скрываться въ гавани. Формы ихъ крайне разнообразны, хотя вообще сильно поднятыя на носу и на кормѣ,

общимъ видомъ онѣ напоминаютъ древнія галеры Средиземнаго моря; громадныя весла служатъ имъ для безвѣтрія и противныхъ вѣтровъ. Въ этихъ джонкахъ часто бываетъ два и три ряда весель, у другихъ есть руль спереди и сзади, и онѣ двигаются въ двухъ направленіяхъ при помощи четырехъ колесъ, въ родѣ колесъ нашихъ парходовъ, но только двигатель этотъ приводится въ движеніе матросами. Такимъ образомъ китайцы первые примѣнили колеса къ мореплаванію.

Таможенные джонки такъ же принадлежатъ къ императорскому флоту; онѣ менѣе велики и представляютъ самыя странныя формы—то птиць, то драконовъ, то рыбъ съ ихъ плавниками и чешуей, съ рулемъ въ видѣ хвоста животнаго. Эти суда, имѣющія по двѣ мачты съ четырехугольными парусами и двумя маленькими пушками на палубѣ, по большей части раскрашены самыми яркими цвѣтами. Государственные моряки всѣ одѣты въ одинаковый синій бумажный костюмъ и повидимому не имѣютъ оружія.

Большія коммерческія джонки съ палубами, иногда пользуясь благопріятными муссонами, доходятъ до Филиппинскихъ и Зондскихъ острововъ. Одно такое судно, нанятое однимъ Кантонскимъ торговымъ домомъ, подъ командою американскаго капитана, сходило въ 1865 году въ Калифорнію, въ Санъ-Франциско, съ грузомъ чая, фарфора и духовъ. Капитанъ рискнулъ такимъ образомъ перейти Тихій Океанъ. И, дѣйствительно, эти суда, хотя двигающіяся медленно и слабо пови-
нующіеся рулю, однако благодаря своей формѣ напо-

минающія древнія голландскія галліоты, прекрасно держатся на морѣ.

Китайцы—хорошіе моряки и очень часто они составляютъ большую часть экипажа европейскихъ судовъ, ходящихъ въ этихъ моряхъ; къ несчастію они мало склонны къ дисциплинѣ, воруютъ и склонны къ пиратству.

Сампаны и другія суда, служащія для торговли на рѣкахъ и каналахъ, велики, четверугольны и иногда имѣютъ четыре или пять мачтъ; ихъ множество всевозможныхъ родовъ, приспособленныхъ ко всякимъ перевозимымъ товарамъ. Ихъ паруса—изъ тростника, якоря—изъ желѣза и дерева. Всѣ маневры на нихъ происходятъ безъ свистковъ и команды посредствомъ гнусливаго пѣнія совершенно особенной интонаціи.

Джонки для перевозки путешественниковъ, похожи на настоящіе плавающіе дома; масса покрывающихъ ихъ построекъ дѣлаетъ парусные маневры очень трудными. Онѣ спускаются по теченію, руководимыя двумя гребцами, каждый съ однимъ весломъ, стоящими на носу и на кормѣ; вмѣсто того, чтобы сидѣть и разрѣзать воду спереди назадъ, китайцы гребутъ стоя и сваду на передъ. Когда приходится подниматься вверхъ по теченію они двигаются бичевой и такъ какъ въ этой необыкновенной странѣ все дѣлается на оборотъ нашимъ привычкамъ, то, какъ только имъ становится жарко; они обнажаются до пояса, но не сверху какъ мы, а снизу, то есть снимаютъ панталоны и оставляютъ рубашку. Они говорятъ, что такимъ образомъ

имъ холоднѣе и въ то же время они застрахованы отъ солнечнаго удара.

Живописное зрѣлище представляютъ эти джонки, наполненныя путешественниками, играющими въ карты, пьющими кофе, курящими опиумъ. Громкіе удары там-тама издали даютъ знать о ихъ отходѣ и прибытіи.

Рыболовныя лодки узнаются по ихъ тростниковымъ парусамъ, сложеннымъ какъ вѣеръ и большимъ чернымъ сѣтямъ, тщательно развѣшаннымъ по мачтамъ.

Есть также маленькія джонки мандариновъ, замѣняющія наши яхты. Онѣ очень изящны; въ нихъ устроены: столовая, спальня, гостинная, все раскрашенное, раззолоченное и лакированное. Задняя часть назначается для хозяина, въ передней помѣщается слуги. Чтобы не развлекаться шумомъ и не быть стѣсненнымъ маневрами, владѣлецъ такой джонки приказываетъ прикрѣпить ее къ лодкѣ, которую шестеро здоровыхъ гребцовъ двигаютъ впередъ.

Наконецъ по рѣкѣ двигается множество маленькихъ, плоскихъ лодокъ, при помощи одного весла; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, называемыхъ кео-шуенами, гребецъ, лежа на кормѣ, благодаря остроумному механизму, позволяющему ему это положеніе, двигаетъ весла ногами и легкая лодка, въ которой издали никого не видно, быстро скользитъ, какъ будто бы безъ посторонней помощи. Но что всего остроумнѣе въ китайскомъ флотѣ—это раздѣленіе трюма на множество отдѣльных частей, что вслучаѣ пробойны не даетъ всему судну наполниться водою. Въ Пей-Го фарватеръ

указанъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воткнутыми палками, но не слѣдуетъ полагаться на эти указанія, такъ какъ русло рѣки измѣнчиво.

Въ Тіенъ-Дзинѣ попадаются еще лодки-мельницы съ колесами съ каждой стороны и палубами совершенно особаго устройства.

Въ Пей-Го попадаются огромныя деревянныя барки, похожія на наши, исключая то, что у нихъ есть мачты и паруса. Эти барки, черезъ императорскій каналъ, доходятъ до центра Китая, употребляя много времени на это путешествіе. На нихъ устроены дома, или, лучше сказать, хижины, которыя моряки окружаютъ на столько толстымъ слоемъ земли, что могутъ сажать на немъ овощи — это плавающіе огороды, а сами по себѣ барки представляютъ колоніи, въ которыхъ живутъ цѣлыя семейства.

ГЛАВА III.

Ті е н ь - Д з и н ь .

Іамунь занятый посольствомъ.—Описаніе китайскаго будуара.—Брошенная дѣвушка. — Пекинскій дворець, уступленный французскому посольству.—Пагода пытокъ. Естественныя произведенія.—Обработка винограда. — Сохраненіе състныхъ продуктовъ. — Продажа льда. — Охота съ соколомъ. — Тіень-дзинскія женщины. — Китайскій поварь консульства.—Слѣпой музыкантъ.—Ледоходъ на Пей-го.

Путешественники прибыли въ Тіень-Дзинь 12-го Ноября 1860 года. Благодаря извилистости Пей-го пришлось употребить два дня на проѣздъ шестидесяти двухъ километровъ, отдѣляющихъ этотъ городъ отъ устья рѣки.

Французское посольство было помѣщено въ іамунь¹⁾, уступленномъ богатымъ китайцемъ, который еще

¹⁾ Іамунюмъ называется по китайски соединеніе кіосковъ, павильоновъ, дворовъ, окруженныхъ большими садами, служащихъ жилищами мандари-намъ, словомъ равнозначущихъ отелямъ или скорѣе дворцамъ.

прежде этого желалъ поселить у себя генераловъ и посланниковъ. Этотъ хитрый негоціантъ, много заработавшій на поставкѣ провіанта союзнымъ арміямъ, желалъ выставиться и его расположеніе къ европейцамъ было очевидно внушено его собственными выгодами.

Въ посольскомъ іамунѣ, помѣщающемся на берегу Пей-го, былъ прекрасный паркъ; павильоны, отдѣленные дворами и садами, находились въ прекрасномъ состояніи.

«Внутренность нашего новаго жилища, хотя совершенно въ китайскомъ вкусѣ, очень изящна и доставляетъ удовольствіе своею странностью и блескомъ свѣже отлакированныхъ украшеній. Я обратила свое вниманіе на двѣ комнаты, которыя и превратила въ гостиную и будуаръ. Въ нихъ видны всѣ цвѣта радуги; пейзажи съ морями, озерами и лѣсами; сцены, представляющія императорскую охоту въ лѣсу Же-Голь. Антилопы и козы бѣгутъ по всѣмъ направленіямъ, преслѣдуемая собаками, съ хвостами трубой; затѣмъ множество забавныхъ сценъ. Это гостинная, но мнѣ болѣе нравится будуаръ съ его чудными украшеніями изъ рѣзнаго дерева—это неподражаемая смѣсь листьевъ, цвѣтовъ и животныхъ, вырѣзанныхъ изъ желѣзнаго дерева. Китайцы удивительные рѣзчики; я не видѣла ничего лучшаго въ Европѣ, ничего болѣе артистичнаго, какъ эта деревянная рѣзьба.

«Въ глубинѣ будуара и гостиной, у оконъ расположены неизбѣжныя канги, которыя на сѣверѣ Китая служатъ въ одно и тоже время постелями и печками. Представьте себѣ эстраду, въ два фута вышины

и въ шесть ширины, занимающую цѣлый уголь комнаты, на которую помѣщаютъ матрасы и суконныя одѣяла, и на которой могутъ свободно спать четверо. Внутренность этой коробки обдѣлана кирпичемъ и черезъ отверстіе, продѣланное снаружи дома, въ этой печкѣ зажигаютъ большой огонь; въ богатыхъ домахъ для этого держатся особые слуги. Вотъ что такое канги. Мои служатъ только какъ печки и верхъ ихъ украшенъ прекраснымъ фарфоромъ и всевозможными китайскими рѣдкостями, которыя мы собираемъ. Нѣсколько стульевъ, лакированный столъ и англійскій коверъ дополняютъ меблировку моего будуара. Я бы могла считать себя очень хорошо устроившейся, если бы не особенной породы тараканы, которые съѣдаютъ бѣлье, грызутъ деревянную рѣзбу; какъ кажется эти отвратительныя животныя здѣсь также многочисленны какъ и на югѣ Китая.

«Тіень-Дзинская жизнь крайне монотонна; состояніе моего здоровья медленно улучшается и я мало могу выходить, но мой мужъ дѣлаетъ большія прогулки верхомъ, которыя очень удобны по большимъ долинамъ, окружающимъ городъ. Благодаря утреннимъ морозамъ можно оставлять дорогу и ѣхать прямо по полю.

«Нѣсколько времени тому назадъ, я взяла здѣсь молоденькую китаянку лѣтъ одиннадцати, или двѣнадцати, которую нашла, послѣ взятія Пе-Танга, въ домѣ, гдѣ ея родители были убиты. Она должно быть принадлежала къ хорошему семейству, я стараюсь образовывать ее, но она не чувствительна ни къ чему. Дѣ-

вущка этихъ дѣтъ уже сформирована и ея ребячество, можетъ быть, результатъ отсутствія всякаго образованія у женщинъ этой страны, гдѣ на нихъ скорѣй глядятъ, какъ на вещь, чѣмъ на человѣка. Она спитъ и ѣстъ хорошо, очень весела и какъ кажется висколько не беспокоится объ ужасномъ несчастіи, разлучившемъ ее съ родителями, можетъ быть, она даже предпочитаетъ кротость, съ которой съ ней здѣсь обращаются, тому подчиненію, которое ожидало ее въ семействѣ. Я требую, чтобы она перестала тираниить свои ноги, но въ этомъ отношеніи она менѣе послушна, чѣмъ въ другихъ. Жестокая мода—единственная вещь, въ которой она ясно выразила свое желаніе. Ея ноги еще не совсѣмъ обезображены и могутъ принять свою естественную форму, однако, когда снимаютъ стягивающія ихъ перевязки, она снова надѣваетъ ихъ ночью.

«... Моя юная китайка неожиданно цивилизовалась. Я обратила ее въ христіанство и была ея крестной матерью,—теперь она будетъ называться Катериной и подъ этимъ именемъ я отправляю ее къ Шанхайскому епископу, гдѣ она будетъ продолжать свое образованіе въ католическомъ заведеніи, находящемся подъ его присмотромъ».

«Тіень-Дзинъ естественно дѣлится на двѣ части рѣкою Пей-го и Императорскимъ каналомъ. На южномъ берегу рѣки помѣщается городъ, обнесенный стѣною и омываемый съ запада каналомъ. По ту сторону канала и на томъ же самомъ берегу Пей-го находится большое торговое предмѣстье, соединенное съ

городомъ мостомъ на баркахъ. Это дѣловой центръ и складъ всевозможныхъ товаровъ.

На сѣверѣ Пей-го находится другое предмѣстье, наполненное громадными садами, которое можно называть официальнымъ городомъ; тутъ-же помѣщаются іамуны французскаго и англійскаго посольства, такъ же какъ и высшихъ мандариновъ и, наконецъ, императорскій дворець, въ которомъ былъ подписанъ первый трактатъ, заключенный въ Тіень-Дзинѣ въ 1858 году. Этотъ дворець, 21-го Декабря 1861 года, по просьбѣ французскаго посланника былъ отданъ миссіонерамъ и сестрамъ милосердія, устроившимъ въ немъ миссію.

Пей-го, текущая въ юго-западномъ направленіи, дѣлаетъ поворотъ въ центрѣ города—поворотъ, въ который впадаетъ Императорскій каналъ. Ихъ соединеніе образуетъ большую гавань, покрытую судами всевозможныхъ величинъ, приходящими изъ центральныхъ провинцій Китая черезъ Гоангъ-го и Іанъ-се-кіангъ. Это чудное произведеніе искусства проходитъ по большей части среди Китая. Онъ начинается въ Гонгъшеу, столицѣ провинціи Ше-Кіангъ на югъ отъ Шанхая, проходитъ по всѣмъ населеннымъ центрамъ Кіангъ-Су, Шанъ-Тунга и Пе-Ше-Ли и впадаетъ въ Тіень-го, при Тіень-Дзинѣ. Отъ Тіень-Дзина другой каналъ идетъ до Пекина.

Императорскій каналъ снабженъ каменными набережными; ширина его всего сто метровъ, но по немъ могутъ двигаться глубоко сидящіе суда. Громадныя канализаціонныя работы, исполненныя китайцами, вполнѣ

справедливо возбуждаютъ восхищеніе путешественниковъ.

Прекрасное торговое положеніе Тіень-Дзіна сдѣлало изъ него прекрасную гавань. Этотъ городъ скученъ и мало оживленъ, хотя въ немъ считаютъ до ста тысячъ жителей; улицы въ немъ шире и лучше проведены, чѣмъ улицы китайскихъ городовъ, но дома низки и по большей части выстроены изъ земли и глины; въ немъ нѣтъ ни одного замѣчательнаго зданія, исключая нѣсколькихъ красивыхъ іамуновъ, расположенныхъ по берегу рѣки, и древней пагоды, называемой пагодою пытокъ, которая, по странности своихъ украшеній, заслуживаетъ особаго описанія. Въ ней помѣщается цѣлый рядъ деревянныхъ, раскрашенныхъ и позолоченныхъ статуй, почти всѣ въ натуральную величину, которыя представляютъ всевозможныя роды пытокъ, назначаемыхъ въ аду въ наказаніе за преступленія, такъ же какъ и на землѣ.

Первая группа представляетъ пейзажъ—это громадная скала, усаженная желѣзными остріями, сверху которой катятся маленькія фигурки. Въ своемъ паденіи онѣ попадаютъ на острія, которыя раскалываютъ ихъ на куски—это наказаніе честолюбцевъ и гордецовъ.

Вторая группа представляетъ совершенно обнаженнаго человѣка, сдавленнаго двумя досками. Палачи аккуратно перепиливаютъ его изъ конца въ конецъ—это пытка отцеубійць.

Третья группа представляетъ женщину, также обнаженную, которая привязана къ столбу; у нея вырываютъ внутренности и замѣняютъ ихъ раскален-

ными углями, послѣ чего животъ снова зашиваютъ— это наказаніе за прелюбодѣяніе.

Затѣмъ слѣдуетъ человекъ, которому прокалываютъ языкъ за ложь и злоупотребленіе словомъ, съ другого заживо сдираютъ кожу—измѣна. Женщина, погруженная въ кипящее масло, представляетъ отравительницу, наконецъ, мандаринъ, раздавливаемый желѣзными колесами, тогда какъ внизу собаки лижутъ его кровь и подбираютъ куски мяса, представляетъ поджигателя.

Послѣдняя группа изображаетъ остроумный механизмъ: на доскѣ, движущейся горизонтально, лежитъ пытаемый, разрѣзываемый на куски большимъ ножомъ, который рѣжетъ его аккуратно сверху внизъ—это наказаніе разбойниковъ. Всѣ эти ужасныя маріонетки весьма искусно устроены и страшны, не смотря на ихъ смѣшную сторону. Пытки, придуманныя китайцами, ужасны и артистъ, изобразившій ихъ, только передалъ толкованіе бонзъ.

Вокругъ этихъ группъ помѣщены статуи мстительныхъ адскихъ боговъ, присутствующихъ при этихъ мученіяхъ съ ужасными гримасами.

Наконецъ, въ этой же пагодѣ находится большой пейзажъ, выточенный изъ дерева и покрытый фигурками, представляющими пути будущей жизни. Громадная толпа идетъ по дорогѣ, ведущей въ рай; передъ его дверями небесный стражъ, украшенный громадной бородой, впускаетъ однихъ и отталкиваетъ другихъ, которые съ отчаяніемъ бросаются въ пропасть, въ которой адскія муки ожидаютъ своихъ жертвъ.

Жрецы Будды, какъ видно стараются поразить ужасомъ воображеніе кающихся, но китайцы отъ природы мало легковѣрны и еще менѣе того щедры, поэтому бонза, сидящій у дверей, напрасно яростно колотить въ тамтамъ—милостыня, которая должна выкупать грѣхи, сыплется далеко не щедро.

Діалектъ, на которомъ говорятъ въ Тіенъ-Дзинѣ на столько отличенъ отъ южнаго, что шанхайскіе кули *), пріѣхавшіе съ посольствомъ, съ трудомъ могли объясняться съ мѣстными жителями. Не слѣдуетъ забывать, что въ Китаѣ, кромѣ языка мандариновъ, языка ученаго, на которомъ говоритъ вездѣ образованный классъ, есть еще множество разнообразныхъ нарѣчій, измѣняющихся по провинціямъ. Тіенъ-Дзинъ нисколько не похожъ на города провинцій Куангъ-Туанга, Фо-Кіена и Куангъ-Су — естественныя произведенія, костюмы и обычаи, все другое. Я обязана лейтенанту корабля Требу, исполнявшему втеченіи года обязанности французскаго консула въ этомъ городѣ, интересными подробностями, которыя спѣшу сообщить здѣсь.

«Поля, окружающія Тіенъ-Дзинъ, плодородны и вполне достаточны для пропитанія населенія. Майсъ, сорго и пшеница, всѣ растенія, дающія масло и въ особенности виноградъ, обрабатываются въ окрестностяхъ. Виноградъ бѣлый или черный и прекраснаго вкуса служитъ здѣсь скорѣй, какъ плодъ, чѣмъ, какъ матеріаль для приготовленія вина. Китайцы не умѣютъ

*) Кули называется всякій рабочій и поденщикъ.

дѣлать вина, но за то прекрасно умѣютъ сохранять плоды и изъ Тьенъ-Дзина вывозится виноградъ, во всякое время подающійся на столахъ богатыхъ мандариновъ. Вотъ какимъ образомъ это дѣлается: Пей-Го обыкновенно замерзаетъ на три мѣсяца въ году; тогда поверхность рѣки покрывается рабочими, рубящими ледъ, на глубинѣ отъ 40—50 сантиметровъ, ровными плитами похожими на кабаны. Эти плиты перевозятся въ одну мѣстность на сѣверѣ и накладываются одна на другую такимъ образомъ, что образуютъ длинныя, высокія галлерей, между которыми остается проходъ, достаточный для одного человѣка и въ интервалахъ этихъ ледяныхъ стѣнъ на веревкахъ развѣшиваются виноградныя кисти. Есть этого рода ледники, которые имѣютъ много сотенъ метровъ въ длину и ихъ встрѣчается множество въ окрестностяхъ Тьенъ-Дзина. Эти ледяные дома противятся самымъ сильнымъ лѣтнимъ жарамъ и такъ прекрасно сохраняютъ плоды, что мнѣ былъ поданъ смѣшанный виноградъ нынѣшняго и прошлаго года и я не могла замѣтить разницы.

Торговля льдомъ имѣетъ большую важность между сѣверомъ и югомъ Китая, не для освѣженія напитковъ, такъ какъ извѣстно, что китайцы пьютъ все теплое, но для сохранения съѣстныхъ продуктовъ. Вотъ какимъ образомъ устраиваютъ ледники на сѣверѣ: дѣлаютъ четырехугольную яму, кладутъ въ нее куски льда одинаковой величины и прикрываютъ все землей и соломой. Подобный ледникъ громаднхъ размѣровъ былъ во внутреннемъ дворѣ крѣпости Та-Ку. На югѣ.

напротивъ того, ледники устраиваютъ на возвышенныхъ мѣстахъ, на вершинахъ холмовъ.

Въ нынѣшнемъ году (1861) европейскія суда получили большую выгоду отъ перевозки льда между различными китайскими портами; употребленіе льда такъ распространено, что я видѣлъ здѣсь у торговцевъ замороженную рыбу, которая обливается водой зимою и когда окружающій ее слой льда становится достаточно толстымъ, ее кладутъ въ ледники и выпускаютъ на свѣтъ Божій въ срединѣ лѣта.

Крайнее изобиліе винограда въ провинціи Пе-Шели, его ничтожная цѣна, такъ какъ корзина стоитъ нѣсколько сапековъ *), наконецъ полнѣйшее неумѣніе китайцевъ готовить вино, все это заставляеть меня думать, что французскіе винодѣлы, которые пріѣхали-бы дѣлать здѣсь вино, могли-бы въ короткое время пріобрѣсти громадныя выгоды, вслѣдствіе большой дороговизны вина на всемъ крайнемъ востокѣ.

Въ окрестностяхъ Тьень-Дзина воздѣлываютъ такъ же персики, груши и яблоки, но эти плоды низшаго качества. Наконецъ здѣсь есть всевозможныя овощи: морковь, капуста бѣлая и зеленая, бобы, горошекъ, латукъ, лукъ, чеснокъ и тому подобное.

Зимою здѣсь продаются бѣлые и розовые корни какого-то растенія толщиною въ палецъ и весьма вкусныя.

Тьень-Дзинъ — рынокъ, обильно снабженный морской и рѣчной рыбой, породы которой похожи на

*) Сапекъ приблизительно равняется сантимету.

наши; зайцы, куропатки и дикія утки во множествѣ водятся въ сосѣднихъ долинахъ и болотахъ. Заяцъ на столько обыкновенная дичь, что я видѣла какъ покупали двадцать три штуки на одинъ піастръ. Китайцы не особенно любятъ его мясо, а нашимъ солдатамъ оно до того надоѣло, что они не хотятъ ѣсть его даже въ супѣ.

Мѣстные обитатели ловятъ дичь въ ловушки самыхъ разнообразныхъ сортовъ, которыхъ я не стумѣла бы описать, но которыя показались мнѣ очень остроумными, такъ какъ ихъ рѣдко постигаетъ неудача. Китайцы мало охотятся съ ружьями вслѣдствіе несовершенства ихъ огнестрѣльнаго оружія, но за то прекрасно умѣютъ охотиться съ соколами.

На сѣверѣ Китая охота съ соколами не есть привилегія знатныхъ особъ: есть бѣдные люди, которые живутъ исключительно этой охотой. На зайца и на куропатку охотятся съ соколами.

Нѣсколько дней тому назадъ я была на подобной охотѣ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой былъ Пу-Тао, продавецъ дичи и браконьеръ по профессіи.

Въ холодную, сухую погоду мы отправились за городъ—Пу-Тао пѣшкомъ и босикомъ, я на лошади. Въ это время зайцы выходятъ погрѣться на полуденномъ солнцѣ. Пу-Тао съ соколомъ на рукѣ принялся пробѣгать гимнастическими шагами большіе круги, которые съ каждымъ кругомъ все уменьшались. Его опытный глазъ замѣтилъ зайца, который вдругъ выскочилъ изъ подъ ногъ у охотника. Тотъ сейчасъ-же спустилъ сокола и отклонился назадъ съ

крикомъ: «ай, ай! Тунгъ-гіо!» то есть: «Смѣлѣе товарищъ!».

Указательнымъ пальцемъ лѣвой руки онъ указываетъ птицѣ на зайца, который кажется только черной точкой вдали, тогда какъ соколъ кружась поднимается въ воздухъ, но драма быстро оканчивается: хищная птица, какъ стрѣла падаетъ на жертву, которую раздираетъ своими могучими когтями. Охотникъ бѣжитъ впередъ, испуская радостные крики, я же галопомъ подъѣзжаю къ соколу побѣдителю, охотникъ бросаетъ птицѣ кусокъ мяса въ вознагражденіе и снова сажаетъ ее къ себѣ на руку, тогда какъ дичь исчезаетъ въ громадной сумкѣ, которую онъ носитъ на спинѣ. Я видѣла пойманныхъ такимъ образомъ трехъ зайцевъ, въ теченіи часа и возвратилась въ Тьенъ-Дзинъ въ восторгѣ отъ этой прекрасной охоты, столь любимой нашими предками и уже столько вѣковъ оставленной въ Европѣ я не понимаю почему.

Возвращаясь въ одну изъ деревень, я встрѣтила префекта города Тзе - Шена. Онъ ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи свиты, вооруженной луками, арбалетами и ружьями. Все населеніе падало на колѣни при его проѣздѣ и толстякъ, довольный почтительностью управляемаго имъ города, проѣзжалъ мимо, легкимъ наклоненіемъ головы выказывая свое удовольствіе. Народъ въ этой провинціи гораздо мягче и имъ легче управлять, чѣмъ въ Кантонѣ и Амои. Онъ начинаетъ привыкать къ нашимъ фигурамъ и когда военная музыка проходитъ по улицамъ, всѣ молодыя женщины, страстно любящія ее,

выбѣгаютъ на порогъ дверей и открываютъ окна; между китайками есть очень хорошенькія. Недавно я видѣла продавщицу овощей, которая считалась бы красавицей во всѣхъ странахъ свѣта. Мой старыи поваръ, Ки-Дзинъ, грубо спорилъ съ нею; когда я спросила, почему онъ съ ней такъ обращается, онъ отвѣтилъ мнѣ на это, что она—женщина. Это неопровержимый аргументъ: Ки-Джинъ китаецъ стараго закала и не дѣлаетъ никакихъ уступокъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Годъ тому назадъ, когда союзныя войска заняли Тьенъ-Дзинъ, его нашли одного въ домѣ, оставленномъ хозяевами. Европейскіе офицеры поселились въ домѣ и Ки-Дзинъ, по доброй волѣ, сдѣлался слугой французскаго повара и въ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ гораздо искуснѣе своего профессора, котораго и замѣнилъ; я получила его вмѣстѣ съ домомъ и крайне дорожу имъ, такъ какъ онъ чистъ и честенъ—два качества рѣдкія въ китайцахъ. Недавно онъ сказалъ мнѣ, что у него остались жены и дѣти въ Тунгъ-Чеу, я дала ему отпускъ, чтобы стѣздить повидаться съ ними и когда, по возвращеніи, я спросила, доволенъ ли онъ путешествіемъ, онъ сталъ плакать, говоря о своихъ сыновьяхъ, которыхъ нашелъ выросшими и здоровыми и для которыхъ, говорилъ онъ, готовъ работать до послѣдняго издыханія.

— А твои жены? спросила я.

— Жены! сказалъ онъ на своемъ ужасномъ китайскомъ жаргонѣ и самымъ презрительнымъ тономъ. Не хорошо! Не хорошо! Бамбукъ, бамбукъ!

И такъ палка—вотъ единственный аргументъ, ко-

торый китайцы употребляют со слабымъ поломъ. Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ презрѣннн къ женщннамъ и неестественныхъ вкусахъ, къ несчастно столь распространенныхъ, главной причины деморализаціи и вырожденія великой китайской имперіи? Здѣсь масса нищихъ и они страшно смѣлы и невыносимо настойчивы, въ особенности одинъ старый слѣпой, который упрямо не отходитъ отъ дверей консульства и каждый разъ, какъ я выхожу, или вхожу, яростно играетъ мнѣ «королеву Гортензію» или «Марсельезу», которыми выучился, не знаю какъ, отъ нашихъ солдатъ. Гнусливые звуки его флейты выводятъ меня изъ себя, правда, въ моему утѣшенію, у англійскаго консула есть другой, который постоянно играетъ ему «God save the queen» и играетъ его съ такой яростью, что еслибы я не боялась, въ виду грубости мѣстной полиціи, что его побьютъ, то просила бы пи-тао *) избавить меня отъ него».

Господинъ и госпожа де-Бурбулонъ спокойно провели въ Тьень-Дзинѣ зиму 1860—1861 годовъ, которая была очень холодна. При состояніи здоровья госпожи де-Бурбулонъ и въ такую холодную погоду нечего было и думать о путешествіи въ Пекинъ и при томъ же переговоры были начаты принцемъ Конгомъ объ окончательномъ назначеніи мѣстапробыванія въ столицѣ для французскаго и англійскаго пословъ.

Въ Мартѣ 1861 года неожиданно начался ледоходъ на Пей-Го и ночью громкій трескъ далъ знать о его началѣ.

*) Городской полицейскій.

Это было грандіозное и оживленное зрѣлище. Повсюду появлялись факелы и большіе фонари на длинныхъ бамбуковыхъ палкахъ, освѣщавшіе моряковъ и народъ, старавшійся защитить свои лодки и барки. Громкіе звуки тамтама—это мѣстный набатъ—раздавались по улицамъ, требуя помощи, и громкіе крики, заглушались глухимъ ревомъ рѣки, продолжавшей подниматься и трескомъ льдинъ, которыя теченіемъ бросало одну на другую.

Наконецъ день освѣтилъ эту сцену отчаянія; нѣкоторыя лодки были разбиты, много народу погибло, но въ этомъ человѣческомъ муравейникѣ, называемомъ Китаемъ, жизнь считается ни за что и матеріальныя потери однѣ могутъ нарушить обычную веселость китайцевъ.

Между тѣмъ весна началась во всемъ своемъ великолѣпнн и приходилось думать о скоромъ отъѣздѣ и устройствѣ въ Пекинѣ, этой громадной, почти неизвѣстной столицѣ, гдѣ на будущее время должны были поселиться посланники.

ГЛАВА IV.

Отъ Тьенъ-Дзина до Пекина.

Политическіе переговоры.—Отъѣздъ изъ Тьенъ-Дзина 22 Марта 1861 года.—Кортежъ и свита французскаго посланника.—Болѣзнь госпожи де-Бурбулонъ.—Города Іангъ-Шуенъ и Го-Зи-Му.—Долина Чангъ-Кіо-Уангъ.—Описаніе Тунгъ-Чеу.—Мостъ Пали-Кіао вечеромъ послѣ битвы.—Пекинскіе каналы.—Предмѣстье и столица.—Сильное любопытство.—Въѣздъ черезъ ворота Тунгъ-Шюнь-Менъ.—Прибытіе во дворецъ посольства Дзингъ-Конгъ-Фу.

Переговоры, происходившіе втеченіи зимы съ принцемъ Конгомъ, регентомъ, имѣли результатомъ уступку императорскаго дворца въ Пекинѣ французскому и англійскому посланникамъ для постоянного помѣщенія ихъ посольствъ.

Первый секретарь отправился туда впередъ и Бувье, инженерный капитанъ, долженъ былъ руководить необходимыми поправками для того, чтобы сдѣ-

лать обитаемымъ новый дворець посольства, давно оставленный китайскимъ правительствомъ.

21-го Марта Чунгъ-Гіу, префектъ Тьенъ-Дзина, явился къ французскому посланнику, не предупредивъ о своемъ посѣщеніи, какъ это принято, и сообщилъ ему, что принцъ Конгъ сильно опасается, чтобы прїездъ его и его англійскаго собрата не совпалъ съ возвращеніемъ императора, формально объявленнымъ на 29 или 30-е Марта,—вслѣдствіе этого онъ предлагалъ господину де-Бурбулону отправиться сейчасъ-же или-же отложить свой вѣздъ въ столицу до первыхъ дней Апрѣля.

Въ виду неособеннаго желанія китайскаго правительства допустить въ Пекинъ иностранныхъ пословъ было очень важно не замедлять этого прїезда. Состояніе здоровья госпожи де-Бурбулонъ немного улучшилось и отъѣздъ былъ назначенъ, согласно желанію, выраженному принцемъ Конгомъ, на слѣдующій день, 22-го Марта.

Чунгъ-Гіу, довольный даннымъ ему отвѣтомъ, объявилъ, что получилъ приказаніе заботиться о томъ, чтобы путешествіе было окружено всевозможными удобствами и уваженіемъ, и онъ надѣется, что принялъ необходимыя для этого мѣры. Эти мѣры уже приводились въ исполненіе: большая часть багажа двигалась водою къ Тунгъ-Чеу подъ присмотромъ мелкаго мандарина и уже 20-го утромъ господинъ де-Миритенсъ, секретарь-переводчикъ, отправился впередъ въ сопровожденіи мандарина, рангомъ равнявша-

гося су-префекту, которому было поручено помогать ему готовить квартиры для ночных остановок.

22-го Марта, въ полдень, весь домъ французскаго посланника, какъ французскій такъ и китайскій, двинулся въ путь. Онъ представлялъ довольно значительный поѣздъ, состоявшій изъ двухъ носилокъ и брички, присланной изъ Пекина русскимъ посланникомъ, который любезно предложилъ ее въ распоряженіе госпожи де-Бурбулонъ—и наконецъ громаднаго числа телѣгъ для свиты и перевоза провизіи и необходимыхъ въ путешествіи предметовъ. Что касается до персонала, то онъ состоялъ изъ тридцати шести китайскихъ носильщиковъ и толпы кули.

Свита посланника состояла изъ двадцати конныхъ артиллеристовъ, подъ командою офицера, и восьми жандармовъ, которые должны были составлять постоянную охрану посольства въ Пекинѣ. Самъ посланникъ верхомъ, такъ-же какъ и весь персоналъ посольства, сопровождался лошадьми, которыхъ вели подъ уздцы конюхи, наконецъ префектъ Тьенъ-Дзина, чтобы не сдѣлать ни малѣйшей погрѣшности противъ вѣжливости, провожалъ его въ своихъ носилкахъ за милю отъ города, тогда какъ, по его приказанію, низшіе офицеры ѣхали впередъ верхомъ на разстояніи одного, или двухъ часовъ, чтобы давать знать о приѣздѣ и заботиться, чтобы приемъ былъ достоинъ посланника.

Сэръ Фредерикъ Брюсъ, англійскій посланникъ, отправившійся въ одно время съ господиномъ де-Бурбулонъ,

съ которыми онъ рѣшился ѣхать вмѣстѣ до Тунгъ-Чеу, предпоследней станціи передъ Пекиномъ. Для того чтобы народъ не могъ вообразить будто иностранцевъ охраняютъ, послы отказались отъ всякой военной свиты.

Госпожа де-Бурбулонъ была такъ больна, что ее должны были нести въ носилкахъ, въ которыхъ она сдѣлала весь переѣздъ лежа, не имѣя симъ перевернуться съ боку на бокъ; ее сопровождалъ докторъ. Съ собою везли палатку, чтобы защитить ее отъ солнца, если бы пришлось остановиться. Къ счастью перемѣна воздуха и движеніе придали ей немного силы.

Отъ Тьенъ-Дзина до Пекина около 30 миль и путешествіе было раздѣлено на четыре равныя части, чтобы сдѣлать его менѣе тягостнымъ. Изъ Тьенъ-Дзина идетъ мощенная камнемъ дорога, возвышающаяся на нѣсколько метровъ надъ окружающими ее долинами; время отъ времени каменные мосты переброшены черезъ оросительные каналы, выходящіе изъ Пей-Го; мѣстами по дорогѣ попадаются группы домовъ, жилища земледѣльцевъ.

Въ семнадцати километрахъ отъ Тьенъ-Дзина находится деревня Пу-Ка-О; здѣсь путешественники провели около часу. Населеніе этой деревни доходитъ до двѣнадцати тысячъ. Такія многолюдныя деревни очень часты въ Китаѣ, но такъ какъ онѣ не обнесены стѣнами, то не могутъ назваться городами.

Въ этотъ же вечеръ, въ шесть часовъ, путники прибыли въ Іангъ-Чуень, старинный городъ, весь въ развалинахъ, въ которомъ замѣчательны только двое-

мраморныхъ воротъ, возвышающихся въ двухъ концахъ улицы, проходящей черезъ весь городъ, съ одного конца до другого; тамъ и сямъ оставшіеся куски стѣнъ; старинный іамунъ совершенно разрушенный и заброшенный, въ которомъ путники принуждены были провести ночь—таковъ видъ Іангъ-Чуена.

Слѣдующая ночь была проведена болѣе удобно, въ большомъ городѣ Го-Зи-Му, въ красивомъ буддистскомъ монастырѣ, приготовленномъ заранѣе заботами ѣхавшаго впереди мандарина.

До сихъ поръ дорога шла по однообразной мѣстности, только на третій день видъ сдѣлался веселѣе. Немного впереди Ма-Та-О находятся большія песчанія дюны, усаженные зелеными кустами.

Ма-Та-О, маленькій, окруженный стѣнами, городъ, стоитъ въ живописномъ положеніи, на вершинѣ холма, у подножія котораго проходитъ дорога; вся мѣстность покрыта лѣсомъ. Далѣе идетъ обширная долина, на границѣ которой течетъ каналъ, начинающійся отъ Чангъ-Кіа-Уанга и здѣсь-то, вслѣдствіе отвратительной измѣны, стоившей свободы и жизни французскимъ и англійскимъ парламентарамъ, союзныя арміи дали первое побѣдоносное сраженіе татарской милиціи. Чангъ-Кіа-Уангъ сохраняетъ слѣды недавняго прохода войскъ; много домовъ разрушено и разсѣянное населеніе еще не осмѣлилось черезъ полгода возвратиться къ своимъ очагамъ.

Послѣ тяжелаго переѣзда на разстояніе пятидесяти километровъ, по плохой дорогѣ, путешественники замѣтили, съ наступленіемъ ночи, большой городъ Тунгъ-

Чеу. Кортежъ долженъ былъ остановиться въ предмѣстїи, такъ какъ не знали въ какой сторонѣ находится іамунъ, приготовленный для ночлега.

Громадное населеніе, взволнованное любопытствомъ, окружило экипажи, но не выражало ни отвращенія, ни антипатїи и послушно отступало при малѣйшемъ жестѣ сопровождавшихъ солдатъ, которымъ, впрочемъ, было строго наказано не обращаться ни съ кѣмъ грубо и избѣгать всего даже похожаго на угрозы.

Наконецъ явился мандаринъ, который долженъ былъ служить проводникомъ. Онъ велѣлъ объѣхать центръ города, говоря, что узкость улицъ и плохое состояніе мостовыхъ дѣлаетъ здѣсь невозможнымъ проѣздъ экипажей.

Затѣмъ путники вѣхали въ очень населенное предмѣстье, помѣщающееся на берегу большого Пекинскаго канала и уже темной ночью прибыли во дворецъ, назначенный для пословъ.

Въ Тунгъ-Чеу, какъ и на другихъ остановкахъ, мѣстныя власти спѣшили заявить свое почтеніе и предложить свои услуги великимъ мандаринамъ Запада. Но переводчики получили приказаніе отказываться отъ всего, исключая съѣстныхъ припасовъ и фуража для лошадей; правда, что многочисленные китайцы, явившіеся подъ разными предлогами предложить свои услуги иностранцамъ, представляли своей жадностью полнѣйшїй контрастъ со щедрымъ гостепрїимствомъ мандариновъ высшаго ранга.

Тунгъ-Чеу — большой городъ съ четырьмя тысячами жителей, отстоящїй отъ Пекина на двѣнадцать ки-

дометровъ. Онъ помѣщается на одномъ изъ канализованныхъ рукавовъ Пей-Го и у большого канала, по которому товары изъ столицы доходятъ до рѣки.

Происхожденіе Тунгъ-Чеу теряется во мракѣ времени. Это одинъ изъ стариннѣйшихъ городовъ сѣвернаго Китая. Высокія стѣны, узкія улицы, движеніе населенія, множество храмовъ и пагодъ, грубая скульптура, яркая живопись—все это немного напоминаетъ наружность Кантона. Собственно говоря этотъ городъ—ничто иное какъ предместье Пекина, съ которымъ онъ соединяется цѣлымъ рядомъ домовъ и стѣной.

Посланникъ нашель въ Тунгъ-Чеу господина де-Мириенса, возвратившагося изъ Пекина, куда онъ ѣздилъ наканунѣ, чтобы объявить о пріѣздѣ посольства. Было рѣшено, что будетъ приличнѣе, если посланники разстанутся, чтобы отдѣльно вступить въ столицу. Англійскій посоль остався ждать лишній день въ Тунгъ-Чеу, а де-Бурбулонъ въ тотъ же день отправился въ Пекинъ.

При выходѣ изъ города начинается мощенная дорога, идущая вдоль канала и переходящая черезъ мостъ Па-Ли-Кіао, сдѣлавшійся знаменитымъ по сраженію, происходившему на немъ 21 Сентября прошлаго года.

Долина Па-Ли-Кіао покрыта группами деревьевъ, деревенскими домиками, маленькими пагодами, соединенными между собою густыми парками, подъ тѣнью которыхъ помѣщаются многочисленныя могилы. Здѣсь Сенъ-Вангъ-Санъ-Колитъ-Зингъ, дядя Императора и самый знаменитый полководецъ государства, рѣшилъ уничтожить маленькую армию, дерзко шедшую на Пе-

кинъ. Двадцать пять тысячъ татарской кавалеріи, считае­мой вполне справедливо храбрѣйшимъ Китайскимъ войскомъ, поддерживаемые многочисленной мѣстной милиціей, были разбиты горстью европейцевъ, кото­рыхъ не могли поколебать ни ихъ дикіе крики, ни ихъ частыя и стремительныя атаки. Не смотря на ихъ число и храбрость эти недисциплинированныя орды не могли разстроить нашихъ славныхъ баталіоновъ, а пушки быстро справились съ ихъ стрѣлами, пиками и саблями. Это было ужасное пораженіе.

Военные предводители и всѣ хабрецы монголь­скаго чакара ¹⁾ собрались на мосту Па-Ли-Кіао, гдѣ Санъ-Колитъ-Дзинъ выкинулъ свое знамя, тогда, не смотря на перекрестный огонь союзной артиллеріи, каждый выстрѣлъ которой вырывалъ массы людей, столпившихся на мосту, они съ презрѣніемъ разма­хивали знаменами и втеченіи часа выдерживали этотъ подавляющій огонь, пока наконецъ послѣдняя бомба не покончила съ послѣднимъ изъ этихъ неумѣлыхъ, но геройскихъ воиновъ.

«Нельзя составить себѣ понятія, говорилъ мнѣ одинъ свидѣтель-очевидецъ, объ ужасномъ зрѣлищѣ, которое представлялъ мостъ Па-Ли-Кіао въ вечеръ сраженія.» Ночь казалась еще мрачнѣе отъ облаковъ дыма, мед­ленно поднимавшихся на горизонтѣ. Небольшой рогъ луны слабо освѣщаль бѣловатымъ свѣтомъ гигантскихъ львовъ и балюстрады изъ бѣлаго мрамора — странное

¹⁾ Чакаръ есть военное учрежденіе, состоящее изъ благородныхъ монголовъ, находящихся на службѣ императора.

сооруженіе устарѣлой цивилизациі, тогда какъ правая сторона шоссе была погружена въ глубокій мракъ, хотя на ней глухо тлѣлся пожаръ. Китайскіе пѣхотинцы носятъ на перевязи, какъ черкесы, деревянные коробки съ патронами; зажженные фитили обмотаны вокругъ руки и служатъ зажигать огонь на полкѣ и огонь сообщился платьямъ, надѣтымъ на трупахъ этихъ несчастныхъ. По временамъ онъ вспыхивалъ, освѣщая боевые щиты съ ужасными головами, артиллерійскія платформы, мѣшки съ порохомъ, уложенныя въ корзины, стрѣлы, луки, аркебузы, знамена, пробитыя пулями, затѣмъ страшно изуродованные трупы пѣхотинцевъ въ темныхъ курткахъ, обшитыхъ краснымъ съ нумерами своихъ баталіоновъ на груди и на спинѣ, нарисованными на большихъ бѣлыхъ кругахъ, разрисованныхъ чернымъ и желтымъ искусственныхъ тигровъ, головы которыхъ были покрыты масками, представляющими дьяволовъ съ краснымъ ротомъ и носомъ; наконецъ монгольскихъ всадниковъ, одѣтыхъ въ богатые атласные костюмы, лежавшихъ подъ лошадьми, изъ которыхъ вываливались внутренности, вырванные бомбами.

Мнѣ кажется, что я еще вижу среди этихъ труповъ трупъ одного военнаго мандарина. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ желтую палку командира, тогда какъ правая, обернутая зеленымъ знаменемъ, которымъ онъ гордо размахивалъ въ ту минуту, когда въ него ударила картечь, неподвижно висѣла вдоль расшитаго желтаго платья, мнѣ не забыть его искаженное лицо, его ротъ, еще открытый, произнося какое нибудь проклятіе.

Другой, болѣе обширный пожаръ, который поддер-

живаль болѣе горючій матеріалъ, былъ зажженъ въ домахъ противоположнаго берега бомбами, вырвавшими оттуда послѣднихъ защитниковъ. Этотъ пожаръ отбрасывалъ на окрестности красное зарево, отражавшееся спокойными водами канала.

Но въ долинѣ и на шоссе уже двигались тихія тѣни—это были живые, явившіеся грабить мертвецовъ. Китайскіе мародеры, слѣдовавшіе за европейской арміей, какъ шакалы за львомъ, проскальзывали въ оставленныя палатки, вытаскивали вещи и обрѣзывали кошельки, висѣвшіе на шелковыхъ поясахъ. Жатва грабителей должна была быть недурна, такъ какъ императорская армія получила жалованье наканунѣ сраженія: и въ палаткахъ и на трупахъ было громадное число сапекъ».

Мостъ Па-Ли-Кіао возбуждалъ въ путешественникахъ всѣ эти воспоминанія своими статуями и перилами, поврежденными картечью. Голова одного изъ мраморныхъ львовъ, оторванная бомбой, лежала на пьедесталѣ; разбитая и засохшая вѣтка дерева висѣла надъ водой; наконецъ, прибрежные дома, разрушенныя и опустошенныя, еще не были исправлены. Этотъ мостъ представляетъ собою интересное произведеніе искусства; длина его сто пятьдесятъ метровъ, ширина около тридцати и на этомъ протяженіи всего только двѣ большія, очень крутыя арки въ ширину канала и двѣ другія по меньше соединяющія мостъ съ шоссе, поднятымъ выше уровня долины. Мраморныя перила сдѣланы весьма искусно; львы носятъ на себѣ странный характеръ китайской скульптуры, весь

ансамбль гармонируетъ съ окружающею мѣстностью и сооружеиіе должно быть крайне прочно.

Берега канала заросли крупнымъ тростникомъ и всевозможными деревьями, изъ за которыхъ выглядываютъ остроконечныя крыши домиковъ, обитаемыхъ рыбаками; нѣсколько красивыхъ деревянныхъ домовъ видны на правомъ берегу.

Большое шоссе, проходящее черезъ мостъ Па-Ли-Кіао, ведетъ прямо въ Пекинъ, отстоящій въ восьми километрахъ, но французскій посланникъ не желалъ въ первый разъ проѣзжать этотъ громадный городъ съ одного конца въ другой и вполнѣ основательно желалъ вступить въ него черезъ ворота, наиболѣе близкія къ новому помѣщенію посольства, вслѣдствіе этого приходилось объѣзжать городъ, взявъ налѣво, по боковой дорогѣ.

Экипажи двигались такъ медленно по песчаной дорогѣ съ многочисленными рытвинами, что пришлось оставить ихъ назади. Между тѣмъ время шло и только уже подъ вечеръ, въ туманѣ, появились сверкающія кровли пагодъ великаго города, позлащенные лучами заходящаго солнца.

Приближались къ предмѣстьямъ, окружающимъ всѣ стороны китайскаго города. Лошади свиты поднимали облака пыли, любопытные толпились вдоль всего шоссе.

Наконецъ, въ семь часовъ вечера, путешественники добрались до стѣнъ Пекина. По мѣрѣ того, какъ они приближались, эти громадныя стѣны, шедшія въ обѣ стороны длинной и мрачной однообразной линіей, вы-

дѣлавшейся на уже блѣднѣвшемъ небѣ, принимали все болѣе величественный видъ, чувствовалось, что приближаешься къ величайшей столицѣ міра.

Приближаясь къ маленькимъ восточнымъ воротамъ Тунгъ-Пиенъ-Менъ, черезъ которыя надо было войти въ городъ, военная свита окружила, спереди и сзади, посланника, персоналъ посольства и носилки, изъ которыхъ въ однихъ находилась госпожа де-Бурбулонъ. Трубачи, предшествуемые двумя жандармами, открывали шествіе и время отъ времени трубили: нуженъ былъ какой нибудь европейскій шумъ, чтобы доказать китайцамъ, что посольствѣ вступаетъ свободно, не покоряясь церемоніалу.

Такъ какъ о прибытіи посланника было извѣстно уже за нѣсколько дней, то любопытныя толпы, состоявшія изъ сотенъ тысячъ человекъ, собрались у восточныхъ воротъ и на улицахъ, по которымъ должно было двигаться шествіе; здѣсь авторитетъ мандариновъ проявился самымъ выразительнымъ образомъ въ видѣ сбировъ, вооруженныхъ охотничьими бичами, которыхъ они не щадили, раздвигая любопытныхъ.

Какъ только шествіе вступило въ восточныя ворота, оно очутилось на широкой улицѣ, отдѣляющей татарскій городъ отъ китайскаго. Въ сторонѣ перваго возвышается высокая стѣна, другой омывается глубокимъ каналомъ. Шествіе двигалось, на сколько скоро могли двигаться носильщики, что почти равнялось лошадиной рыси, до воротъ Ге-Тингъ-Менъ, ведущихъ въ татарскій городъ и оттуда черезъ большую и правиль-

ную улицу до Дзингъ Конгъ-Фу *), новаго дворца французскаго посольства.

Было половина восьмага вечера, темнота уже совершенно наступила; дулъ холодный сѣверный вѣтеръ и было крайне пріятно, послѣ утомительнаго дня, очутиться передъ большимъ огнемъ, зажженнымъ въ европейскихъ каминахъ жилыхъ комнатъ, приготовленныхъ для посольства.

*) Буэвально: дворецъ принцевъ Дзингъ.

ГЛАВА V.

Посольскій дворецъ въ Пекинѣ.

Описаніе посольскаго дворца.—Главныя ворота.—Французское знамя въ Пекинѣ.—Почетный дворъ.—Частныя апартаменты.—Жандармскія казармы.—Капелла.—Кюскъ изрѣченій.—Тамунъ перваго секретаря.—Загородка для антилопъ.—Деревья и цвѣты парка.—Посольства англійское и русское.

Дзингъ-Конгъ-Фу, дворецъ французскаго посольства, былъ стариннымъ императорскимъ дворцомъ, принадлежавшимъ некогда фамиліи Дзинговъ и возвратившимся обратно въ казну. Онъ былъ необитаемъ въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, но капитанъ Бувье, посланный за пять или за шесть недѣль, чтобы сдѣлать необходимыя поправки, вполне успѣлъ въ этомъ, благодаря содѣйствію китайскихъ рабочихъ, умомъ и ловкостью которыхъ онъ сумѣлъ прекрасно воспользоваться.

Дворецъ помѣщается въ татарскомъ городѣ на углу двухъ большихъ улицъ Тай-ти-чангъ, или дорога на

право и Тунъ-тіанъ-ми-тіанъ, или: большая улица передъ дворцомъ. Одна изъ этихъ улицъ соединяется съ воротами солнца Чуа-онгъ-менъ, а другая—съ воротами Чунгъ-менъ. Входъ во дворецъ, помѣщающійся на углу двухъ улицъ, представляетъ монументальное, широкое крыльцо, ведущее къ широкой каменной лѣстницѣ, окруженной тумбами, соединенными дѣпями. Съ каждой стороны, на пьедесталахъ, двѣ статуи львовъ, болѣе чѣмъ въ натуральную величину, указываютъ, что это Фу, то есть княжеская резиденція. Въ центрѣ этой лѣстницы, ступени которой раздѣлены на двое, идетъ, съ легкимъ наклономъ, покатошь, по которой вносятъ носилки.

Послѣ нѣсколькихъ затрудненій, получено было отъ китайскаго правительства разрѣшеніе поднять надъ домомъ трехцвѣтное знамя и помѣстить на фронтонѣ большую доску, на которой золотыми буквами вырѣзано названіе китайскаго посольства въ Пекинѣ—это официальное признаніе присутствія французской дипломатіи въ самомъ центрѣ столицы.

Въ павильонѣ, образующемъ сѣни, служащія мѣстомъ для помѣщенія паланкиновъ и носилокъ, по приказанію господина Бувье, были продѣланы большія европейскія окна, защищенныя желѣзными рѣшетками съ золотыми стрѣлами. Съ каждой стороны находятся помѣщенія для двухъ привратниковъ. Главныя ворота, порталъ, ведущій отъ сѣней къ почетному двору, можетъ быть названъ образцовымъ произведеніемъ орнаментациі. Онъ красный съ золотомъ, съ фарфоровой крышей, раскрашенной нѣжными и мягкими цвѣтами,

дворъ весь вымощенъ мраморомъ и окруженъ строе-
ніями.

Противъ главныхъ воротъ, въ переднемъ павиль-
онѣ, помѣщаются пріемныя комнаты, состоящія изъ
двухъ большихъ салоновъ, въ срединѣ обширной
пріемной и, наконецъ, веранды съ красными и золоты-
ми колоннами, съ крышей изъ полированныхъ чере-
пицъ.

Въ строеніяхъ на право и на лѣво, отдѣланныхъ
съ такимъ же вкусомъ, но менѣе богато, помѣщаются
переводчики и ихъ ученики. Два боковые флигеля,
образующіе боковыя крылья, заняты: одинъ—секрета-
ремъ переводчикомъ, другой—столовой для учениковъ,
которые пользуются также и маленькимъ смежнымъ
садомъ.

Этотъ первый дворъ, котораго украшенія и цвѣтъ
одинаковы со всѣхъ четырехъ фасадовъ, носитъ на-
званіе краснаго двора, второй, въ которомъ помѣщаются
частныя комнаты посланника и его семейства, назы-
вается, не менѣе справедливо, зеленымъ дворомъ, такъ
какъ все, начиная отъ колоннъ и кончая крышей, въ
окружающихъ его строеніяхъ — изумрудно зеленого
цвѣта, отѣненнаго золотыми полосками. Въ зеленый
дворъ входятъ черезъ такое же крыльцо, какъ и пер-
вое, но менѣе грандіозное и этотъ второй дворъ уса-
женъ кустами и покрытъ травой.

Частныя апартаменты посланника занимаютъ строе-
нія прямо противъ воротъ и состоятъ изъ пріемной,
украшенной, по китайской модѣ, четырьмя громад-
ными жардиньерками, полными цвѣтовъ, тогда какъ по-

толокъ и паркетъ украшены чудной ажурной рѣзбой. И изъ этой пріемной входъ въ гостиную, спальню, будуаръ и столовую, меблированныя по европейски.

Два боковые флигеля заняты комнатами и помѣщеніями для женской прислуги; въ строеніи налѣво помѣщаются только комнаты посланника и его бюро; строеніе направо предназначается для посѣтителей. По этому описанію весьма легко понять, какимъ образомъ четырехугольная форма, небольшая вышина строеній и правильное распредѣленіе комнатъ дѣлаютъ китайскіе дома самыми удобными и пріятными для жизни. Правда, что такимъ образомъ они занимаютъ много мѣста сравнительно съ тѣмъ населеніемъ, которое въ нихъ помѣщается.

Зеленый и красный дворы съ окружающими ихъ строеніями составляютъ то, что можно назвать собственно дворцомъ, но въ паркѣ разбѣяно еще множество другихъ павильоновъ. За частными апартамен- тами посланника помѣщается длинное строеніе, отдѣляющееся садомъ, наполненнымъ лиліями, камеліями и группами высокихъ деревьевъ; большая веранда украшаетъ весь фасадъ; тамъ помѣщаются слуги, служащіе лично посланнику, то есть французскій метръ-д'отель, булочникъ, ламповщикъ, портной и прачка, мужскаго рода, китаецъ, со всѣми ихъ атрибутами— затѣмъ склады провизіи и вина, такъ же какъ и всевозможныхъ съѣстныхъ консервовъ, привезенныхъ изъ Шанхая. Въ Китаѣ для каждого дѣла необходимы спеціальныя слуги и въ посольскомъ дворцѣ ихъ помѣщается цѣлая армія. Направо отъ сада лилій есть во-

рота, ведущія въ аллею, также принадлежащую къ Дзингъ-Конгъ-Фу и окруженную строениями, но по одну сторону этой аллеи живутъ жандармы, по другую помѣщаются конюшни. Далѣе слѣдуетъ павильонъ, занимаемый докторомъ, потомъ маленькая капелла, построенная господиномъ Бувье, но еще не бывшая освѣщена до времени приѣзда господина де-Бурбулонъ; затѣмъ кіоскъ на кирпичномъ фундаментѣ съ каменной лѣстницей, съ карнизомъ, сдѣланнымъ какъ будто изъ свертковъ пергамента, съ золотыми буквами, прекрасно сдѣланными артистомъ, который написалъ наиболѣе пикантныя изреченія китайской философіи, въ родѣ слѣдующаго:

Человѣкъ есть дитя, рожденное въ полночь; когда онъ видитъ восходъ солнца, то воображаетъ, что, онъ никогда не существовалъ.

Или, напримѣръ:

Языкъ женщинъ удлиняется на столько, на сколько онъ укорачиваютъ свои ноги. Что доказывается повсюду одинаковостью пословицъ, относительно многорѣчивости женщинъ.

Прекрасныя деревянныя колонны, раскрашенныя въ желтый и зеленый цвѣтъ, поддерживаютъ крышу этого кіоска, окруженнаго каменной рѣшеткой. На верхушкѣ крыши лежитъ драконъ съ двумя годовами, какъ будто защищая приближеніе къ ней; это животное можно встрѣтить во всѣхъ китайскихъ домахъ, оно считается ихъ защитникомъ и должно удалять отъ нихъ все злое. Это старинное суевѣріе, потерявшее свою силу, но которое сохраняютъ какъ все, ведущее

свое начало издавна. Наконецъ, на верхнихъ концахъ балокъ, соединяющихся съ колоннами, нарисовано по большому глазу и въ честь Европы, китайскіе артисты сдѣлали эти глаза бирюзово-голубого цвѣта—цвѣта совершенно неизвѣстнаго въ Китаѣ. Затѣмъ есть павильонъ съ каменной лѣстницей, занятый билліардомъ и библіотекой.

Іамунъ перваго секретаря посольства, помѣщающійся въ лѣвомъ концѣ парка, совершенно отдѣльно отъ другихъ строеній, есть повтореніе въ миниатюрѣ дворца посланника; въ немъ есть очень любопытныя ворота и прелестный садъ, украшенный камеліями и гортензіями, растущими на родинѣ подъ открытымъ небомъ и разрастающимися до величины неизвѣстной европейскимъ садовникамъ.

Надѣво отъ іамуна, имѣющаго свой особенный выходъ на улицу Тунъ-тіанъ-ми-тіанъ, помѣщаются два павильона, въ которыхъ живутъ два секретаря.

Во всѣхъ строеніяхъ стеклянныя двери и деревянныя галлерей, сообщающія ихъ съ прекраснымъ паркомъ Дзингъ-Конгъ-Фу. Этотъ паркъ, окруженный толстыми стѣнами въ шесть метровъ вышины, занимаетъ приблизительно пространство одного гектара. Громадныя сосны, чудные кедры, акаціи и ивы съ прозрачной листвою скрываютъ строенія; тамъ и сямъ разбросаны искусственныя скалы и бассейны, черезъ которыя переброшены деревенскіе мостики; но въ бассейнахъ нѣтъ воды, ни какихъ нибудь трубъ для прохода ея.

Обыкновенно цвѣты почти никогда не сажаются въ

Китаѣ прямо въ землю, а воспитываются въ горшкахъ, въ громадныхъ жардиньеркахъ, помѣщающихся въ пріемныхъ, такъ какъ сѣверо-западный вѣтеръ слишкомъ часто дуетъ въ Пекинѣ и приноситъ съ собою изъ Монголіи цѣлыя облака желтоватой пыли, содержащей въ себѣ минералогическія частицы, прикосновения которыхъ не въ состояніи переносить нѣжные цвѣты.

Монгольская пыль настоящій бичъ Пекина и когда этотъ вѣтеръ дуетъ по цѣлымъ недѣлямъ, не перемежаясь благодѣтельнымъ дождемъ, то всѣ жители, жилища и растенія кажутся обсыпанными мукою. Поэтому же огороды Дзингъ-Конгъ-Фу, помѣщающіеся за службами, содержатъ въ себѣ только грубыя овощи, наиболѣе нѣжныя скрываются подъ соломой и стеклами.

Наконецъ, первое чудо парка французскаго посольства—загородка антилопъ. Мѣстность въ этой загородкѣ неровная; въ ней множество скалъ, долинъ, холмовъ, пропастей, особенно ловко устроенныхъ китайскимъ декораторомъ. Это цѣлый міръ въ миниатюрѣ, немного напоминающій нюрнбергскія коробки съ игрушками. Большой черный орелъ, живой, несмотря на потерю свободы, прикованъ за лапу къ вершинѣ самой обрывистой скалы; вокругъ него прыгаютъ около дюжины прелестныхъ антилопъ со свѣтлорыжеватой шерстью и маленькими завернутыми спиралью рогами. Такимъ образомъ царь птицъ осужденъ прикованный присутствовать при прыжкахъ этихъ скромныхъ животныхъ, составляющихъ обыкновенно его жертвъ въ степяхъ

Манджурии. Правда, что этотъ царь птицъ имѣеть очень добродушный видъ и кажется философски покорился новымъ мукамъ Тантала.

Это описаніе дворца французскаго посольства въ Пекинѣ, даетъ читателю точное понятіе обо всѣхъ китайскихъ дворцахъ, построенныхъ по одинаковому плану.

Посольства русское, англійское, и французское помѣщаются въ одномъ кварталѣ татарскаго города, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга.

Повернувъ на лѣво по улицѣ Тунъ-тіанъ-ми-Тіанъ, переходишь черезъ каналъ, по мосту, черезъ который проходятъ во дворецъ русскаго посольства. Поднимаясь по каналу, по той же самой сторонѣ, приходишь до англійскаго посольства, постройка котораго болѣе грандіозна и архитектура болѣе тщательна, чѣмъ у Дзингъ-Конгъ-Фу, но зато у него нѣтъ ни парка ни мѣста, чтобы развести его.

Такимъ образомъ, наше появленіе въ столицѣ Небесной имперіи сдѣлалось совершившимся фактомъ и не смотря на глухое сопротивленіе китайскаго правительства, представители трехъ великихъ державъ прочно утвердились въ Пекинѣ; политическіе переговоры сразу сдѣлались много удобнѣе и самыя важныя рѣшенія были быстро приняты. Прежде нужно было нѣскольکو лѣтъ, чтобы европейскіе посланники, жившіе на другомъ концѣ имперіи, получили отвѣты, по большою части искаженные вице-королями Кантона и Нанкина, на будущее же время было можно обращаться прямо безъ всякихъ посредниковъ къ императорской власти.

ГЛАВА VI.

Дворцовая революція и политическіе переговоры (съ Марта 1861 по Май 1862 года).

Смерть императора Гьенъ-Фунга.—Дворцовая революція.—Регентство двухъ императрицъ.—Принцъ Конгъ—первый министр.—Принцы И и Чунъ удавливаются въ тюрьмѣ.—Публичная казнь великаго мандарина Су-Шуена.—Переговоры въ пользу христіанъ.—Католическія миссія] въ Китаѣ.—Полученіе большихъ уступокъ.—Императорскій декретъ о свободѣ совѣсти.—Адресъ китайскихъ неофитовъ французскому посланнику.

Императоръ Гьенъ-Фунгъ не возвращался, какъ обѣ этомъ было заявлено. Испуганный быстрой побѣдой европейцевъ и ихъ водвореніемъ въ столицѣ, онъ заперся въ своемъ дворцѣ Же-Голь, на границѣ Манджуріи и оканчивалъ среди своего гарема и нѣсколькихъ фаворитовъ, противившихся иностранному вліянію, свою жизнь, подточенную всевозможными излишествами.

Принцъ Конгъ, одинъ изъ младшихъ братьевъ, одинъ

имѣвшій мужество войти въ сношеніе съ союзными арміями, остался въ Пекинѣ и подѣ именемъ министра иностранныхъ сношеній, въ сущности управлялъ дѣлами государства. Ему-то французскій посланникъ отправился сдѣлать оффиціальнѣй визитъ черезъ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда въ Пекинѣ. Де-Бурбулонъ былъ любезно принятъ въ пагодѣ Кіа-гингъ-Дзе, гдѣ помѣщается бюро министерства.

Князь былъ окруженъ четырьмя своими помощниками, великими мандаринами Венъ-Сіангомъ, Генъ-Ки, Чунгъ-Геуномъ и Квей-Ліангомъ. Разговоръ, происшедшій черезъ посредство секретаря-переводчика, послѣ обмѣна различныхъ комплиментовъ, зашелъ о предметѣ болѣе серьезномъ, но не имѣющемъ никакого отношенія къ дѣлу.

Китайцы крайне интересуются всѣмъ европейскимъ и спрашиваютъ каждый разъ, какъ только находятъ случай, однако, кромѣ исполненія финансовыхъ обязательствъ, принятыхъ китайскимъ правительствомъ, въ видѣ вознагражденія за военные убытки, европейской дипломатіи трудно было добиться серьезныхъ уступокъ отъ принца Конга. Послѣдній находилъ въ удавленіи Императора его брата причину постоянныхъ отсрочекъ; но, съ другой стороны, было бы неловко, настойчиво требуя полного исполненія трактатовъ, оскорблять принца Конга, истинную поддержку европейцевъ противъ враждебной партіи, окружавшей императора. Это фальшивое положеніе продолжалось полгода, до смерти Императора Гьенгъ-Фунга, нашего 21 Августа 1861 года.

Гьенгъ-Фунгъ умеръ отъ истощенія тридцати трехъ лѣтъ отъ роду. 25-го Августа, принцъ Конгъ даль знать депешю Бурбулону, что императоръ 22-го числа отправился на драконѣ въ высшія страны и что вслѣдствіе этого дипломатическія сношенія должны прерваться на извѣстное время. Этикетъ траура очень строгъ въ Китаѣ и, какъ мы будемъ имѣть случай сказать позднѣе, крайне тщательно соблюдается послѣ смерти царствующихъ особъ.

Преждевременная смерть императора, не оставившаго другихъ наслѣдниковъ, кромѣ больного шестилѣтняго ребенка, должна была вызвать столкновенія двухъ партій, оспаривавшихъ власть. Первая—состоявшая изъ принцевъ И-Дзи-Гуанга и Чуна, родственниковъ императорскаго семейства и великаго мандарина Су-Шуена триумвиратъ, который долженъ былъ эксплуатировать его слабость, кромѣ того этотъ триумвиратъ опирался на авторитетъ, данный ему императорскимъ декретомъ, назначавшимъ его совѣтомъ регентства.

Принцъ Конгъ и принцъ Чингъ, дяди молодого императора, поддерживаемые великими мандаринами Венъ-Сянгомъ и Квей-Лянгомъ, не признали этого декрета, объявленнаго послѣ смерти императора и не составленнаго по требуемой формѣ. Борьба становилась неизбежною; нужно было только узнать кто одержитъ верхъ.

Понятно съ какимъ волненіемъ французскій посланникъ ожидалъ результатовъ. Онъ думалъ о возможномъ паденіи принца Конга и значеніи этого событія

для нѣсколькихъ европейцевъ, поселившихся въ этомъ большомъ городѣ, вдали отъ всякой помощи, во власти населенія, которое могло сдѣлаться враждебнымъ. Ужасное покушеніе Тунгъ-Чеу доказало, какъ мало уваженія питаютъ китайцы къ парламентарамъ и легкость, съ которой они нарушаютъ человѣческія права.

Принцъ Конгъ отправился въ Же-Голь въ концѣ Октября, приобрѣлъ на свою сторону двухъ императрицъ, вдовъ Гьенъ-Фунга, изъ которыхъ вторая была мать юнаго императора, — и не смотря на сопротивленіе совѣта регентства, рѣшилъ возвращеніе двора въ Пекинъ на 1-е Ноября. Официальная газета, извѣщавшая объ этомъ пріятномъ событіи, воспрещала народу собираться въ мѣстахъ проѣзда императорскаго кортежа, который долженъ былъ вступить въ городъ черезъ сѣверныя ворота и европейскихъ гостей также просили не направлять своихъ прогулокъ въ эту часть города.

Принцъ Конгъ, сопровождаемый своей свитой, такъ же какъ и другія высшія лица, отправился 30-го Октября на встрѣчу двору, который вступилъ въ городъ въ назначенный день.

На слѣдующій день, принцы И и Чунъ, считавшіе свое положеніе внѣ всякой опасности, были арестованы у себя дома и отправлены въ тюрьму, безъ малѣйшаго сопротивленія съ ихъ стороны.

Не то было съ Су-Шуеномъ, наиболѣе недовѣрчивымъ и смѣлымъ изъ членовъ совѣта регентства. Онъ собралъ себѣ тѣлохранителей и слѣдовалъ за императорскимъ кортежемъ на разстояніи дня пути.

Юный принцъ Чингъ, взявшійся лично арестовать его, нашелъ его въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Пекина въ іамунѣ, гдѣ тотъ провелъ ночь, прошелъ сквозь ряды его тѣлохранителей, не осмѣливавшихся наложить руки на особу дяди императора, сообщилъ объ арестѣ, требуя, чтобы Су-Шуенъ немедленно открылъ ему двери, а не то онъ выломаетъ ее, не отвѣчая за послѣдствія его сопротивленія. Тогда Су-Шуенъ открылъ дверь.

— Кто имѣетъ право арестовать меня кромѣ совѣта регентства?

— Если вы не признаете законности приказа, отвѣчалъ принцъ Чингъ, то я лично даю вамъ приказаніе сдаться плѣнникомъ.

Въ то же самое время принцъ, молодой и сильный человѣкъ, схватилъ стараго мандарина, оставленнаго его партизанами и не могшаго долго защищаться. Въ тотъ же день, въ пекинской газетѣ появился императорскій декретъ, заявлявшій о распущеніи совѣта регентства и отдачѣ подъ судъ всемогущихъ фаворитовъ покойнаго императора. Другой декретъ назначалъ принца Конга И-Ченъ-Вуангомъ, то есть принцемъ, которому поручено высшее управление, или иначе первымъ министромъ. Титулъ регентши императора былъ данъ первой императрицѣ.

Между тѣмъ, Дзингъ-Фу, или высшій судъ, въ двадцать четыре часа составилъ обвинительный актъ и обвиняемые были осуждены совѣтомъ, состоящимъ изъ министровъ и всѣхъ членовъ императорской фамиліи. Этотъ обвинительный актъ тѣмъ болѣе замѣчате-

лень, что главнымъ пунктомъ его было покушеніе Тунгъ-Чуена, руководимое принцемъ и которое, такъ же какъ и измѣна относительно европейскаго правительства, было вмѣнено въ преступленіе высшимъ особамъ Имперіи.

Подобный языкъ въ устахъ юнаго властелина, только что вступившаго на тронъ, выраженія, въ которыхъ онъ говорилъ въ этомъ документѣ, торжественно обращенномъ ко всей имперіи, объ иностранныхъ націяхъ, до тѣхъ поръ столь презираемыхъ, указывали на полную перемѣну, происшедшую въ умѣ правительства, столь долго и столь справедливо считавшагося непримиримымъ врагомъ всякой новой цивилизаціи. Вотъ резюмированный обвинительный актъ:

1) въ томъ то, что они уничтожили монгольскую армію и заставили иностранцевъ сомнѣваться въ словѣ императора.

2) въ томъ, что вмѣсто того, чтобы искать мировой развязки, сдумали придумать только западню, результатомъ которой было обезчещеніе государства въ глазахъ европейцевъ, вызовъ ужасныхъ репрессалій и въ числѣ ихъ сожженіе лѣтняго дворца.

3) въ недостаткѣ уваженія къ императорской власти, выразившемся въ томъ, что они пользовались его вещами, пили изъ его чаши и такъ далѣе.

4) въ преступленіи противъ величества, состоявшемъ въ присвоеніи себѣ прерогативъ священной особы сына Неба.

7-го Ноября вечеромъ произнесенъ былъ приговоръ; три члена бывшаго совѣта регентства должны были

подвергнуться медленной смерти, то есть быть разрѣзанными на куски. Таково наказаніе, полагаемое за перечисленные преступленія китайскими законами. Однако, наказаніе было смягчено и одинъ изъ принцевъ императорской фамиліи отнесъ принцамъ И и Чу ну въ почетную тюрьму *), въ которой они содержались со времени ихъ ареста, декретъ о помилованіи, который позволялъ имъ самимъ лишить себя жизни, предназначающимся для этого шелковымъ шнуркомъ.

Въ тотъ же самый часъ (9-го Ноября) Су-Шуень, не получившій этой милости, данной только членамъ императорскаго семейства, былъ обезглавленъ на одной изъ площадей города, одномъ изъ мѣстъ казни для преступниковъ.

Старый мандаринъ былъ невозмутимъ передъ смертью, спокойно сидя въ телѣгѣ, запряженной мулами, которая везла его на казнь среди густой толпы народа; онъ довольствовался тѣмъ, что время отъ времени встряхивалъ свое красивое шелковое платье, покрывшееся пылью, какъ будто отпраивался дѣлать оффиціальныи визитъ какой нибудь особѣ. Какъ всѣ восточные люди, китайцы въ высшей степени одарены пассивнымъ мужествомъ, которое дѣлаетъ ихъ равнодушными къ смерти.

Такимъ образомъ окончилась, безъ народныхъ волненій, эта дворцовая революція, имѣвшая результатомъ

*) Почетная тюрьма, это тюрьма, предназначаемая для членовъ императорской фамиліи.

окончательное водвореніе у дѣлъ партіи, раздѣлявшей новыя идеи. На будущее время переговоры должны были облегчиться; принцъ Конгъ сдѣлался правителемъ.

По послѣднимъ трактатамъ, положеніе католическихъ миссіонеровъ было весьма мало обезпечено, а для Франціи этотъ вопросъ имѣлъ большое значеніе. Говорять вполне справедливо, что французское правительство прекрасно дѣйствовало, ставъ на религиозную почву и что, благодаря этому, оно приобрѣло влияние, котораго никогда не могло бы приобрести на почвѣ коммерческой и промышленной. Не смотря на трактаты, провинціальныя власти, опираясь на одинъ параграфъ старинныхъ китайскихъ законовъ, назначали строгія наказанія, опредѣлявшіяся вѣкъ тому назадъ, противъ христіанъ; нужно было, во что бы то ни стало, избавить ихъ отъ несправедливостей, которымъ они подвергались и остановить преслѣдованія уже возобновившіяся внутри имперіи.

Французскій посланникъ понялъ, что императорскій декретъ, позволяющій свободу совѣсти и повелѣвающій уничтоженіе тѣхъ табличекъ кодекса, въ которыхъ были вписаны законы противъ христіанъ, былъ единственнымъ практическимъ средствомъ положить конецъ такому положенію вещей. Полученіе декрета было предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, продолжавшихся болѣе двухъ мѣсяцевъ. Нѣтъ ничего интереснѣе разсказа о свиданіи, имѣвшемъ мѣсто между Венъ-Сянгомъ, однимъ изъ аколитовъ принца Конга, и господиномъ де-Тревь, секретаремъ француз-

скаго посольства. У китайца была въ распоряженіи цѣлая серія аргументовъ крайне ловкихъ.

«Вы сказали намъ сами, говорилъ онъ де-Треву, что ваши миссіонеры пріѣзжаютъ въ нашу страну только для того, чтобы проповѣдывать добро и показывать примѣръ добродѣтели, въ такомъ случаѣ, почему же они не уважаютъ оффиціальнѣйшій характеръ нашихъ служащихъ, почему пишутъ къ нимъ неприличныя письма, почему наконецъ дѣйствуютъ они на народъ, чтобы заставить его измѣнить тому повиновенію, которымъ онъ обязанъ къ властямъ? Соглашаюсь, чтобы сдѣлать вамъ пріятное, что они проповѣдуютъ добро и показываютъ примѣръ добродѣтели, но вы не можете себѣ представить, какія затрудненія они дѣлаютъ намъ въ провинціяхъ и сколько терпѣнія нужно нашимъ мандаринамъ, чтобы переносить ихъ. Было время, когда нашъ великій императоръ Конгъ-Ги далъ нашимъ миссіонерамъ особое покровительство, осыпалъ ихъ почестями, даже поселилъ ихъ въ собственномъ дворцѣ *)—я это понимаю, потому что тогда они оказывали намъ большія услуги, они показывали намъ источники свѣта, учили насъ лить пушки, сопровождали насъ на войну, помогали редактировать трагедіи—это были люди полезные! И вы хорошо знаете, что они сами погубили себя. Если вы изучали нашу исторію и ихъ—вы знаете, что они имѣли между собою большіе споры. Различные ордена не были со-

*) Здѣсь Венъ-Сянгъ дѣлалъ намекъ на положеніе, пріобрѣтенное въ Китаѣ иезуитами въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка.

гласны относительно дагматовъ религіи: одни хотѣли сохранить формы культа, которыя исповѣдывали, наши предки, другіе же отталкивали его, называя суевѣріемъ. Какое же понятіе можемъ мы составить себѣ о доктринахъ, въ которой не согласны сами проповѣдующіе ее? Неужели всѣ эти споры возобновятся? Неужели каждый будетъ проповѣдывать по своему? Неужели они возбуждаютъ споры въ слушающемъ ихъ народѣ. Я предвижу много трудностей...»

Де-Тревъ побѣдоносно отвѣчалъ на эти тонкіе аргументы китайскаго мандарина и когда, наконецъ, заговорилъ о полной свободѣ культовъ, царствующей въ Европѣ, Венъ-Сіангъ перебилъ его вопросомъ: могли ли бы буддисты построить себѣ пагоду въ Парижѣ?

— Конечно, отвѣчалъ де-Тревъ.

Венъ-Сіангъ и два его помощника были удивлены и не нашлись, что отвѣтить.

Они разстались, какъ говорятъ китайцы, каждый доказавъ свою правоту.

Между тѣмъ, китайское правительство не спѣшило исполнять своихъ обѣщаній и французскій посланникъ долженъ былъ выразить свое неудовольствіе, прекратить дѣлать и принимать визиты высшихъ китайскихъ сановниковъ. Наконецъ, 7-го Апрѣля 1862 года появился въ оффиціальной газетѣ, столь долго ожидаемый, императорскій декретъ. Въ этомъ знаменитомъ декретѣ говорилось:

1) что миссіонеры должны быть принимаемы мандаринами съ честью, каждый разъ, какъ пожелаютъ ихъ увидать.

2) что китайцы—христиане должны быть изъяты отъ всякихъ религіозныхъ поборовъ внѣ ихъ культа.

3) что старыя таблички *) которыми были предписаны наказанія и стѣснительныя мѣры противъ католической религіи, должны быть совершенно уничтожены.

4) что, наконецъ, религіозныя учрежденія: церкви и тому подобное, принадлежавшія католическимъ миссіямъ до ихъ изгнанія, въ XVIII вѣкѣ, императоромъ Кіа-Гингомъ, должны быть имъ возвращены, или, по крайней мѣрѣ, возмѣщены уступкой одинаковыхъ имуществъ.

Миссіонеры съ восторгомъ приняли эти возвращенія, по поводу которыхъ миссіонеръ Лангилла изъ ордена Иисуса, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ французскихъ епископовъ говорилъ, что этотъ декретъ можетъ считаться, какъ будто изданнымъ христианскимъ королемъ.

«По моему мнѣнію, господинъ посланникъ, писалъ «онъ де-Бурбулону, этотъ императорскій эдиктъ доставитъ безсмертную страницу французскому посольству въ лѣтописяхъ нашихъ миссій.

«22-е Марта 1692 года и 7 Апрѣля 1862 года— «вотъ два числа, которыхъ мы никогда не забудемъ. «Докончите ваше доброе дѣло, господинъ посланникъ, «добившись отъ правительства, чтобы декретъ былъ напечатанъ на желтой бумагѣ съ фигурой дракона **)

*) Китайскій кодексъ возобновляется каждые семь лѣтъ.

***) Желтый цвѣтъ и драконъ—атрибуты императорской власти.

«какіе великій императоръ Кангъ-Ги давалъ нѣкогда «каждому миссіонеру».

Желанія миссіонера Лангилла были исполнены и съ этого времени наши миссіонеры могли путешествовать повсюду съ этимъ документомъ, на который глядѣли, какъ на самый лучший пропускъ. Такимъ образомъ, не только отправленія богослуженія христіанской религіи были избавлены отъ всякихъ стѣсненій, но во всѣхъ столицахъ и восемнадцати провинціяхъ китайской имперіи и даже въ Монголіи и Манджуріи имѣются введенія во владѣніе ихъ земельными имуществами, представлявшими большую стоимость.

Но не станемъ вдаваться въ подробности по этому предмету, принадлежащія скорѣй исторіи католическихъ миссій, чѣмъ описанію путешествія, достаточно сказать, что 13-го Мая 1862 года, за пять дней до возвращенія французскаго посланника въ Европу, куда онъ отправился черезъ Монголію и Сибирь, депутаціи христіанъ изъ всѣхъ провинцій поднесли ему слѣдующій адресъ:

«Привыкнувъ въ теченіи долгихъ лѣтъ къ терпѣнью, мы безъ страха смотрѣли на будущее, такъ какъ далеко не надѣялись, чтобы изъ столь далекой страны, ваше превосходительство, явились поселиться среди насъ и, послѣ столькихъ бесплодныхъ усилій, улучшить участь христіанъ. Вамъ удалось добиться терпимости, которая царствуетъ теперь повсюду. Нашъ путь широкъ и безпрепятственъ, по нему можетъ идти всякій кто захочетъ, съ каждымъ днемъ участь христіанъ улучшается—и всѣми этими ре-

«результатами мы обязаны вамъ. Чувство дружбы, оживляющее насъ, единодушно во вѣхъ нашихъ сердцахъ. Теперь, когда благородный посоль, получивъ дозволеніе своего великаго императора, возвращается въ свою страну, чтобы снова свидѣться со своимъ семействомъ, да позволить онъ намъ пожелать ему, чтобы звѣзда счастія руководила имъ повсюду! Каждый разъ, поднимая взглядъ къ небу, мы будемъ вспоминать о благородномъ французскомъ послѣ, такъ какъ нашей благодарности къ нему не будетъ конца. Мы надѣемся, что онъ удостоитъ принять нѣсколько предлагаемыхъ нами подарковъ, не смотря на ихъ ничтожную стоимость, чтобы, возвратившись къ нашимъ братьямъ, мы могли сказать, что исполнили самый драгоцѣнный изъ долговъ—долгъ благодарности и дружбы».

ГЛАВА VII.

Прогулка по Пекину. Татарскій городъ.

Топографія Пекина. — Панорама города. — Величественныя, но брошенныя и разрушенныя укрѣпленія. — Необычайная толщина стѣнъ. — Сатирическія афиши. — Обсерваторія іезуитовъ. — Храмъ ученыхъ. — Аллея мощеная каменными плитами. — Триумфальныя арки. — Храмъ Конфуція и тысячи Лама. — Башня колокола. — Сѣверное море и камышевое море. — Храмъ Фа-Ка. — Желтый городъ и императорскій дворецъ или Красный городъ. — Происхожденіе угольной горы. — Пе-Та-Се. — Надгробный монументъ.

Прежде чѣмъ осматривать пекинскія сооруженія, прежде чѣмъ пройти по населеннымъ улицамъ города, прежде чѣмъ насладиться его живописными видами и грандіозной перспективой, необходимо дать читателю точное понятіе о топографіи этого большого города.

Пекинъ расположенъ подъ $114,7^{\circ}$ долготы и $39,54^{\circ}$ широты въ большой долинѣ, простирающейся до залива Пе-Ше-Ли, въ 70 километрахъ на востокъ. Этотъ

городъ находится почти въ одинаковомъ разстояніи отъ двухъ рѣкъ Пей-го и Венъ-го, которыя соединяются въ нѣсколькихъ километрахъ на сѣверъ отъ Тьень-Дзина. Озера и пруды Пекина наполняются водою черезъ каналъ, проведенный отъ прудовъ Юенъ-Минъ-Юенъ (лѣтняго дворца), который проходитъ черезъ сѣверную стѣну татарскаго города, подъ сводомъ, образуемымъ деревянной рѣшеткой, который видѣнъ издалека.

Другой каналъ, выходящій изъ китайскаго города, близъ воротъ Тонгъ-Нина, соединяетъ Пекинъ съ Пей-го, а слѣдовательно и съ Тьень-Дзиномъ и большимъ императорскимъ каналомъ, черезъ который проходятъ товары изъ центра и даже съ юга города. Этотъ каналъ проходитъ въ Па-Ли-Кіао.

Пекинъ построенъ на песчаной почвѣ; на четырехъ метрахъ глубины находится глинистый слой, повидимому принадлежащій къ недавней формаци; въ окрестностяхъ разводятся овощи и хлѣбъ. Множество узкихъ дорогъ, обсаженныхъ деревьями, окружаютъ кладбище и пересекаютъ во всѣхъ направленіяхъ окрестности.—Отъ каждаго воротъ идутъ по прямой линіи дороги въ 80 метровъ ширины, продолжающіяся такимъ образомъ на 5 километровъ отъ города; тамъ онѣ смѣняются плохими дорогами. Мощенное шоссе, въ состояніи полнѣйшаго запущенія, начинается у воротъ Чи-гуа и соединяетъ Тонгъ-Чеу съ Пекиномъ. Другое шоссе, начинающееся отъ воротъ Ли-Че, ведетъ къ Юенъ-Минъ-Юену.

Двѣнадцать предмѣстевъ окружаютъ столицу, но

они не велики, въ нихъ множество кирпичныхъ заводовъ, огородовъ и цвѣтниковъ. По послѣдней переписи, сдѣланной по приказанію императора Гъень-Фуна, въ 1852 году, населеніе Пекина простирается до двухъ милліоновъ человекъ—число, которое не кажется преувеличеннымъ европейцамъ, жившимъ въ этомъ городѣ. Слово *Пе-Кингъ* означаетъ: сѣверный дворъ въ противоположность *Нан-Кину*, что значитъ: южный дворъ.

Прежде императоръ жилъ въ Нанкинѣ, но постоянныя вторженія татаръ заставили, въ 1403 году, императора Юнгъ-Ло перенести свой дворъ въ сѣверныя провинціи, чтобы легче противиться вторженію номадовъ. Тогда онъ замѣнилъ имя Шень-Тинъ-Фу, которымъ называлась новая столица, названіемъ Пекинъ, которое она сохранила до сихъ поръ. Съ тѣхъ поръ Пекинъ, не смотря на перемѣну династіи, остается столицей китайской имперіи. Его окружность имѣетъ 33 километра съ квадратнымъ содержаніемъ 6000 гектаровъ. Онъ состоитъ изъ двухъ различныхъ городовъ, окруженныхъ каждый стѣнами и рвами и обѣ части соединены одна съ другой тремя укрѣпленными мостами. Татарскій городъ, офиціальныи или военный городъ — на сѣверѣ и китайскій или торговый — на югѣ.

Татарскій городъ имѣетъ форму четырехугольника, стороны котораго обращены къ четыремъ сторонамъ свѣта и югозападный уголъ котораго сръзанъ. Въ городѣ девять воротъ. На сѣверѣ: Гангъ-Тингъ-мень *)

*) Менъ по китайски значитъ „ворота“.

ворота мира, через которые союзники вошли въ Пекинъ; Тоа-Могъ-мень — ворота побѣды. На Западѣ Си-Че-мень — Западныя ворота и Пинъ-Дзе-мень — ворота покорности. На Востокѣ — Тонгъ-Че-мень, восточныя ворота и Чи-Куа-мень — ворота народа; на югѣ Тинъ-мень — ворота восхода, Ге-те-мень и Чу-енъ-Че-мень, (эти двое послѣднихъ получили свое названіе отъ именъ двухъ императоровъ).

Каждые изъ трехъ южныхъ воротъ татарскаго города соединены съ китайскимъ городомъ укрѣпленными полумѣсяцами и вокругъ этихъ воротъ идутъ бульвары въ тридцать метровъ ширины, направляющіеся къ четыремъ сторонамъ свѣта и раздѣляющіе городъ на большіе четырехугольники. Послѣдніе въ свою очередь раздѣляются, параллельными улицами въ десять метровъ ширины, на болѣе мелкіе четырехугольники, соединенные множествомъ узкихъ переулковъ, идущихъ по всѣмъ направленіямъ. Бульвары представляютъ мощное плитамъ шоссе, возвышающееся надъ сторонами его, оставленными немощеными.

Дома, стоящіе вдоль бульваровъ, имѣютъ несчастный видъ и — за рѣдкими исключеніями — въ одинъ этажъ. Есть нѣсколько домовъ, имѣющихъ два этажа, въ которыхъ нижній служитъ складомъ. Многія лавки богато отдѣланы рѣзными украшеніями изъ дерева.

Среди этихъ строеній попадаются императорскія зданія и храмы, узнаваемые по ихъ желтымъ и зеленымъ крышамъ. Дворцы, *Фу* и дома мандариновъ

всѣ имѣють свои выходы въ переулки и только однѣ большія деревья парковъ даютъ подозрѣвать о ихъ сосѣдствѣ.

Въ центрѣ татарскаго города есть огороженный пространства съ четырьмя воротами — это Желтый городъ или Гуань-Чень, пространство котораго около 608 гектаровъ; въ немъ много храмовъ и фу, принадлежащихъ знатнѣйшимъ сановникамъ государства; западная часть занята императорскими дворцами, сгруппированными вокругъ двухъ искусственныхъ озеръ. Въ центрѣ помѣщается Угольная гора, имѣющая 24 метра вышины и составляющая наиболѣе возвышенный пунктъ Пекина. Этотъ холмъ доходитъ до сѣвернаго фасада третьей ограды, окружающей императорскій дворецъ или Красный городъ Гуань-чанъ-ти-Конгъ.

Красный городъ представляетъ правильный четырёхугольникъ также съ четырьмя воротами, окруженный глубокимъ рвомъ; пространство его около 80 гектаровъ.

Изъ этихъ подробностей видно, что татарскій городъ состоитъ собственно изъ трехъ городовъ, окруженныхъ укрѣпленіями, которыя могутъ быть защищаемы послѣдовательно одно за другимъ.

Китайскій городъ представляетъ приблизительно четырёхугольникъ, одна изъ сторонъ котораго примыкаетъ къ южной сторонѣ татарскаго города и выдается съ каждой стороны на востокъ и на западъ приблизительно на 500 метровъ.

Въ китайскомъ городѣ семь слѣдующихъ воротъ:

На сѣверѣ — Си-пъень-мень, Тонгъ-пъень-мень — малыя восточныя и западныя ворота; на Востокѣ Ча-Куа-мень (собственное имя:) На западѣ Куан-за-мень — священные ворота, Тянгъ-зе-мень и Нанъ-зи-мень — ворота на право и налѣво отъ юга.

Между воротами, сообщающими татарскій городъ съ китайскимъ, такъ же какъ отъ Ча-Куа-мень и отъ Куанъ-зе-мень, идутъ широкія улицы, на которыя выходитъ множество переулковъ.

Главная центральная аллея, идущая отъ Тянь-мена, раздѣляетъ городъ на сѣверную и южную части и доходитъ до Юнгъ-сунъ-мена, пройдя черезъ обширную обработанную долину, занимающую южную часть китайскаго города, въ которой всего нѣсколько одинокихъ пагодъ.

Улицы китайскаго города грязны и узки, это преимущество торговаго города; въ немъ нѣтъ ни императорскихъ дворцовъ, ни официальныхъ резиденцій.

При помощи предыдущихъ топографическихъ подробностей не остается ничего неяснаго относительно знаменитой таинственной столицы Китая, такъ долго занимавшей любопытство европейцевъ. Я полагаю, что это послѣднее соображеніе заставитъ простить мнѣ длинный перечень странныхъ и необычайныхъ названій.

Въ окрестностяхъ Пекина нѣтъ никакого холма, ни малѣйшей возвышенности, которая позволяла-бы окинуть взглядомъ городъ — окружающія его высокія стѣны представляютъ взгляду путешественника только громадную загородку, бросающую тѣнь на глубокіе

рвы и бѣдные переулки предмѣстій. Чтобы отдать себѣ отчетъ въ общемъ видѣ этого громаднаго города слѣдуетъ встать на какую-нибудь возвышенную точку. Если читатель послѣдуетъ за нами, то мы поднимемся вмѣстѣ съ нимъ на одно изъ укрѣпленій, пойдёмъ по улицѣ Тунгъ-тіанъ-ми-тіанъ, которая въ нѣсколько минутъ доводитъ насъ до воротъ императора (Тэ-тэ-менъ), мы пройдемъ ихъ подземными сводами и повернемъ налѣво въ большую аллею, которая отдѣляетъ китайскій городъ отъ татарскаго—это широкое, мощенное плитами шоссе, съ одной стороны котораго идутъ высокія укрѣпленія, съ другой—рвы, полные водой.

Перейдемъ черезъ широкій каналъ по каменному мосту и дойдемъ до маленькихъ западныхъ воротъ (Тангъ-пъень-менъ), помѣщающихся на томъ концѣ китайскаго города, который выступаетъ изъ за юго-западнаго угла татарскаго города.

Поднимемся по покатому склону, представляющемуся передъ нами, и очутимся на стѣнахъ. Какая великолѣпная панорама и какое странное зрѣлище для глазъ европейца, привыкшаго къ высокимъ четырехугольнымъ домамъ правильной постройки и монотонному, сѣрому цвѣту зданій нашихъ большихъ городовъ. Темно-голубое небо; яркое солнце отбрасывающее рѣзкія, черныя тѣни; тамъ и сямъ сверкающіе лучи свѣта, скользящіе по лакированнымъ черепицамъ, отдѣляютъ какъ пятна желто-золотистый цвѣтъ, ярко голубой, красный, которые смѣшиваются и сталкиваются съ

темно-зеленымъ цвѣтомъ кедра и блѣдною зеленью банановъ.

Пагоды, храмы, кіоски, башни, портики поднимаются спиралями, или остроконечными, или зубчатыми колонками, среди длинныхъ вѣтвей столѣтнихъ деревьевъ. На высокихъ столбахъ княжескихъ резиденцій развѣваются длинныя, узкія знамена. Какая странная смѣсь формъ и цвѣтовъ!

Направо отъ насъ виднѣется золоченная крыша императорскаго дворца со своимъ высокимъ куполомъ изъ бѣлаго мрамора; далѣе—угольная скала и ея пять пагодъ, построенныхъ одна надъ другой, затѣмъ Пета-се, помѣщающійся на полуостровѣ и глядящійся въ мирныя воды Средняго моря.

Въ самомъ центрѣ города, устремившійся на сѣверъ взглядъ встрѣчаетъ мрачныя линіи стѣнъ, вооруженныхъ башнями, павильонами и батареями, возвышающимся на 50 метровъ надъ поверхностью моря.

Если мы обернемся на лѣво, то видъ совершенно измѣняется. Это китайскій городъ—невыразимая смѣсь переулковъ и низкихъ хижинъ въ одинъ этажъ съ крышами, покрытыми красноватой черепицей. Можно различить только большую центральную аллею, которая ясно распредѣляетъ городъ на двѣ части. Съ нашего мѣста ясно видна плотная, дѣловая толпа, движущаяся по этой большой артеріи — это городъ купцовъ, продавцовъ, плебеевъ и нищихъ.

Вдали взглядъ останавливается на мрачной массѣ лѣса, изъ котораго выдѣляются голубые куполы двухъ громаднхъ ротондъ — это знаменитые храмы Неба

и Земледѣлія со своими парками, окруженными стѣною.

За бѣдными предмѣстьями, окружающими Пекинъ, мы видимъ только громадныя долины, покрытыя роскошною зеленью, но въ которыхъ нѣтъ ни одной группы кустовъ, ни даже одного отдѣльнаго большого дерева; на сѣверѣ Китая, по странному контрасту съ нашими европейскими привычками, засажены деревьями только города, послѣдніе издали походятъ на большія лѣса—деревни, напротивъ того, слишкомъ обработаны, чтобы въ нихъ могли терпѣть деревья, этихъ паразитовъ, которые поглощаютъ питательные соки земли, предназначенные для болѣе полезныхъ растений

На горизонтѣ, за долинами, виднѣются голубоватыя тѣни — это горы Юенъ-мент-Юена, лѣтняго дворца. Наконецъ у насъ подъ ногами разстилаются эти удивительныя укрѣпленія, которыя сбиваютъ съ толку всѣ понятія, какія только можно составить себѣ относительно искусства защищать крѣпости и которыя своими гигантскими формами напоминаютъ сооруженія среднихъ вѣковъ.

Склонъ, по которому мы поднялись на укрѣпленія, достаточно отлогъ, чтобы по нему могла подниматься кавалерія.

Въ татарскомъ городѣ девять воротъ, въ китайскомъ—семь и каждая изъ этихъ воротъ представляютъ сильную крѣпость, окрестности которой защищаются съ наружной стороны четырёхугольными полумѣсяцами, прорѣзанными въ одной изъ сторонъ сводами въ шесть метровъ, которые мощными шоссе соединяются съ другими сводами, проходя черезъ тол-

щину стѣнъ. Эти своды запираются, каждый, деревянными, окованными желѣзными гвоздами воротами; послѣ вечерней зари никто не можетъ ни входить, ни выходить изъ города. Однако, будьте увѣрены, что начальникъ воротъ, по нашему привратникъ, этотъ манджурскій преторіанецъ съ длинными ушами и шапкой съ лисьимъ хвостомъ, всегда готовъ, за приличное вознагражденіе, нарушить приказъ и открыть входъ въ длинные и мрачные своды, ключъ отъ которыхъ хранится у него.

Надъ каждымъ воротами возвышаются два павильона: тотъ, который глядитъ въ сторону города, въ два этажа и служитъ складомъ для казармъ,—выходящій наружу образуетъ батарею въ четыре этажа, изъ которыхъ въ каждомъ двѣнадцать амбразуръ по фасаду и по четыре съ фланговъ. Это безъ сомнѣнія ужаснѣйшія укрѣпленія! Но эти батареи не могутъ быть вооружены, благодаря плохому состоянію половъ, которые подгнили и на которые даже мы не рѣшились войти изъ страха, что они обрушатся подъ ногами, тѣмъ болѣе они неспособны вынести тяжесть громадныхъ китайскихъ пушекъ.

Надъ отверстіемъ фасада, образуемымъ полумѣсяцами, возвышается этажъ съ амбразурами и бойницами; тамъ всюду можно видѣть надписи, сдѣланныя на стѣнахъ углемъ; множество каррикатуръ и именъ, вырѣзанныхъ туристами—дурная привычка, которую европейцы, сами того не подозревая, раздѣляютъ съ китайцами. Стѣны укрѣпленія также не пощажены, онѣ покрыты афишами и рекламами всевозможныхъ

родовъ. Какой-то шутникъ даже наклеилъ сатирическую афишу относительно официального приказанія городского префекта: *«Здѣсь запрещается приклеивать чтобы то ни было»*.

Въ пустомъ пространствѣ между полумѣсяцами и флангами этихъ громаднхъ павильоновъ помѣщается площадь, на которой могутъ построиться для сраженія пятьсотъ человѣкъ. Наконецъ, ворота и ихъ батареи не единственное укрѣпленіе города: каждый уголъ стѣны защищенъ крѣпостью въ четыре этажа, а на западномъ фасадѣ передъ каждой построено большое зданіе, могущее служить магазиномъ. Но что осталось отъ всего этого?—Одно запущеніе и развалины.

Эти изумительныя укрѣпленія, которыя должны были стоять трудовъ многимъ поколѣніямъ, не могли остановить горсти европейскихъ солдатъ, не имѣвшихъ осадныхъ орудій; къ тому же съ тѣхъ поръ, какъ манджуры покорили Китай, Пекинъ потерялъ свое значеніе крѣпости, защищавшей страну противъ вторженія съ сѣвера.

Внутренность стѣнъ состоитъ изъ гашеной извести и земли, земли покрытой сверху кирпичами, лежащими на довольно толстомъ слоѣ бетона. Стѣны прочныя громадной вышины (15—20 метровъ) и толщины (12—15 метровъ), такъ что по стѣнѣ могутъ ѣхать въ рядъ двѣнадцать всадниковъ и не смотря на корни и травы, растущія мѣстами, это одно изъ лучшихъ мѣстъ для прогулокъ въ городѣ.

Укрѣпленія, ворота, пекинскія башни—только внушительныя воспоминанія прошлыхъ временъ, госу-

дарство не поддерживает ихъ и даже жители не уважаютъ ихъ, такъ что отсюда видно множество крошечныхъ хижинъ, населенныхъ нищими и построенныхъ изъ камней стѣнъ. Тоже можно сказать о рвахъ шириною въ 18 метровъ, въ которыхъ остается только немного воды, гнѣющей лѣтомъ, тогда какъ зимой ихъ наполняютъ до верху, чтобы собирать ледъ.

Спустимся теперь въ городъ; мы найдемъ въ немъ грандіозныя зданія и живописныя виды.

Высокая, четырехугольная башня, возвышающаяся надъ юго-западной стѣной, къ которой она прислонена, была нѣкогда обсерваторіей іезуитовъ. Она была построена для китайскихъ астрологовъ. Въ XVIII вѣкѣ, Вербье, президентъ математическаго трибунала, уговорилъ императора Кангъ-Ли замѣнить имѣющіеся инструменты другими, большими и болѣе точными, которые сдѣланы были въ Пекинѣ подъ руководствомъ іезуитовъ и по указаніямъ новѣйшей европейской астрономіи. Когда іезуиты были изгнаны государствомъ, обсерваторія была брошена, такъ какъ ни одинъ изъ мѣстныхъ ученыхъ не въ состояніи былъ наследовать имъ. Вотъ уже болѣе столѣтій, какъ учрежденіе опечатано императорскими печатами и ничто въ немъ не измѣнено.

Тяжелая, деревянная, уже гнѣющая дверь, ведетъ въ маленькую ограду, помѣщенную у подножія укрѣпленія, окруженную развалившимися строеніями и усаженную двухсотлѣтними деревьями. Тутъ живетъ сторожъ обсерваторіи, старый инвалидъ, имѣющій столь же древній видъ какъ и инструменты, за

онъ наблюдаетъ. На этомъ дворѣ находятся, между двумя небесными сферами, водяные часы или клецидрь, механическое устройство котораго есть чудо терпѣнія. Это четыре мѣдныхъ бассейна, помѣщенныхъ на кирпичныхъ фундаментахъ и правильно поднимающихся одинъ надъ другимъ. Каждый бассейнъ соединяется съ другимъ узкой трубкой, черезъ которую вода падаетъ каплями. Въ самомъ нижнемъ находится доска, на боку которой укрѣплена указательная стрѣлка. Какъ только количество выпавшей воды соотвѣтствовало четверти часа, сторожъ, ударяя въ барабанъ, объявлялъ часъ съ вершины стѣны; таковы были эти примитивные часы, уже давно переставшіе дѣйствовать. На дворѣ обсерваторіи страшная сырость и невыносимый запахъ плѣсени; старыя стѣны покрыты мохомъ, сталь и желѣзо съѣдены ржавчиной, мѣдные бассейны покрыты толстымъ слоемъ зелени; сторожъ обсерваторіи тщательно старался не трогать стѣнъ, не чистить инструментовъ, довѣренныхъ ему, изъ боязни уничтожить волшебную власть, которую преданіе приписываетъ этимъ любопытнымъ образцамъ древней астрономіи.

Въ глубинѣ двора находится лѣстница, ведущая на платформу башни, возвышающейся на четыре метра надъ стѣной. Двѣ армілярныхъ сферы, четверть круга и громадный небесный глобусъ стоятъ на своихъ мѣстахъ въ теченіи ста сорока лѣтъ, обращенные безъ сомнѣнія къ той же самой точкѣ горизонта, на которую направила ихъ рука Вербье. Старый табуретъ изъ желѣзнаго дерева стоитъ въ одномъ углѣ платформы; можетъ быть онъ служилъ еще астрономамъ.

На громадномъ небесномъ глобусѣ представлены звѣзды и знаки Зодіака, но все это изгладилось и вытерлось временемъ. Ножки всѣхъ инструментовъ, вылитыя изъ бронзы, представляютъ императорскихъ драконовъ, которые лежатъ во всевозможныхъ положеніяхъ:—артистъ дѣлавшій ихъ создалъ чудное произведеніе искусства, которое могло бы служить моделью для орнаментовъ скульптуры.

Видимая изъ центра города, башня обсерваторіи принимаетъ странный видъ: рычаги или ручки астрономическихъ машинъ виднѣются на горизонтѣ, какъ лапы громаднаго паука. Таково это зданіе, воздвигнутое въ эпоху наибольшаго авторитета католическихъ миссіонеровъ въ совѣтѣ имперіи, которое одно было пощажено грабежемъ, которому были преданы всѣ имуществва іезуитовъ.

Обсерваторія помѣщается недалеко отъ храма ученыхъ. Этотъ обширный іамунъ, называющійся Венъ-гіо-кунгъ, составляетъ собственность корпуса ученыхъ, тамъ-то каждый годъ происходятъ литературные экзамены и во время ихъ громадная толпа тѣснится у дверей, чтобы узнать результаты.

Вамъ извѣстно, что въ Китаѣ нельзя занять никакого положенія, не сдавъ экзамена.

Въ Венъ-гіо-кунгѣ есть обширныя залы, великолѣпно отдѣланныя для литературныхъ торжествъ.

Въ роскошномъ саду, въ которомъ стоитъ пагода въ честь Конфуція, идетъ цѣлый рядъ маленькихъ келій, въ которыя заключаются кандидаты на ученыхъ,

разбирающіе письменно заданные вопросы. Они имѣютъ право принести съ собою только чистую бумагу, чернильницу и кисти. У дверей сторожа наблюдаютъ, чтобы не было никакого сообщенія между конкуррентами или посторонними. Въ іамунѣ ученыхъ живетъ литературный управитель.

Если вамъ угодно, мы выйдемъ теперь изъ узкихъ улицъ и по большой западной аллеѣ поднимемся до сѣвера Пекина; множество народа толпится въ этой широкой артеріи монгольскаго города; благоразумнѣе идти съ боку дороги, чтобы не быть опрокинутыми лошадьми, мулами, верблюдами, экипажами, телѣгами и носилками, которые стремятся во всѣхъ направленіяхъ.

Зданіе налѣво, при входѣ въ узкій переулочекъ, есть трибуналъ священныхъ обычаевъ и министерство иностранныхъ сношеній. Это старинный храмъ, не имѣющій въ себѣ ничего замѣчательнаго кромѣ того, что служить мѣстомъ свиданія принца Конга и его аколитовъ съ европейскими посланниками; здѣсь былъ подписанъ 25-го Октября, 1860 года мирный договоръ, окончившій послѣднюю войну.

Вотъ великій мандаринъ Венъ-Сіангъ, поворачивающій изъ аллеи къ трибуналу священныхъ обычаевъ; онъ окруженъ всевозможной роскошью, ему предшествуетъ конница; за его носилками, не смотря на отсутствіе солнца, идутъ его носильщики зонтиковъ; за ними слѣдуетъ весь трибуналъ и, чтобы увеличить кортежъ, каждый изъ низшихъ мандариновъ тащитъ за собой многочисленную прислугу.

Западная аллея одна изъ наиболѣе многолюдныхъ и торговыхъ во всемъ монгольскомъ городѣ. Нужно замѣтить, что въ этой людской толпѣ почти нѣтъ женщинъ—исключая самаго низшаго класса, онѣ всѣ не выходятъ изъ дома.

Вотъ полицейскіе, наблюдающіе за порядкомъ въ городѣ. Они метутъ улицы, убираютъ грязь, спускаютъ воду.

Какое множество паланкиновъ и носилокъ! Въ Китаѣ всякій уважающій себя человекъ можетъ передвигаться только верхомъ, или въ носилкахъ.

Такъ какъ мы ходимъ пѣшкомъ и предпочитаемъ этотъ способъ передвиженія, потому что онъ позволяетъ намъ лучше видѣть, то я увѣрена, что насъ сожалеютъ и глядятъ на насъ, какъ на людей недостойныхъ уваженія.

Есть хозяева, отдающіе въ наемъ носилки въ громадномъ количествѣ, и можно достать себѣ носилки на цѣлый день за какойнибудь шастръ.

Вотъ также биржа экипажей или, лучше сказать, телѣгъ, запряженныхъ однимъ или двумя мулами. Онѣ имѣютъ самый соблазнительный видъ: кузовъ раскрашенъ яркими цвѣтами, внутренность отдѣлана красной или зеленой тафтой,—но ѣхать въ этихъ ужасныхъ нерессорныхъ экипажахъ—это подвергать себя страшной пыткѣ. Аллеи, нѣкогда вымощенныя прекрасными каменными плитами въ четыре квадратныхъ метра величиною, въ сорокъ сантиметровъ толщиною, не поправлялись втеченіи двухъ сотъ лѣтъ: половина этихъ

разрушившихся отъ времени плиты, замѣнилась большими ямами.

Надо быть китайцемъ, чтобы ѣхать въ экипажѣ по этимъ аллеямъ, похожимъ на разрушенную лѣстницу: если экипажъ не опрокинется, то все-таки перенесетъ страшные толчки, но пекинцы привыкли къ этому, они спокойно сидятъ и курятъ трубку. Кучеръ, сидяшій на оглоблѣ, держится на ней какимъ-то чудомъ равновѣсія. Цѣна по уговору съ кучеромъ, но я полагаю, что мое описаніе не соблазнитъ васъ прогуляться въ такомъ экипажѣ.

Длинная перспектива, представляемая западной аллеей, правильно проложенной и обстроенной, на половинѣ прерывается четырьмя триумфальными арками, подъ которыми мы пройдемъ. Онѣ каменные, съ деревянными рѣзными украшеніями, представляющими баснословныхъ животныхъ, цвѣты и птицъ и состоятъ изъ двухъ большихъ колоннъ съ перекинутой между ними китайской крышей. Это скорѣе ворота, чѣмъ триумфальныя арки, такихъ арокъ четыре въ параллельной аллеѣ на востокъ отъ города.

Направо, близъ укрѣпленій, помѣщаются склады провіанта, которыхъ мы не станемъ осматривать. Видны только громадныя строенія въ полнѣйшемъ разрушеніи; прежде тамъ содержались запасы риса, хлѣба и пшеницы, достаточные на восемь лѣтъ для пропитанія города.

Городъ Тонгъ-Чеу имѣлъ еще болѣе обширныя магазины, но со вступленіемъ на престолъ манджурской

династїи, они брошены и населяются только нищими и безчисленными легіонами крысь.

Обѣ стороны аллеи на западномъ концѣ заняты двумя знаменитыми пекинскими храмами: налѣво—храмъ Конфуція, направо—храмъ тысячи Лама.

Храмъ Конфуція есть круглая пагода, окруженная мраморными лѣстницами со скульптурными перилами. Крыша покрыта зелеными полированными черепицами, внутренность не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ большихъ размѣровъ. Залъ молитвъ окруженъ боковыми галереями изъ бѣлаго мрамора, на перилахъ которыхъ видны черныя дощечки, на которыхъ золотыми буквами вырѣзаны изрѣченія изъ философской книги. Здѣсь нѣтъ никакихъ статуй кромѣ Конфуція и его послѣдователя Менъ-Дзе. Въ храмѣ не жгутъ ладона, но, какъ кажется, названіе храма Конфуція не совсѣмъ вѣрно, или, по крайней мѣрѣ, его культъ искаженъ, такъ какъ это философъ, проповѣдующій чистый разумъ, а въ храмѣ есть бонза, исполняющій религиозныя церемоніи.

Статуи львовъ, съ лицами обезьянъ и лѣстницы, украшенныя тїарами съ рогами временъ Минговъ, ведутъ къ порталу знаменитаго храма тысячи Лама. Вы были бы поражены такъ же какъ и я сходствомъ этихъ буддистскихъ тїаръ съ католической тїарой.

Фасадъ храма тысячи Лама поддерживается громадными бревнами, между которыми вдѣланы рамы изъ рѣзнаго дерева съ бумагой вмѣсто стеколъ. Это громадное квадратное зданіе съ пилястрами, безъ карнизовъ и всякихъ украшеній.

Монастырь, помѣщаясь за храмомъ, окруженъ вмѣстѣ со своимъ садомъ стѣной, имѣющей въ окружности не менѣе двухъ километровъ. Въ этотъ часъ дня въ храмъ нельзя войти и мы еще возвратимся въ него позднѣе, однако, я могу сказать, что во внутренности храма, который очень богатъ, стоитъ громадная статуя Будды изъ позолоченнаго дерева въ 70 футовъ вышины. Это религиозное зданіе принадлежитъ Ламамъ, то есть жрецамъ реформированнаго буддизма, который отличается отъ религіи Фо, проповѣдуемой китайскими бонзами. Сюда манджуры и монголы, живущіе въ большомъ числѣ въ Пекинѣ и болѣе религиозные чѣмъ китайцы, являются молиться.

Теперь мы повернемъ на лѣво, пройдемъ мимо воротъ Нганъ-тингъ, черезъ которыя англо-французская армія вступила въ Пекинъ, затѣмъ дойдемъ до перекрестка, на которомъ возвышается башня Колокола.

Постройка этого зданія имѣетъ много сходнаго съ городскими воротами и должна принадлежать къ тому же времени. Нижній этажъ образуется аркадой съ двумя отверстіями; надъ нею возвышается четырехугольная башня, покрытая широкой красной крышей, съ бордюромъ изъ зеленыхъ черепицъ.

Четыре изящныя, рѣзныя аркады позволяютъ видѣть громадный бронзовый колоколъ безъ языка, по которому ударяютъ большимъ молоткомъ изъ желѣзнаго дерева; городскіе стражи пользуются имъ ночью для тревоги, въ случаѣ нападенія или пожара. Это пекинскій набатъ. Въ другихъ кварталахъ есть много колоколовъ въ такомъ же родѣ; ими даютъ знать о ноч-

ныхъ бдѣніяхъ, которые начинаются въ два часа. О первомъ даютъ знать однимъ ударомъ, который повторяется каждые четверть часа, для второго бдѣнія даютъ два удара, для третьяго—три и такъ далѣе. Ночь раздѣлена на пять бдѣній.

Аллея, идущая отъ перекрестка колокола и направляющаяся къ сѣверо-востоку, по направленію къ воротамъ Тоа-шангъ, нѣсколько времени идетъ вдоль самаго сѣвернаго изъ озеръ Пекина, торжественно называемаго китайцами Сѣвернымъ моремъ; оно питается водами городскихъ рвовъ, которыя вливаются въ него при помощи деревянныхъ шлюзовъ. Съ этой стороны нѣтъ другого зданія, кромѣ прелестнаго храма Фа-Ка, принадлежащаго сектѣ Та-о, который помѣщается въ центрѣ маленькаго острова на сѣверной оконечности Сѣвернаго моря.

Главная пагода стоитъ на живописной полянѣ, среди роскошной растительности; въ ней множество идоловъ этого страннаго культа, послѣднихъ остатковъ древняго фетишизма, презираемаго большинствомъ китайцевъ, послѣдователи котораго принадлежатъ къ низшему классу народа.

Но пора прямо направиться къ воротамъ Та-о, черезъ которыя мы войдемъ въ Желтый городъ—покрытый голубыми и желтыми лиліями и остроконечнымъ тростникомъ, онъ вполне заслуживаетъ свое названіе, такъ какъ эти акватическія растенія закрываютъ около половины его поверхности; ихъ большіе цвѣты очень хорошо пахнутъ. Отсюда пройдемъ черезъ каналъ, дающій воду рвамъ Желтаго города, пе-

рейдемъ черезъ мостъ Га-о—который отличается отъ мостовъ внутри городской ограды только отсутствіемъ полумѣсяцевъ—и дойдемъ до подножія угольной горы, которая есть наиболѣе возвышенный пунктъ Пекина.

Угольная гора, Ме-шенъ, есть высокій холмъ, на вершинѣ котораго стоитъ изящный кіоскъ въ два этажа; множество кіосковъ, пагодъ, храмовъ, фу покрываютъ этотъ холмъ и живописно тѣснятся одинъ надъ другимъ на различной высотѣ. Всѣ склоны покрыты всегда зеленой травой, тогда какъ въ остальной части города вся трава выжжена солнцемъ и монгольской пылью. Этимъ плодородіемъ угольная гора обязана влажности почвы и громадному скопленію землянаго угля. Преданіе говоритъ по этому поводу, что въ прошедшемъ вѣкѣ, одинъ китайскій императоръ, угрожаемый долгой осадой татаръ, приказалъ собрать въ этомъ мѣстѣ необходимое топливо для всего города на много лѣтъ. На сколько справедливо это преданіе, неизвѣстно, вѣрно то, что уголь составляетъ основаніе горы и что она сложена здѣсь руками человѣческими, время и разложеніе покрыли ее толстымъ слоемъ листовенной почвы.

Нѣтъ ничего интереснѣе прогулки среди лабиринта маленькихъ переулковъ, между зданіями, построенными на этомъ холмѣ, гдѣ живутъ только бонзы и, высокія особы, вслѣдствіе чего здѣсь не встрѣчаешь грязи, обычной въ простонародныхъ кварталахъ и, напротивъ того, на всякомъ шагѣ встрѣчаешь неожиданности: мосты изъ раковинъ, фонтаны съ забавными скульптурными фигурами, пагоды, въ которыхъ виднѣются ужас-

ныя божества, бесѣдки изъ камелій, изъ лилій и старыхъ столѣтнихъ кедровъ и веселыя птицы, поющія среди этой праздничной природы, а главное—такъ мало китайцевъ, такъ какъ китайцы аристократы не прогуливаются и не выходятъ изъ дому иначе, какъ окруженные парадомъ.

Съ вершины угольной горы представляется громадная панорама. Это самая высокая точка Пекина, съ которой видны всѣ части города. Если мы повернемся направо, намъ представится роскошный видъ на Пей-та-се, возвышающійся на полуостровѣ въ центрѣ Средняго моря.

Пей-та-се — въ одно и тоже время жилище бонзъ и надгробный памятникъ, воздвигнутый въ память послѣдняго императора династїи Минговъ; въ императорскомъ саду стоитъ еще дерево, на которомъ повѣсился знаменитый монархъ, когда его столица была занята татарской арміей въ 1644 году. Манджурскій императоръ, свергнувшій его съ трона, приказалъ покрыть цѣпями преступное дерево, давшее свои вѣтви для покушенія на жизнь сыну Неба. Онъ видѣлъ въ этомъ самое ловкое средство сохранить въ глазахъ народа неприкосновенность императорскаго престижа, который онъ присвоилъ себѣ силой. Дерево умерло отъ старости, но на его высохшемъ стволѣ еще висятъ громадныя, желѣзныя цѣпи.

Пей-та-се, помѣщаясь среди зелени, на искусственномъ холмѣ, окруженъ кіосками, пагодами и жилищами бонзъ. Его круглый куполь въ формѣ шляпы, надъ которымъ возвышается колокольня съ тремя остріями,

рѣзко выдѣляется надъ спокойными водами. Этотъ золоченый куполь и высокія мачты, указывающія императорское зданіе, возвышаются надъ высокими деревьями, остальные мелькаютъ въ живописномъ безпорядкѣ среди густой зелени.

Направо видѣнъ красивый мраморный мостъ, соединяющій Желтый городъ съ Монгольскимъ. Этотъ мостъ, похожій на мостъ Па-Ли-Кіао и по виду принадлежащій къ одной эпохѣ, есть образцовое произведеніе скульптуры. Мраморъ, выточенный *à jour*, свивается граціозными спиралями и принимаетъ всевозможныя формы, которыя счумѣли ему придать терпѣніе и искусство китайцевъ. Въ этомъ мосту устроены шлюзы, которые спускаютъ воду по желанію въ обѣ части озера.

Среднее море, въ которомъ обыкновенно бываетъ мало воды, окружено большими императорскими парками, въ которыхъ разбросано нѣсколько дворцовъ.

Остановимся проходя мимо пагоды, построенной на сѣверозападномъ углу Краснаго города; тутъ принцы императорской фамиліи сдаютъ литературные экзамены, отъ которыхъ они не избавлены такъ же, какъ самые простые мандарины. Она гораздо богаче отдѣлана, чѣмъ храмъ ученыхъ, который мы видѣли въ началѣ дня и представляетъ два маленькихъ деревянныхъ павильона, разрисованныхъ и украшенныхъ рѣзбой съ изящнымъ вкусомъ.

На крышѣ главнаго кіоска сидитъ громадный драконъ — императорская эмблема — его зеленая чешуя, красный языкъ и глаза изъ бѣлаго и чернаго фарфора, рѣзко отдѣляются на золотыхъ чере-

пицахъ. Множество другихъ баснословныхъ животныхъ во всевозможныхъ самыхъ невѣроятныхъ позахъ украшаютъ эту пагоду, одну изъ самыхъ любопытныхъ и лучше сохранившихся пагодъ Пекина, въ которомъ ихъ тысячи.

Вотъ ограда императорскаго города, которая узнается по красному цвѣту кирпичей. Крыши изъ золоченыхъ черепицъ покрываютъ эту ограду по всей длинѣ. Отъ этихъ красныхъ кирпичей названіе Краснаго города, которое китайцы даютъ императорскому дворцу, многочисленныя зданія котораго покрываютъ поверхность 80 гектаровъ.

Красный городъ, образующій четырехугольникъ, кромѣ стѣнъ защищается еще широкими рвами; съ четырехъ различныхъ сторонъ въ него ведутъ четверо воротъ, но войти въ нихъ невозможно и каково бы ни было наше любопытство, надо довольствоваться однимъ видомъ золоченыхъ крышъ, покрывающихъ большіе, симметрично расположенные павильоны. Всѣ эти зданія покрыты желтымъ лакомъ — цвѣтъ исключительно присвоенный императору.

Въ императорскій дворецъ ни одинъ европеецъ не могъ никогда проникнуть. Капитанъ Бувье рассказывалъ мнѣ, что однажды, перебравшись черезъ ровъ, онъ вошелъ во внутренность черезъ отверстіе въ стѣнѣ, но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ военный мандаринъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ явился передъ нимъ и такъ какъ капитанъ не хотѣлъ слушать просьбъ вернуться обратно черезъ брешь, несчастный китаецъ показалъ многозначитель-

нымъ жестомъ на свою шею — жестомъ, желавшимъ сказать, что онъ если капитанъ будетъ продолжать настаивать, получить шелковый шнурокъ, за то, что впустилъ европейца въ императорское святилище, тогда капитанъ не пожелалъ отягчать своей совѣсти человѣческой смертью и вернулся въ Желтый городъ. Не такъ было въ XVIII вѣкѣ, когда миссіонеры приобрѣли полное довѣріе императора Кангъ-Ги.

Тогда многіе изъ нихъ были принимаемы въ императорскомъ городѣ и оставили вѣрное описаніе его. Вотъ что говорить отецъ Грозье:

«Императорскій дворецъ заключаетъ въ себѣ девять обширныхъ дворовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ и соединяющихся бѣлыми мраморными воротами съ павильонами надъ ними, сверкающими золотомъ и лакировкой. Строенія или галереи окружаютъ эти дворы, кромѣ которыхъ имѣется еще множество другихъ, болѣе мелкихъ предназначенныхъ для слугъ и конюшень.

Первый по входѣ дворъ очень обширный; въ него спускаются по мраморной бѣлой лѣстницѣ въ формѣ подковы. Онъ орошается ручейкомъ, который извилаясь течетъ по нему и черезъ который переброшены мраморные мосты. Въ глубинѣ этого двора возвышается фасадъ съ тремя воротами; среднія предназначены для императора, остальные проходятъ въ боковыя. Эти ворота ведутъ во второй дворъ, самый большой во всемъ дворцѣ. Громадная галерея окружаетъ его со всѣхъ сторонъ и въ этой галереѣ помѣ-

щается складъ драгоценностей, принадлежащихъ лично императору.

Первый изъ магазиновъ наполненъ вазами и другими работами изъ разнообразныхъ металловъ, второй заключаетъ въ себѣ прекраснѣйшіе образчики мѣховъ, третій—мѣховыя платья на лисьемъ, горностаевомъ и собольемъ мѣху, которыя иногда императоръ даритъ своимъ офицерамъ, четвертый служитъ складомъ брилліантовъ, драгоценныхъ камней, рѣдкаго мрамора и жемчуга, который ловится на татарскомъ берегу, пятый, во второмъ этажѣ, наполненъ шкафами и сундуками съ шелковыми матеріями, предназначенными для императора и его семейства. Другіе магазины заключаютъ оружіе (въ видѣ луковъ, пикъ, сабель, аркебузовъ) отнятое у непріятеля или поднесенное подвластными принцами. На этомъ-то второмъ дворѣ помѣщается императорскій залъ, называемый Тае-готинъ или зала большого собранія. Она построена на верху пяти террасъ, возвышающихся одна надъ другой и все уменьшающихся по мѣрѣ возвышенія. Каждая изъ террасъ облицована бѣлымъ мраморомъ и украшена артистической баллюстрадой. Передъ этой-то залой собираются всѣ мандарины, когда въ назначенные дни являются засвидѣтельствовать свое почтеніе и продолжать всѣ церемоніи, опредѣленныя законами государства.

Эта зала, почти четырехугольная, имѣетъ въ длину приблизительно 130 метровъ. Всѣ панели скульптурныя, выкрашенныя въ зеленый цвѣтъ и украшенныя золочеными драконами. Колонны, поддерживающія

кровлю, имѣютъ отъ шести до семи футъ въ окружности въ основаніи и покрыты родомъ мастики блестящаго краснаго цвѣта. Полъ покрытъ ковромъ, стѣны ничѣмъ не украшены, нѣтъ ни люстръ, ни картинъ, лишь сокровище, помѣщающееся въ срединѣ залы, и состоящее изъ сундука, образующаго довольно возвышенную эстраду съ надписью «шинъ», что можно перевести словомъ «священный».

На террасѣ, поддерживающей эту залу, видны бронзовыя вазы, въ которыхъ въ дни церемоніи сожигаются благоуханія и канделябры, сдѣланныя въ видѣ птицъ, раскрашенныя различными цвѣтами точно такъ же, какъ свѣчи и факелы, зажигаемыя здѣсь.

Эта терраса продолжается къ сѣверу и заключаетъ еще двѣ другія залы. Одна изъ нихъ—ротонда со множествомъ оконъ, съ блестящей лакировкой. Здѣсь императоръ перемѣняетъ костюмъ до и послѣ церемоній. Другая зала, въ которой одна изъ дверей обращена къ сѣверу и черезъ нее императоръ, выходя изъ своихъ апартаментовъ, долженъ пройти, когда является принимать выраженія почтенія знатнѣйшихъ особъ государства. Его несутъ въ носилкахъ офицеры въ длинныхъ красныхъ платьяхъ, вышитыхъ золотомъ и въ шапочкахъ съ эгретками.

Я прибавлю къ этимъ подробностямъ, что внутри есть казармы и конюшни, могущія вмѣстить въ себѣ пятнадцать тысячъ человекъ войска и пять тысячъ лошадей, и что, наконецъ, Красный городъ составляетъ самъ по себѣ, крѣпость, защищаемую укрѣпленной оградой Желтаго города и помѣщается такимъ образомъ

между укрѣпленіями монгольскаго города. Поэтому чтобы овладѣть императорскимъ дворцомъ нужно вести три послѣдовательныхъ штурма.

Обойдя внутреннюю ограду, мы дойдемъ до южныхъ воротъ Желтаго города. Два большіе парка, идущіе по обѣ стороны этой широкой аллеи, заключаютъ въ себѣ старинныя жилища бонзъ, опустѣвшія послѣ вступленія на престолъ Манджурской династии.

Перейдя черезъ ворота Та-дзингъ, выходишь на большую площадь, гдѣ помѣщаются обширные погреба, заключающіе склады древеснаго угля и другаго топлива. Но уже темнѣетъ, а Пекинъ ночью не освѣщается и въ немъ нѣтъ фонарей, поэтому повернемъ, если вамъ угодно, въ улицу Тунъ-тіанъ-ми-тіанъ, которая передъ нами и по которой мы прямо дойдемъ до посольства.

ГЛАВА VIII.

Прогулка по Пекину.—Китайскій городъ.

Жилище бонзъ Желтаго города.—Императорская пагода.—Конюшни для слоновъ.—Помѣщенія католической, англиканской и греческой миссій.—Соборъ.—Перекрестокъ казней.—Ужасное зрѣлище.—Улица издателей.—Погребальная-музыка.—Большая центральная аллея.—Странствующие рабочіе.—Народные ораторы.—Гадатели.—Храмы Неба и земледѣлія.—Башня жертвъ.—Пекинъ ночью.—Полиція.—Сторожъ посольства.

Въ прошлой главѣ мы сдѣлали съ читателемъ большую прогулку по татарскому городу, однако мы не могли осмотрѣть западной его части, въ которой есть нѣсколько зданій, достойныхъ вниманія и которыя я опишу ниже.

По другой сторонѣ мраморнаго моста, переброшеннаго черезъ Среднее море, въ Желтомъ городѣ есть еще большая площадь, монастырь бонзъ, Це-тангъ, жилище католическихъ миссіонеровъ и императорская пагода Квангъ-мингъ-Тьенъ.

Внутри Желтого города помещается католическое епископство, или Намъ-тангъ, конюшни слоновъ и храмъ Башня.

Жилище бонзъ Желтого города, помещаясь на сѣверѣ Пе-танга, состоитъ изъ цѣлаго ряда четырехугольныхъ зданій, окружающихъ большіе дворы. Главный храмъ весь изъ бѣлаго мрамора. Цѣлый рядъ колоннъ изъ чернаго мрамора, образующихъ величественную колоннаду, поддерживаетъ острую крышу, вершин а которой возвышается на много метровъ надъ краями. Промежутки между этими колоннами заняты цѣлымъ рядомъ мелкихъ капеллъ; въ каждой изъ нихъ помещается статуя одного изъ многочисленныхъ божествъ китайскаго пантеизма. Главный алтарь украшенъ фигурами, вдвое больше натуральной величины, буддистской троицы.

Направо отъ этого зданія, ворота котораго выходятъ на перекрестокъ, бросаются въ глаза львиныя головы, указывающія на входъ въ Фу, или дворецъ принадлежащій высшимъ сановникамъ государства.

Ограда храма--Башни идетъ вдоль аллеи Си-гуа и граничитъ съ каналомъ, проводящимъ черезъ монгольскій городъ воду съ сѣвера.

Этотъ храмъ, который, въ то же время, и большой монастырь, пользующійся громадной извѣстностью, заключаетъ въ себѣ высокую башню, по архитектурѣ сходную съ Пе-та-се.

Большая площадь, доходящая до сѣверозападныхъ стѣнъ Желтого города, не имѣетъ ничего замѣчательнаго кромѣ своей величины и правильности,

Въ центрѣ ея помѣщается мраморный фонтанъ. Дворцы, симметрически построенные, украшены громадными подъездами и окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ, придавая вполне правильную восьмиугольную форму императорской пагодѣ.

Кванъ-Минъ-Тіанъ помѣщается на юго западѣ Желтаго города одного изъ лучшихъ и наиболѣе богато отделанныхъ пагодъ Пекина. Она возвышается среди парка, окруженнаго стѣнами съ большой ротондой, нѣкогда служившей храмомъ, и двумя очаровательными кіосками возвышающимися надъ главными воротами. Кровля Кванъ-Минъ-тіана вся покрыта черепицами ярко синяго цвѣта. Карнизы кровли украшены колокольчиками, которые, во время вѣтра, звонятъ, не переставая. Балки, поддерживающія балконъ, массивны и расписаны яркими красками.

Главный корпусъ зданія построенъ изъ красныхъ лакированныхъ кирпичей; въ каждомъ этажѣ знамена и разноцвѣтные фонари прикрѣплены къ пилястрамъ балкона; внутри есть картины, представляющія боговъ и духовъ и ниши съ статуями, сдѣланными изъ золоченаго дерева. Это зданіе, давно оставленное людьми, населено только совами и ласточками вьющими свои гнѣзда въ углубленіяхъ карнизовъ.

На югозападномъ углу татарскаго города еще можно видѣть развалины громадныхъ стѣнъ бывшихъ когтюшенъ слоновъ. Прежніе императоры династіи Минъ держали в ѣ нихъ тридцать слоновъ, но съ тѣхъ поръ какъ манджуры, эти сѣверные варвары, завладѣли государствомъ, они съ презрѣніемъ отвергли

грандіозную роскошь азіатскаго деспотизма, олицетворяемаго этими величественными животными. Однако въ конюшнѣ еще есть одинъ слонъ, посѣдѣвшій отъ лѣтъ, клыки котораго сточились отъ времени и который видитъ только однимъ глазомъ. Ему навѣрное болѣе ста лѣтъ и его существованіе служитъ неоспоримымъ доказательствомъ долговѣчности которую приписываютъ этимъ колоссальнымъ созданіямъ. Этотъ послѣдній почтенный свидѣтель великолѣпія двора Сыновъ Неба, которыхъ прославляли миссіонеры XVII столѣтія.

Помѣщенія христіанскихъ миссій быстро умножились въ Пекинѣ и возвратили себѣ часть прежняго великолѣпія. Въ столицѣ уже насчитываютъ четыре католическихъ учрежденія: Пе-тангъ, или сѣверная миссія, помѣщающаяся въ оградѣ Желтаго города; Намъ-тангъ, или южная миссія, въ которой заключается соборъ- недалеко отъ воротъ Чуенъ-че; наконецъ миссія востока и юго-запада помѣщаются въ кварталахъ, прилегающихъ къ монгольскому городу. Двѣ послѣднія, представляющія скорѣй школы для китайскихъ неофитовъ, имѣютъ только второстепенную важность и мы пройдемъ ихъ молчаніемъ. Что же касается Пе-танга и Намъ-танга, принадлежащихъ французскимъ іезуитамъ и португальскимъ францисканцамъ XVIII, то онѣ представляютъ достаточный интересъ съ точки зрѣнія архитектуры, чтобы стоило ихъ описать.

Пе-тангъ, находящійся недалеко отъ Средняго моря, состоитъ изъ цѣлой серіи павильоновъ въ одинъ

этажъ, отдѣленныхъ обширными дворами и старинной капеллы съ башней, окруженной желѣзными баллюстрадами, образующими тирассу. Съ этой тирассы представляется великолѣпная панорама; съ нея дѣлали первый фотографическій снимокъ въ Пекинѣ.

Паркъ Пе-тангъ роскошенъ и такъ великъ, что китайцы называютъ его лѣсомъ, что не кажется нисколько преувеличеннымъ для того кто бываетъ въ немъ. Это зданіе недавно продано китайскимъ миссіонерамъ, прибрѣтетъ громадное значеніе. Во время изгнанія іезуитовъ оно было совершенно опустошено; но всѣ старанія текинской черни были безсильны противъ ограды капеллы, состоящей изъ желѣзной рѣшетки, съ которой не могли ничего сдѣлать, но которая до сихъ поръ носитъ на себѣ слѣды народной ярости. Громадныя мраморныя ворота, въ стилѣ Людовика XIV, съ дорическими колонками, украшены двумя греческими возами и представляютъ странное зрѣлище фантастической архитектуры страны.

Самое замѣчательное въ Намъ-тангѣ, принадлежавшемъ прежде португальцамъ и такъ же отданномъ французамъ, есть католическій соборъ. Это зданіе, построенное во время Людовика XV, состоитъ изъ двухъ четыре угольныхъ башень, какъ башня церкви Св. Сюльпиція въ Парижѣ, и главнаго зданія съ узкими, продолговатыми окнами.

Пекинскій соборъ былъ въ состояніи полного разрушенія и понадобилось множество поправокъ; наконецъ на Рождествѣ 1861 года въ полночь въ немъ въ первый разъ была совершена служба съ большими

великолѣпнѣмъ и удивленные китайцы могли слышать звуки гонга, давашіе знать о слѣдованіи французскаго посланника, господина Бурбулонъ, и всего персонала посольства, отправлявшихся на божественную службу; большое число китайцевъ-католиковъ такъ же присутствовало при церемоніи. Съ этого дня свобода религіи, данная правительствомъ, сдѣлалась для народа совершившимся фактомъ.

Въ Китайъ есть также русская миссія, уже давно помѣщающаяся на сѣверо-восточномъ углу Монгольскаго города и протестантская миссія—рядомъ съ дворцомъ англійскаго посольства, при которой есть большой госпиталь.

Если въ татарскомъ городѣ находится большое число интересныхъ зданій, описаніе которыхъ, можетъ быть, показалось читателю немного длиннымъ, то нельзя того же сказать о Китайскомъ городѣ—это куча переулковъ и лачужекъ, способныхъ вызвать скорѣй отвращеніе, чѣмъ удовольствіе. Однако, эта часть можетъ показаться путешественнику весьма интересной со стороны нравовъ населенія.

Китайскій городъ Пекина—это старый Китай со всѣми своими странностями и живописными безобразіями. Вотъ что говорить госпожа де-Бурбулонъ о первой прогулкѣ по этому человѣческому хаосу.

«Я поѣхала сегодня утромъ съ сэромъ Фредерикомъ Брюсомъ и мужемъ сдѣлать прогулку по Китайскому городу; съ нами было свиты всего четыре европейскихъ всадника и два тингъ-чая *)», что доказываетъ

*) Нѣчто въ родѣ кавасовъ на службѣ европейскихъ посольствъ.

какой безопасностью пользуются въ настоящее время европейцы въ Пекинѣ. Кто могъ бы предвидѣть это два года тому назадъ, когда входъ въ этотъ таинственный городъ былъ запрещенъ европейцамъ подь страхомъ смерти. Мы возбуждаемъ любопытство народа, на насъ смотрятъ, оборачиваются намъ вслѣдъ, но за нами не слѣдуетъ толпа народа, что уже большой прогрессъ и дѣлаетъ продолжительныя прогулки болѣе легкими и пріятными.

Мы выѣхали изъ Монгольскаго города черезъ ворота Тъевъ и слѣдуя по широкому шоссе, раздѣляющему два города, вступили въ Китайскій городъ черезъ ворота Чуень-Че. Затѣмъ мы поѣхали по восточной аллеѣ, которая довольно широка и правильно продолжена.

По лѣвой сторонѣ множество лавокъ шелковыхъ матерій, фарфора и лакированныхъ вещей. У каждаго торговца передъ дверью стоитъ, доска вышиною отъ десяти до двѣнадцати футъ, тщательно лакированная и вызолоченная, на которой крупными буквами перечислены товары, которыми онъ торгуетъ.

Этотъ рядъ досокъ, по лѣвой сторонѣ дороги, на равномъ разстояніи, весьма красивъ издали и придаетъ длиннымъ улицамъ видъ театральной декораціи; подобныя вывѣски употребляются во всѣхъ большихъ городахъ Китая.

Подвигаясь по восточной аллеѣ, мы должны были вдругъ съѣхать на правую сторону шоссе, чтобы избавиться столкновенія съ громадной машиной, которая двигалась на насъ и отъ проѣзда которой дрожала.

земля. Представьте себѣ по меньшей мѣрѣ двѣсти лошадей, запряженныхъ вѣеромъ канатомъ, толщиною почти въ тѣло ребенка и впряженныхъ въ телѣгу, на которой помѣщается громадный монолитъ! Китайцы замѣчательно умѣютъ передвигать громадныя тяжести. Я видѣла носильщиковъ, переносившихъ на спинѣ цѣлыя пушки, тяжесть которыхъ заставила бы отступить самаго сильнаго европейца; но это удается имъ благодаря не одной силѣ, но главнымъ образомъ искусству. Нѣтъ ничего удивительнѣе того, какъ погонщики заставляютъ идти лошадей: удары кнута и словесныя понуканія слѣдуютъ съ удивительнымъ ансамблемъ. Начальникъ работъ, безъ сомнѣнія инженеръ, идущій задомъ, впереди этой тяжелой машины, передавалъ жестами приказанія, какъ капитанъ судна, командующій трудные маневры.

Въ концѣ шоссе мы вышли на большой перекрестокъ, образуемый западной аллеей и большой улицей, проходящей черезъ китайскій городъ съ запада на востокъ и соединяющей между собою ворота: Куангъ-дзу и Ша-ку. Этотъ людной перекрестокъ имѣетъ особый характеръ, благодаря множеству деревенскихъ продавцовъ, являющихся сюда съ мясомъ, дичью, а въ особенности съ овощами. Я видѣла громадныя кучи луку и капусты, возвышающихся до дверей домовъ.

Крестьяне и крестьянки, сидя на землѣ на циновкахъ, или деревянныхъ табуретахъ, спокойно курятъ трубки, тогда какъ старые мулы и ослы, привезшіе на себѣ товары, бродятъ по рынку въ толпѣ, вытя-

тивая шея, чтобы захватить мимоходомъ какойнибудь овощъ, или менѣе оберегаемую траву.

На каждомъ шагу городскіе жители съ небрежной и гордой походкой, вооруженные вѣрами, которыми они защищаютъ свой блѣдный, мучнистый цвѣтъ лица отъ солнца, сталкиваются съ здоровыми крестьянами со смуглыми лицами, въ сандаляхъ и большихъ соломенныхъ шляпахъ.

Павильонъ, помѣщающійся въ срединѣ перекрестка и снабженный навѣсомъ изъ промасленной бумаги, занимается полицейскимъ постомъ, обязаннымъ поддерживать порядокъ на рынкѣ.

Едва проѣхали мы нѣсколько шаговъ, какъ моя лошадь стала упрямиться и рѣшительно отказывалась идти. Мнѣ трудно было сдержать это обыкновенно кроткое и послушное животное — очевидно что-то пугало ее. Я машинально подняла голову и чуть не упала въ обморокъ отъ ужаснаго зрѣлища, представившагося моимъ глазамъ: свади и около насъ былъ цѣлый рядъ столбовъ съ деревянными перекладинами, на которыхъ висѣли бамбуковыя клѣтки и въ каждой клѣткѣ лежали головы мертвецовъ, глядѣвшія на меня тусклыми, широко раскрытыми глазами. Ихъ рты были обезображены ужасными гримасами, зубы конвульсивно сжаты въ послѣдней агоніи и кровь еще капала изъ свѣже отрубленныхъ головъ, вдоль по столбамъ.

Въ одно мгновеніе мы пустили лошадей въ галопъ, чтобы скорѣй миновать это ужасное зрѣлище, которое я еще долго вспоминала въ безсонныя ночи. Я была

еще счастлива, видѣвши только то, что видѣла, такъ какъ, благодаря нашему незнанію мѣстности, мы подвергались опасности присутствовать при нѣчто еще болѣе ужасномъ.

Несчастные, головы которыхъ были выставлены такимъ образомъ на позоръ и которыхъ было болѣе пятидесяти, принадлежали къ воровской шайкѣ въ окрестностяхъ Пекина, которая была недавно словлена и казнь происходила наканунѣ нашей прогулки. Для выставки этихъ человѣческихъ головъ были сдѣланы новыя клѣтки, которыя вслѣдствіе этого еще не были пропитаны запахомъ разложенія отъ предыдущихъ казней.

За нѣсколько дней до этого, какъ мнѣ рассказывалъ послѣ одинъ изъ молодыхъ людей посольства, онъ проходилъ по этому перекрестку и былъ принужденъ бѣжать отъ страшнаго запаха, который распространяли портящіяся человѣческія останки. Клѣтки отъ долгаго употребленія сгнили и едва держались; нѣкоторыя головы висѣли изъ нихъ, зацѣпившись за рѣшетку косами, другія уже упали на землю, къ подножію столбовъ. Таковъ безжалостный обычай китайскихъ законовъ, недостойный народа, столь подвинушагося въ цивилизаціи. Но эти варварскіе обычаи относятся къ отдаленнымъ временамъ, они вошли въ нравы и китайцы въ минуту казни спокойно занимаются своими дѣлами. Въ то время, какъ мы бѣжали такого ужаснаго зрѣлища, толпа покупателей и продавцевъ кричала, спорила, торговалась не обращая

никакого вниманія на эти мертвыя головы, висѣвшія надъ ними.

Когда между нами и перекресткомъ казней сдѣлалось нѣсколько сотъ шаговъ разстоянія, я, наконецъ, вздохнула свободно; во всякомъ случаѣ я спѣшила вернуться въ посольство и чтобы не дѣлать большаго обхода мы повернули на лѣво на большую среднюю аллею китайскаго города. Эта улица, на которую мы свернули и названіе которой я забыла, выходитъ на большую аллею близъ воротъ Тьенъ-Мень, но она настолько узка, такъ набита людьми и животными, такъ извилиста, что намъ пришлось употребить гораздо болѣе времени на ея проѣздъ, чѣмъ если бы мы поѣхали прямо по аллеямъ.

Если только есть время и желаніе осматривать Пекинъ, то самое лучшее не оставлять широкихъ шоссе, пересекающихъ городъ въ четырехъ различныхъ направленіяхъ, въ противномъ случаѣ, знаешь когда выѣзжаешь, но нельзя опредѣлить когда вернуться.

Улица, въ которую мы повернули и которую я назову улицей продавцовъ мелочей и книгъ, вслѣдствіе занятія ея жителей, есть одна изъ тѣхъ, передвиженіе по которымъ наиболѣе трудно. На каждомъ шагу мы встрѣчали процессіи, — свадьбы, похороны, толпу, окружающую то фокусниковъ, то гадателей, докторовъ или продавцовъ по дешевымъ цѣнамъ

Дома въ одинъ этажъ всѣ наполнены магазинами съ заднимъ помѣщеніемъ для жилья. Въ нихъ виднѣются книги, разложенныя на полкахъ, или на землѣ,

эстампы, висящіе на потолкѣ, картины, географическія карты въ сверткахъ, каррикатуры и афиши, наклеенныя на вывѣски.

Въ этихъ лавкахъ продаютъ и даютъ читать журналы, между прочимъ Пекинскую Газету—въ нѣкоторыхъ на почетныхъ мѣстахъ лежатъ старыя раскрашенныя книги, или картины на древесныхъ листьяхъ. Эти картины, всегда дорогія, получаютъ такимъ образомъ: изъ листьевъ удаляютъ всё мясистыя части, послѣ чего покрываютъ ихъ составомъ изъ мелкаго талька и когда все высохнетъ и сдѣлается плотнымъ, на листьяхъ оказываются очень красивыя, раскрашенныя рисунки.

Въ лавкахъ продавцовъ мелочей выставлены разныя стеклянныя вещи, мелкія драгоценности, пуговицы, булавки, браслеты и всевозможные дешевые предметы, покупаемые народомъ.

Но что это за шумная музыка? Эта смѣсь флейтъ, барабановъ, тамтамовъ и струнныхъ инструментовъ есть музыка, сопровождающая похороны одного изъ богатыхъ торговцевъ квартала. Вотъ его дверь, передъ которой администрація похоронныхъ процессій (такая существуетъ въ Пекинѣ) устроила триумфальную арку. Семейство его помѣстило музыкантовъ у дверей, что бы дать знать о своемъ горѣ, терзая уши прохожихъ. Мы ускоряемъ шаги, чтобы не быть задержанными среди безконечнаго похороннаго кортежа.

Самый лучшій день въ жизни китайца—это день его смерти: онъ откладываетъ, онъ отказываетъ себѣ

во всякихъ удовольствіяхъ, работаетъ безъ отдыха и все для того, чтобы имѣть хорошія похороны.

Нѣтъ, намъ никогда не выйти изъ этой проклятой улицы! Вотъ снова толпа преграждаетъ намъ путь: наклеиваютъ какія-то афиши у дверей начальника полиціи. Ихъ читаютъ вслухъ, ихъ декламируютъ, тогда какъ тысячи комментаріевъ, болѣе сатирическихъ и болѣе безжалостныхъ, чѣмъ текстъ, раздаются среди взрывовъ смѣха.

Что сдѣлалъ этотъ несчастный, чтобы вызвать народное мщеніе? Эта свобода насмѣшки и каррикатуры, примѣняемыхъ къ мандаринамъ и представителямъ власти, есть одна изъ оригинальныхъ сторонъ китайскихъ нравовъ. Въ этой странѣ, гдѣ всякій правитель такъ легко располагаетъ жизнью управляемыхъ имъ, подъ предлогомъ измѣны, или оскорбленія величества, онъ самъ не въ состояніи спастись отъ народной насмѣшки, которая преслѣдуетъ его даже въ домѣ, въ его привычкахъ, въ костюмѣ, въ нравахъ.

Въ Китаѣ всякій свободенъ печатать и писать, что угодно; у многихъ есть дома ручные прессы, которыми они не преминутъ воспользоваться, когда сердиты на какогонибудь человѣка. Улицы буквально устѣяны афишами, рекламами, философскими изрѣченіями. Какомунибудь поэту приснились ночью фантастическія строфы, онъ скорѣй печатаетъ ихъ крупными буквами на синей, или красной бумагѣ и выставляетъ у себя на дверяхъ. Остроумное средство обходиться безъ издателей. Такимъ образомъ, можно сказать, что бібліотека помѣщается на улицахъ: не

только фасады, суды, пагоды, храмы, вывѣски домовыхъ дверей, внутренность жилищъ и корридоры наполнены всевозможными правилами, но даже чашки для чая, тарелки, вазы, вѣера, все служитъ сборниками поэзи. Въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ, гдѣ не достаетъ предметовъ самой первой необходимости, вы, навѣрно, найдете афиши.

Во ожиданіи толпа все увеличивалась. Наши тингъ-чай говорили, что мы можемъ пройти въ большую аллею по крытому пассажу, который шелъ отъ насъ направо и походилъ на открытое отверстіе птичника. Намъ любопытно было посмотрѣть, что такое пекинскій пассажъ; мы сошли съ лошадей, приказавъ слугамъ привести ихъ намъ съ другой стороны къ выходу.

Этотъ пассажъ, предназначенный для торговли старьемъ, или Ку-тунгъ — какъ называютъ его китайцы — то есть просто темный переулокъ, въ которомъ съ трудомъ могутъ пройти двое въ рядъ, покрытъ сверху плохими досками, полъ земляной, онъ плохо освѣщенъ, среди дня, коптящими лампами; въ немъ пять или шесть сотъ шаговъ въ длину, на сколько я могла счесть и если нетерпѣніе выйти скорѣе не заставило меня считать вдвое.

Въ этомъ корридорѣ помѣщаются уже не лавки, а какія-то безформенныя кучи старыхъ досокъ, приткнутыхъ какъ попало одна къ другой и поддерживаемыхъ кучами товаровъ всевозможныхъ сортовъ: вазами, фарфоромъ, бронзой, оружіемъ, старымъ платьемъ, трубками, различными инструментами, шапками, мѣ-

хами, сапогами, принадлежностями рыбной ловли и охоты; всевозможные предметы безъ названія, потерявшіе всякую форму, собраны здѣсь. Невозможно понять, гдѣ можетъ быть самъ владѣлецъ лавки, но если вы станете внимательно всматриваться въ какойнибудь товаръ, вы увидите бритую голову и лысый лобъ, выставляющійся изъ всей этой дряни. Но, какъ кажется, среди этого старья есть вещи большой цѣнности. Вотъ любитель—антикварій съ носомъ, вооруженнымъ громадными очками, разсматривающій съ видомъ знатока, съ характеристической гримасой, старый фарфоръ и бронзу. Говорятъ, будто продавцы древностей здѣсь такъ ловки, что ихъ европейскіе собратья умерли-бы отъ зависти; при помощи красноватой глины, которую они подвергаютъ различнымъ измѣненіямъ и зарываютъ въ землю на нѣсколько мѣсяцевъ, они получаютъ замѣчательныя поддѣлки стараго фарфора династїи Юеновъ, столь дорого цѣнимаго любителями. Поддѣлки на столько хороши, что знатоки бываютъ обмануты.

Въ Китаѣ, какъ и вездѣ, магазины древностей имѣютъ привилегію величайшей грязи; еслибы этого не было, то, безъ сомнѣнія, покупатели не вѣрили-бы въ древность вещей. Но, говоря о китайской грязи, вы не можете составить себѣ понятія, что это такое и я не беру на себя описать ее. Достаточно сказать, что въ пассажѣ, гдѣ мы были, почва состояла изъ какой-то каши всевозможныхъ остатковъ, что доски, кровли и лавки бѣли покрыты зловонной сыростью, что женщины и дѣти въ лохмотьяхъ лежали во всѣхъ

углажь и что отъ всего этого шель отвратительный, невыносимый запахъ, который, къ счастью для насъ, нѣсколько смѣшивался съ тоже далеко неприятнымъ запахомъ лампъ съ касторовымъ масломъ.

Можно себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ мы вышли на свѣжій воздухъ и вернулись въ свое удобное помѣщеніе въ Дзингъ-Кунгъ-Фу.

Въ китайской части города, на южномъ концѣ, помѣщаются два китайскіе храма, знаменитые на столько-же своей архитектурой, какъ и связанными съ ними историческими воспоминаніями—это храмы Неба и Земледѣлія. Они помѣщаются въ центрѣ обширнаго парка, который представляетъ одну изъ лучшихъ городскихъ прогулокъ. Вотъ что говоритъ де-Тревъ, прогуливающийся обыкновенно въ этомъ паркѣ, входъ въ который запрещенъ публикѣ:

«Надо сознаться, что какъ человѣкъ ни привыкнетъ въ Китаѣ къ нравамъ его жителей, все-таки центральная аллея Китайскаго города представляетъ самое оживленное и шумное зрѣлище, какое только можно видѣть въ какой либо странѣ свѣта.

«Широкое шоссе покрыто балаганами всевозможныхъ величинъ формъ и цвѣтовъ. Это какая-то постоянная ярмарка, но съ тѣмъ специальнымъ характеромъ, что всѣми мастерствами занимаются странствующие артисты, приносящіе съ собою орудія своей профессіи и испускающіе каждый свой особый крикъ. Я помню, что видѣлъ заразъ странствующихъ кузнеца, цирюльника и ресторатора. Каждый занимался своимъ дѣломъ, окруженный принадлежностями своего реме-

сла въ одномъ и томъ-же уголкѣ улицы. Кузнецъ, стоя передъ наковальней, ногами приводилъ въ движеніе мѣхъ и такъ какъ у него не было щипцовъ, то онъ держалъ раскаленное желѣзо лѣвой рукой, обернутой въ кусокъ кожи, тогда какъ правой рукой билъ молотомъ и такимъ образомъ заразъ дѣйствовалъ всѣми членами.

«Передъ цирюльникомъ стоялъ столъ, сзади котораго, на деревянномъ табуретѣ помѣщался тяжелый мѣдный тазъ, привѣшенный на трехъ веревкахъ. На одной изъ этихъ веревокъ висѣлъ маленькій тамтамъ, дававшій знать своимъ постояннымъ звономъ о присутствіи ховяина. Онъ переносить всѣ эти предметы, сгибаясь подъ тяжестью багажа и когда ему встрѣчается желающій выбрать голову, въ одно мгновеніе столъ устанавливается въ двухъ шагахъ отъ кузнеца, онъ сажаетъ пациента на табуретъ, лицомъ къ печкѣ, изъ которой летятъ искры, владеть его голову къ себѣ на колѣни, обмотавъ его косою себѣ рукою и намочивъ ему голову теплой водой, третъ ее просто рукою, вмѣсто мыла, чтобы сдѣлать кожу мягче, наконецъ вынимаетъ изъ за пояса бритву, изъ неполированного желѣза; похожую на саблю по размѣрамъ и по формѣ, и начинаетъ операцію.

«Рядомъ съ цирюльникомъ помѣстился странствующій рестораторъ, не заботясь о сосѣдствѣ, столъ неудобномъ для чистоты его кухни, которую онъ носитъ вмѣстѣ съ мѣшкомъ съ провизіей, на бамбуковой палкѣ, перекинувъ черезъ плечо. Онъ растапливаетъ печь и торжественно заявляетъ, что сейчасъ предло-

жить публикѣ чудный чай, дающій долгую жизнь, священное жаркое, внушающее мудрость, водку, придающую мужество слабымъ сердцамъ, маленькихъ рыбъ и пирожки, жаренные на жиру — все за необычайно дешевую цѣну, двадцать сапековъ съ покупателя.

«Немного далѣе обоняніе неприятно поражается со-держимымъ двухъ громадныхъ корзинъ, несомыхъ на спинѣ двоими. Они вываливаютъ содержимое этихъ маленькихъ соломенныхъ домиковъ во всѣ ненаселенные пункты города. Эти люди звонятъ, чтобы дать знать о своемъ приближеніи. Они исполняютъ свои обязанности даромъ, такъ какъ этого рода удобреніе весьма цѣнится для земледѣлія.

«Толпа слѣпыхъ нищихъ, въ болѣе чѣмъ легкихъ костюмахъ, такъ какъ они забыли надѣть панталоны, проходить держась за руку; дѣти играютъ. Одинъ изъ нихъ, надѣвъ на носъ громадные бумажные очки, представляетъ безжалостнаго закладчика. Онъ презрительно осматриваетъ вещи подаваемые ему товарищами, предлагаетъ низкія цѣны и торгуется, какъ старый купецъ.

«Носильщики воды испускаютъ рѣзкіе крики, одной рукой поддерживая равновѣсіе ведеръ, надѣтыхъ на коромысло, другой обмахиваются вѣеромъ.

«Молотокъ кузнеца стучитъ, тамтамъ цирюльника не замолкаетъ; жиръ трещитъ на печкѣ ресторатора, нищіе гнусятъ, дѣти весело смѣются, толпа толкается. Подъ тѣнью дерева устроился народный ораторъ; вставъ на большой камень, онъ говоритъ прохожимъ рѣчи съ вышины этой импровизованной трибуны—это

неудачный ученый, который никогда не могъ добиться первыхъ степеней и въ то же время, не зная никакого ремесла, зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба, говоря стихи и изрѣченія мудрецовъ прошлыхъ временъ. Чу-шу-ти, или общественный чтець, имѣетъ привилегію собирать вокругъ себя толпу, такъ какъ китайцы, даже самыхъ низшихъ классовъ, питаютъ страсть къ литературѣ и охотно бросаютъ грубыя развлеченія, чтобы слушать чтеніе наиболѣе интересныхъ и драматическихъ мѣстъ изъ своей народной исторіи. По выраженію физиономій, по живѣйшему одобренію понятенъ интересъ, который народъ придаетъ этимъ историческимъ рассказамъ

«Чу-шу-ти останавливается, когда устанетъ и пользуется этими антрактами, чтобы сдѣлать сборъ, который онъ, для возбужденія щедрости слушателей, сопровождаетъ комментаріями о милосердіи и скромныхъ добродѣтеляхъ, такъ же какъ и порокахъ и недостаткахъ сильныхъ міра сего, притѣсняющихъ народъ.

«Эти клубы на открытомъ воздухѣ существуютъ въ Китаѣ повсюду и настолько вошли въ нравы, что полиція не думаетъ мѣшать имъ — это всего болѣе странно въ странѣ, гдѣ деспотизмъ пустилъ такіе глубокіе корни.

«Но центральная аллея такъ оживлена не на всемъ своемъ протяженіи: перейдя перекрестокъ, образуемый ею съ аллею Ша-куа, дома становятся рѣже и толпа меньше. Тамъ, гдѣ кончается послѣднее строеніе, есть висячій мостъ, переброшенный на извѣстной вышинѣ

и сообщающій между собою двѣ параллельныя улицы. Этотъ мостъ крѣпко построенъ изъ камня и дерева.

«Я сошелъ съ лошади и вошелъ по одной изъ двухъ лѣстницъ, ведущихъ на вершину моста, чтобы насладиться зрѣлищемъ перспективы центральной аллеи, которую онъ дѣлитъ приблизительно на двѣ равныя части. Первая, доходящая до воротъ Тьень, та, по которой я уже прошелъ есть наиболѣе многолюдный центръ китайскаго города и другая, проходящая между оградами храма Неба и Земледѣлія и кончающаяся на южной сторонѣ укрѣпленія, близъ воротъ Юнгъ-тингъ. Она почти необходима, или если и есть нѣсколько домовъ, то по обѣ стороны разстилаются обработанныя поля.

«Съ вершины этого моста, изъ-за высокихъ деревьевъ парка, видны круглыя куполы двухъ храмовъ, а направо и налево громадныя долины, засѣяныя мансомъ и хлѣбомъ; домики крестьянъ, вершины пагоды и минареты мусульманскаго кладбища нѣсколько нарушаютъ монотонность вида, ограничивавшаго, какъ темной завѣсой, высокими городскими стѣнами.

«У подножія моста устроился со своими атрибутами артистъ новаго рода — гадатель; онъ сидѣлъ передъ столомъ, на двухъ концахъ котораго стояли зажженные фонари, хотя это было среди бѣлаго дня, и я не могу объяснить причины этого освѣщенія, такъ какъ онъ самъ не зналъ ее, но таково обыкновеніе, какъ онъ меня увѣрялъ.

«Какъ кажется, въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, бѣднякъ имѣлъ немного кліентовъ, поэтому я рѣшился

просить его предсказать мнѣ мою судьбу. Мое довѣріе доставило ему большое удовольствіе, глаза его оживились, сгорбленная фигура выпрямилась, онъ щелкнулъ пальцами, откинулъ косу назадъ и вся его особа, хотя на немъ былъ самый обыкновенный костюмъ, приняла магическій видъ. Онъ схватилъ нѣсколько мелкихъ мѣдныхъ монетъ, положилъ ихъ въ чашку, съ многозначительнымъ видомъ поднялъ ее къ верху, поболталъ въ ней монеты и выбросилъ на столъ. Глядя на нихъ, онъ бормоталъ кабалистическія слова и четыре раза повторилъ операцію, затѣмъ вынулъ изъ мѣшка четыре деревянныхъ кубика, похожихъ на шашки съ вырѣзанными на нихъ точками и разставилъ ихъ на квадратахъ, нарисованныхъ мѣломъ на столѣ. Въ этихъ квадратахъ были рисунки, которые, на сколько я могъ угадать, имѣли претензію представлять различныя событія жизни. Мѣдныя монеты опредѣляютъ какъ слѣдуетъ разставить кости!

«Приваюсь, что какъ ни долженъ я былъ быть взволнованъ ожиданіемъ узнать свою судьбу, тѣмъ не менѣе, я находилъ всю эту процедуру немного длинной, сунулъ гадателю въ руку тазъ (небольшую серебрянную монету) и хотѣлъ удалиться, но я не считалъ на моего колдуна, который, въ благодарность за мою щедрость, преслѣдовалъ меня, предсказывая всевозможные успѣхи и благополучіе, которые постарался согласовать съ моими предполагаемыми вкусами. Въ ту минуту, когда я проѣзжалъ подъ мостомъ, сверху парапета онъ объявлялъ, что я буду обладателемъ всего свѣта:—я достаточно получилъ за свои деньги!

«Нѣсколько минутъ спустя я пріѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ по обѣ стороны центральной аллеи помѣщаются храмы Неба и Земледѣлія, первый—на лѣво, второй—на право. Мнѣ не пришлось объѣзжать ихъ кругомъ, чтобы доѣхать до воротъ, такъ какъ рвы у ограды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наполнены монгольскимъ пескомъ, который собираетъ здѣсь западный вѣтеръ, а моя лошадь привыкла перескакивать черезъ стѣны, тѣмъ болѣе, что вершина этой стѣны поднималась всего на нѣсколько футовъ выше нанесеннаго холма песку.

«Я очутился въ паркѣ храма Неба, въ который запрещено входить кому бы то ни было, но гдѣ принцъ Конгъ дозволилъ намъ прогуливаться. Есть что-то трогательное и глубоко печальное въ этомъ одиночествѣ, въ отсутствіи всякаго шума и движенія, вдругъ смѣняющаго городской шумъ.

Паркъ перерѣзанъ прямыми аллеями, мощенными камнемъ и окруженными роскошными столѣтними деревьями. Эти деревья расположены большими четырехугольниками, правильно перерѣзанными аллеями одинаковой ширины. Между деревьями нѣтъ ни кустовъ, ни цвѣтовъ, ни даже травы. Почва покрыта густымъ слоемъ пожелтѣвшихъ листьевъ и колючекъ. Слышенъ только свистъ вѣтра между деревьями. Храмъ Неба круглый, съ двумя крышами, имѣющими видъ двухъ большихъ китайскихъ шляпъ: это наиболѣе употребляемая форма при строеніи храмовъ. Но это зданіе необычайныхъ размѣровъ; оно имѣетъ по меньшей мѣрѣ 500 метровъ въ окружности. Черепицы крыши,

выкрашенные въ голубой цвѣтъ, расположены какъ чешуя ящерицы. Густой, черноватый мохъ частью покрываетъ поверхность верхней крыши, — другая менѣе испорчена.

«Промежутки между двухъ крышъ сдѣланы изъ свѣтло-голубыхъ изразцовъ, украшенныхъ яркими рисунками. Четыре выточенныхъ изъ дерева герба образуютъ богатые украшенія, на которыхъ сдѣланы золотыя надписи и нарисованы императорскіе драконы. Они помѣщаются на четырехъ углахъ напротивъ большихъ лѣстницъ.

«Нижняя часть зданія состоитъ изъ лакированной деревянной панели, по которой проведены красныя жилки и вдѣланы медальоны изъ голубой эмали, устланные золотыми звѣздами. Масса золоченной мѣди, имѣющая форму громаднаго пера, украшаетъ зданіе.

«Внутри храма нѣтъ никакой скульптуры, но взглядъ пораженъ изяществомъ тоновъ яркихъ цвѣтовъ, составляющихъ гармоническій ансамбль, о которомъ невозможно составить себѣ понятія изъ устнаго описанія. Объ этомъ зданіи можно сказать, какъ о нѣкоторыхъ картинахъ: — рисунка нѣтъ, но цвѣта великолѣпны.

«Внутренность храма, въ которой проникаешь четырьмя высокими двустворчатыми дверями, совершенно опустошена; въ ней есть статуи боговъ гигантскихъ размѣровъ, но личинки насѣкомыхъ, живущихъ въ деревѣ, проточили эти божества и если до нихъ дотронуться, то они превращаются въ пыль. Верхняя часть, между крышами, выдающаяся наружу, покрыта металлической сѣткой, по словамъ сторожа, для того,

чтобы ласточки не могли вить гнѣздъ. Но надо полагать, судя по порчѣ остальныхъ частей зданія, что эти мѣры съ цѣлью сохраненія были приняты очень давно.

«Форма храма Неба не граціозна, тяжела и какъ будто подавлена, но высокая терраса, на которой онъ помѣщается и которая почти удваиваетъ его вышину, множество окружающихъ его мраморныхъ балконовъ, четыре, ведущія въ него, великолѣпныя лѣстницы, придаютъ ему величественный, грандіозный видъ.

«Я насчиталъ двадцать двѣ ступени въ мраморной, или лучше сказать, сдѣланной изъ естественнаго алебастра лѣстницѣ. Идущія по срединѣ перила раздѣляютъ лѣстницу на двѣ части; большая бронзовая курильница на пьедесталѣ стоитъ у подножія каждой изъ четырехъ лѣстницъ.

«Архитектура балконовъ очень красива; они идутъ тремя рядами, поддерживаемые невысокими пилоастрами, на которыхъ вырѣзаны головы животныхъ.

«Ограда храма Земледѣлія гораздо менѣе широка, хотя такъ же высока, какъ ограда храма Неба. Расположеніе парка такое же, но паркъ болѣе опустошенъ: многія деревья упали отъ старости, оставивъ вмѣсто себя большія лужайки. Все указываетъ, что это зданіе еще древнѣе. Главный храмъ менѣе красивъ, чѣмъ описанный мною, но окруженъ лабиринтомъ балконовъ и такимъ же лабиринтомъ лѣстницъ, на которыхъ возвышаются монолиты странной формы, что придаетъ всему зданію странный и единственный въ мірѣ видъ.

«На всемъ этомъ мраморѣ рельефно изображены морскія волны, цвѣты, хлѣбныя поля, птицы и всевозможныя чудовища, какихъ только могла изобрѣсти китайская фантазія.

«Это зданіе украшено и отдѣлано въ томъ же вкусѣ какъ и храмъ Неба и отличается отъ него только именно громадными размѣрами и тремя послѣдовательными крышами. Живопись такъ же богата и лучше сохранилась; въ общемъ эмаль, фарфоръ и лакъ лучше содержались, что можно приписать празднику земледѣлія, который празднуется каждый годъ еще до сихъ поръ. Почва кажется болѣе сырой и менѣе песчаной; не смотря на всѣ старанія сторожей мохъ и паразитныя растенія густымъ ковромъ покрываютъ лѣстницы и аллеи. Эти добрые люди собираютъ со старыхъ камней обильный сборъ прекрасныхъ грибовъ, которые продаютъ въ городѣ—это, вмѣстѣ съ квартирой и дровами, самая лучшая часть ихъ содержанія.

«Въ оградѣ храма Земледѣлія находится еще много другихъ построекъ, кромѣ того—поле, на которомъ каждый годъ императоръ и принцы его семейства, во время первыхъ весеннихъ работъ, являются собственными руками обрабатывать пространство земли, предписываемое религіозными обрядами.

«Одна изъ аллей ведетъ къ оставленнымъ зданіямъ, окруженнымъ большимъ дворомъ, среди котораго помѣщается маленькая башенка въ 10 метровъ вышины.

«Прежніе императоры, поднимаясь на террасу этого зданія, приносили въ жертву небесному творцу овецъ

и съ перерѣзаннымъ горломъ бросали ихъ на дворъ, гдѣ прорицатели осматривали ихъ теплыя внутренности. Но уже давно, какъ эти кровавыя жертвы оставлены, хотя на дворѣ еще валяются скелеты и прахъ жертвъ.

«День приходилъ къ вечеру и громадныя стаи воронъ—предки которыхъ, безъ сомнѣнія, питались остатками жертвъ, а потомки сохранили привычку жить въ этой мѣстности—съ кромкимъ карканьемъ покрыли собою карнизы зданій. Луна, поднимавшаяся на горизонтѣ, освѣщала фантастическимъ свѣтомъ бѣлые мраморныя портики, окруженные, точно черной короной, плотнымъ рядомъ воронъ.

«Пора было возвращаться; я по опыту зналъ, что въ Пекинѣ неудобно путешествовать послѣ захода солнца и погналъ лошадь, впереди которой бѣжалъ мой китаецъ—слуга съ фонаремъ въ рукахъ

«Центральная аллея представляла зрѣлище совсѣмъ отличное отъ того, при которомъ я присутствовалъ нѣсколько часовъ тому назадъ: мнѣ попалось всего нѣсколько запоздалыхъ и молчаливыхъ путниковъ, спѣшившихъ скорѣе вернуться домой и цѣлыя кучи бродячихъ собакъ, искавшихъ остатковъ пищи въ кучахъ нечистотъ. Полиція запрещаетъ ночныя сборища, которыя къ тому же не въ народныхъ чравахъ: черезъ два часа послѣ наступленія темноты, всѣ жители уже спятъ и здѣсь неизвѣстны ни балы, ни концерты, ни ужины. Суды, торговля, финансовыя операціи, серьезныя дѣла—все это производится рано утромъ, къ полудню все уже кончено и остальная часть дня до вече-

ра, посвящается удовольствіямъ. Въ тѣ-же часы, когда въ европейскихъ городахъ замѣтно наибольшее движеніе, въ Китаѣ царствуетъ глубочайшая тишина: всѣ вернулись домой, лавки заперты, странствующіе актеры, общественные чтецы кончили свои сеансы, театры—свои представленія. Всѣ переулки, выходящіе на центральную аллею, были уже заперты рѣшетчатыми воротами, которыя сторожить ти-па-о. Если желаешь войти или выйти, нужно съ нимъ переговариваться и объяснить ему почему находишься внѣ дома въ этотъ неположенный часъ, впрочемъ, нѣсколько сапековъ благодарности самое лучшее объясненіе. Каждая улица поручается присмотру одного такого полицейскаго, который отвѣтственъ за все, что въ ней происходитъ, поэтому въ Пекинѣ почти никогда не слышно о воровствѣ со взломомъ и еще менѣе о нападеніи вооруженной рукой, а, между тѣмъ, существуетъ большое количество удивительно ловкихъ воровъ.

«На каждомъ шагу я встрѣчаю ночныхъ сторожей они прохаживаются, ударяя въ деревянный цилиндръ, и какъ только слышатъ шумъ, или видятъ что нибудь подозрительное, сейчасъ учащаютъ удары, что значитъ для воровъ или другихъ преступниковъ: «Я здѣсь—спасайтесь! Можете придти поздне». Къ тому же, чтобы ихъ видно были издали, они носятъ на поясѣ зажженный фонарь.

«Пекинъ, правда, не освѣщается, но китайцы имѣютъ особенную страсть къ фонарямъ: безъ нихъ не обходятся въ самую лунную ночь. Носильщики, нищіе, по-

лицейскіе, всѣ носятъ фонари, даже у дѣтей есть маленькіе фонарики.

«Войдя въ Монгольскій городъ, я встрѣтилъ ночной обходъ; передъ командовавшимъ имъ офицеромъ несли громадный фонарь, на которомъ было написано его имя и титулъ. У каждаго изъ солдатъ патруля были тоже маленькіе фонарики въ формѣ рыбъ, птицъ, лошадей. Всѣ эти фонари, колебавшіеся въ темнотѣ и освѣщавшіе только ноги полицейскихъ солдатъ, туловище и головы которыхъ оставались во мракѣ, производили странное впечатлѣніе. Къ несчастію, это живописное зрѣлище было прервано страшнымъ шумомъ, заставившимъ меня пустить лошадь въ галопъ.

«Сторожа каждой поперечной улицы, чтобы дать знать патрулю, что они бодрствуютъ, встрѣчаютъ его проходъ громкими ударами своихъ трещетокъ, въ отвѣтъ на что солдаты патруля всѣ вмѣстѣ приводятъ въ движеніе звонки, привязанные каждому къ рукѣ. Весь этотъ шумъ крайне непріятенъ, пока ухо не привыкнетъ къ нему, и я обязанъ ему многими бессонными ночами въ первое время моего пребыванія въ Тьенъ-Дзинѣ.

«Какъ только я вернулся въ посольство и въ моей комнатѣ зажгли огонь, я сейчасъ же замѣтилъ нашихъ двухъ храбрыхъ ночныхъ сторожей, какіе существуютъ въ каждомъ большомъ домѣ въ Пекинѣ, которые сейчасъ же прибѣгаютъ, какъ только увѣрены, что могутъ передъ каждымъ показать свое усердіе. Я смѣялся самъ съ собою, видя съ какими ужасными жестами одинъ изъ нихъ махалъ руками, указывая на

темные уголки сада, другой обшаривалъ ихъ своимъ желѣзнымъ трезубцемъ, какъ будто хотѣлъ проткнуть всѣхъ воровъ; если бы они увидали хоть одного, то убѣжали бы. Слава Богу, что наши посольскіе сторожа, хотя и носятъ съ собою тамтамы и деревянные трещотки, — знаки ихъ достоинства — но не употребляютъ ихъ къ крайнему ихъ сожалѣнію, такъ какъ всякій ночной шумъ имъ строго запрещенъ.

ГЛАВА IX.

Обрестности Пекина.

Громадныя земляныя работы вокруг деревни Гай-Тьень.—Португальское кладбище.—Памятникъ французской арміи.—Храмъ колокола.—Пиюнь-дэ—караульная башня.—Ограда лѣтняго дворца.—Описаніе тридцати шести дворцовъ Юень-минъ-юена, какими они были до ихъ уничтоженія.—Европейскій дворецъ.—построенный иезуитами по плану Трианона.—Занятіе Юень-минъ-юена французскими войсками. — Письма генераловъ Монтобана и Гранта. — Сожженіе Юень-минъ-Юена англичанами.—Осмотръ развалинъ госпожею Бурбулонъ.—Императорское жилище и грѣбъ Же-Голь.—Драконы и мраморный мѣсть Юень-Цингъ.

Провинція Пе-ше-ли, въ которой стоитъ Пекинъ, есть самая сѣверная провинція собственно Китая. Она раздѣляется на девять департаментовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой главный городъ; мы уже имѣли случай видѣть тотъ, гдѣ главный городъ Тьень-Дзинъ. Пекинскій департаментъ, окруженный съ сѣверо-запада цѣпью невысокихъ горъ, отдѣляющихъ его отъ департамента Суан-гуа-фу, покрытъ песча-

ными долинами, орошаемыми рѣками Пей-го и Венъ-го, берега которыхъ единственные плодородныя мѣста. Но если природа отказала въ своихъ дарахъ окрестностямъ Пекина, то человѣческое искусство и трудъ совершенно измѣнили ихъ наружность. Орошеніе, привозъ плодородной земли, обиліе удобренія образовали искусственную почву.

Въ окрестностяхъ деревни Гай-тьенъ императоры, перевернувъ всю почву, устроили живописный пейзажъ среди обнаженной и бесплодной долины: холмы, роскошныя деревья, озера, каскады, всевозможныя созданія искусства съ успѣхомъ замѣнили здѣсь природу.

Эти громадныя земляныя работы простираются болѣе чѣмъ на сорокъ километровъ къ сѣверо-западу отъ Пекина. На сѣверъ отъ столицы находятся поля хлѣба и ржи, на югъ—громадныя ворота и рѣка, вытекающая изъ Ванъ-го, наконецъ на востокъ къ нему примыкаетъ шоссе Па-ли-Кіао, на которомъ стоитъ городъ Пангъ-Чеу, уже описанный нами.

По выходѣ изъ Пекина черезъ ворота Пинъ-дзе, вступаешь на большую сѣверо-западную дорогу, которая ведетъ къ лѣтнему дворцу. У подножія стѣны ограда, усаженная высокими деревьями, заключаетъ въ себѣ древнее португальское кладбище, гдѣ были погребены тѣла жертвъ покушенія Тонгъ-Чеу и генерала Колино. На нѣсколько километровъ далѣе попадаетъ французское кладбище, на которомъ стоитъ монументъ, посвященный памяти офицеровъ и солдатъ, умершихъ въ китайскую компанію.

Нѣтъ ничего печальнѣе вида этого кладбища; въ него входишь черезъ разрушенныя ворота, вдѣланныя въ такія же стѣны. Католическій священникъ, въ одно и тоже время кладбищенскій сторожъ и школьный учитель, живетъ въ плохой мазанкѣ, окруженной живой изгородью. За хижиной идетъ огородъ, гдѣ овощи плохо растутъ среди старыхъ, обросшихъ мохомъ, камней. За огородомъ идутъ могилы. Онѣ расположены на одинаковомъ разстояніи и всѣ устроены по одной модели, принятой нѣкогда миссіонерами.—Это ровный четырехугольникъ, украшенный полукругомъ на одномъ концѣ очень большими круглыми камнями.

Какъ мрачны эти бѣлые камни мертвенностью своихъ формъ и правильностью расположенія!

Передъ каждой могилой, на камнѣ, поставленномъ на пьедесталѣ, вырѣзана надпись. Вдали, черезъ отверстія въ стѣнахъ, виднѣются на горизонтѣ синеватая вершины горъ. На почвѣ кладбища, покрытой черноватымъ, высохшимъ отъ солнца мохомъ, нѣтъ никакой растительности кромѣ сорной травы, которая и то едва пробивается на бесплодной землѣ.

Памятникъ французской арміи, воздвигнутый стараніями капитана Бувье, стоитъ близъ входа, онъ четырехугольный, въ вышину болѣе, чѣмъ въ ширину и очень простая желѣзная рѣшетка окружаетъ его и не позволяетъ подходить. Спереди сдѣланъ императорскій орелъ, сзади двѣ перекрещенныя шпаги. На одной сторонѣ надпись: «памяти офицеровъ и солдатъ, умершихъ во время французской компаніи 1860 года»,

на другой имена жертвъ покушенія Тонгъ-Чеу и имена офицеровъ, убитыхъ врагами.

Немного далѣ видѣнъ большой камень, прямо положенный на землю. Подъ нимъ покоится тѣло лейтенанта Дама, убитого въ сраженіи при Чангъ-Кіа-Уангъ.

Печальное зрѣлище представляетъ это кладбище, гдѣ покоятся, за четыре тысячи миль отъ родины, нѣсколько славныхъ дѣтей Франціи! Ни малѣйшій шумъ не напоминаетъ родной страны и гнусливые голоса китайскихъ учениковъ, повторяющихъ уроки, одни прерываютъ мрачное молчаніе.

Французское кладбище расположено на сѣверо-западѣ въ 8 километрахъ отъ Пекина; далѣ, по направленію къ деревнѣ Га-Тьенъ направо помѣщается знаменитый храмъ Колокола. Религіозная архитектура китайцевъ ни въ чемъ не походитъ на нашу: какъ мы стараемся согласовать величественную таинственность, которою окружаются наши священныя церемоніи съ общимъ видомъ зданій, предназначаемыхъ для сосредоточенія и молитвы, стараемся олицетворить божественное величіе грандіозными церквями, немного мрачными и печальными, такъ напротивъ благочестіе буддистовъ гораздо менѣе требовательно и довольствуется зданіями совершенно сходными съ частными домами. Точно такъ же, когда китайцы хотятъ воздвигнуть храмъ, они выбираютъ мѣстность веселую и живописную, съ чистой водой, высокими деревьями и обильной растительностью; они роютъ пруды и

ручьи, проводятъ множество извивающихся аллей, которыя усаживаютъ кустами и цвѣтами.

По этимъ то свѣжимъ и благоухающимъ аллеямъ доходившимъ до нѣсколькихъ зданій, окруженныхъ галлерейми, колонны которыхъ покрыты вьющимися растеніями, можно скорѣе думать, что находишься въ лѣтнемъ увеселительномъ жилищѣ, чѣмъ въ святилицѣ божества. Таковъ храмъ Колокола, гдѣ сквозь высокія деревья мелькаютъ пагоды, кіоски, всевозможныя строенія, соединеніе которыхъ образуетъ этотъ большой монастырь бонзъ, который не имѣетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ громаднаго колокола, вылитаго четыре вѣка тому назадъ, въ правленіе императора Юнгъ-Ло и помѣщеннаго на крѣпкихъ деревянныхъ столбахъ во дворѣ, предшествующемъ главному храму. Этотъ колоколь, не имѣющій формы европейскаго, такъ какъ болѣе вытянутъ и имѣетъ почти цилиндрическую форму, весь вылитъ изъ чистой бронзы, безъ всякой примѣси и имѣетъ около пяти метровъ въ вышину, три метра въ діаметрѣ и 8 сантиметровъ толщины. Онъ вѣситъ 60.000 килограммъ и покрытъ разнообразной чеканкой и болѣе чѣмъ 35.000 буквъ на старинномъ китайскомъ и манджурскомъ языкахъ, сдѣланныхъ выпукло и замѣчательно хорошо.

Такъ какъ колоколь неподвиженъ и безъ языка то по нему келотятъ деревянными бревнами, движимыми веревками, что, не смотря на чистоту металла, производитъ глухой звукъ, съ продолжительными и нечистыми вибраціями.

Недалеко отъ Лѣтняго дворца находится караульная башня, построенная на горѣ. Она командуетъ всѣми окрестностями и издалека видѣнь ея седьмой этажъ и крыша съ остроконечными краями. Еще подальше, среди обширнаго амфитеатра высокихъ холмовъ, возвышается храмъ Пи-Юнь-Дзе.

Аллея, ведущая къ священному зданію, болѣе километра длины, съ обѣихъ сторонъ, обсажена елями, растущими на равномъ разстояніи, на которыхъ живутъ бѣлки и фазаны.

Архитектура храма довольно грандіозная; онъ помѣщается у подножія возвышенности и окруженъ галереями и террасами, которыя все суживаются къ вершинѣ; такимъ образомъ онъ поднимается мало по малу своей тысячью залъ и тысячью корридоровъ.

Широкое шоссе, вымощенное гранитомъ и ведущее къ Лѣтнему дворцу, проходитъ мимо деревни Гатъевъ, окружающей холмъ, покрытый садами и прекрасными зданіями, принадлежащими придворнымъ мандаринамъ.

Большое, четырехугольное озеро, черезъ которое перекинуть мостъ въ двадцать арокъ, расположено передъ входомъ во дворецъ, монументальныя ворота котораго украшены гигантскими статуями львовъ съ обезьяньими мордами.

Высокія стѣны ограды императорскаго жилища построены изъ гранита и окружены глубокими рвами. На лѣво отъ озера идетъ вторая, мощеная плитами, дорога, которая ведетъ къ другой деревнѣ, занятой

дворцовой прислугой, на что указываютъ крыши, окрашенныя въ желтый цвѣтъ.

Два большіе пруда, отдѣляемые другъ отъ друга узкимъ шоссе, образуютъ резервуаръ всѣхъ водъ императорскаго парка. На берегахъ перваго стоитъ прекрасный кіоскъ изъ золоченнаго металла. Черезъ одинъ прудъ перекинутъ каменный рѣзной мостъ, на которомъ большая бронзовая статуя представляетъ лежащаго быка; посрединѣ втораго стоитъ островъ съ пагодою въ одиннадцать этажей.

На сѣверо-западѣ видны горы со сторожевой башней и храмомъ Пи-Юнь-Дзе.

Весь этотъ пейзажъ, хотя и искусственный, очень красивъ. Земля выкопанная изъ подъ прудовъ, образовала высокіе скалистые холмы, разбросанные тамъ и сямъ среди зеленѣющихъ долинъ.

Прежде чѣмъ предпринять описаніе событій, которыя привели союзныя войска въ ограду Лѣтнаго дворца, мы считаемъ полезнымъ дать точное описаніе этого роскошнаго жилища, каково оно было до пожара, почти совершенно его уничтожившаго. Мы почерпнули эти подробности изъ легендъ, сопровождающихъ китайскія картинки, изданныя на счетъ Вавъ-Браама, начальника городской факторіи въ Кантонѣ въ 1790 году. Кабинетъ эстамповъ при императорской бібліотекѣ имѣетъ также очень красивыя картины тридцати шести дворцовъ Юень-Минъ-Юена, но онѣ сопровождаются описаніемъ, написаннымъ шрифтомъ Дзао-дзе, который приписываютъ императору Іень-Гон-

ту; китайскіе ученые съ трудомъ понимаютъ дза-о-дзе, почти не переводимый для европейцевъ.

Дворецъ Юенъ-Минъ-Юенъ (лѣтній дворецъ) окруженъ оградой въ 300 м, или около 100 километровъ (такъ говоритъ французскій историкъ, но эта величина преувеличена). Говорятъ, что Лѣтній дворецъ имѣлъ не болѣе 40 километровъ въ окружности. Въ немъ тридцать шесть дворцовъ, изъ которыхъ каждый составляетъ отдѣльное жилище и кромѣ этихъ дворцовъ помѣщается множество пагодъ, кіосковъ, храмовъ.

Юенъ-Минъ-Юенъ былъ нѣкогда обширной долиной; втеченіи сорока вѣковъ каждый императоръ украшалъ это роскошное жилище, прибавляя къ нему произведенія искусства и наиболѣе богатые и разнообразныя сооруженія.

Описаніе тридцати шести дворцовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщаются, если войти черезъ главныя южныя ворота при Га-Тъень.

1) *Красный дворецъ*, весь выстроенный изъ кирпича ярко-краснаго цвѣта, кромѣ крыши, которая сѣрая; въ немъ есть пагода, съ громадными бронзовыми вазами, въ которыхъ постоянно курятся благовуханія.

2) *Дворецъ знаменъ*. Въ немъ помѣщается большая пріемная зала; онъ красный и зеленый съ золотыми крышами. На немъ возвышается большая мачта, на которой развѣваются на вышинѣ болѣе 80 футъ шелковыя вышитыя знамена. Они перевязаны золотыми связками, прикрѣпленными къ когтямъ императорскихъ драконовъ изъ массивнаго золота.

3) *Дворецъ большого моста*—громадное соединеніе зданій, расположенныхъ на берегу рѣки, черезъ которую перекинуть бѣлый, высѣченный изъ мрамора, мостъ съ рельефными украшеніями; вазы съ мозаикой украшаютъ каждый пиластръ. Въ большомъ мосту восемь арокъ, изъ которыхъ средняя самая высокая, что придаетъ ему форму свода—наиболѣе любимую китайцами.

4) *Дворецъ озера*, построенный на дорогѣ, около большого озера, которое въ этомъ мѣстѣ покрыто тростникомъ съ голубыми цвѣтами.

5) *Дворецъ Садохъ*, названный такъ отъ залруды, въ которой откармливаютъ рыбъ для императорскаго стола; вода вливается въ него четырьмя каскадами.

6) *Дворецъ мореплаванія*. Въ сараяхъ изъ раскрашеннаго и рѣзнаго дерева, прилегающихъ къ павильонамъ дворца, расположенъ маленькій потѣшный флотъ.

7) *Дворецъ острова*—на островѣ посрединѣ большого озера. Онъ зеленый съ золочеными крышами и основаніемъ изъ бѣлаго мрамора. Это жилище императора.

8) *Дворецъ тополей*—на берегу рѣки, впадающей въ большое озеро.

9) *Дворецъ размышленія* — красный съ золотыми крышами, стоитъ на обрывистой скалѣ, возвышающейся надъ водою. Сюда императоръ удаляется размышлять. Двѣ мачты съ зелеными шелковыми знаменами съ вышитыми на нихъ императорскими драконами указы-

ваютъ, что никто не смѣетъ къ нему приблизиться подѣ опасеніемъ обвиненія въ оскорбленіи величества.

10) *Бѣлый дворецъ*. Въ строеніе изъ фіолетоваго кирпича вдѣланы медальоны изъ бѣлаго фарфора; кровля и капители стѣнъ, изъ того же матеріала и такого же цвѣта.

11) *Большой императорскій дворецъ*, самый красивый изъ всѣхъ, построенъ на перешейкѣ между двумя озерами. Онъ состоитъ изъ двухъ зданій, окруженныхъ стѣнами и соединенныхъ мостомъ—первое, образующее полукругъ, содержитъ въ себѣ три павильона, предшествуемые тремя кіосками, лѣстницы которыхъ спускаются въ озеро. Средній кіоскъ весь позолоченный; шаръ, возвышающійся надъ крышей, изъ литаго золота; въ немъ восхищаются двумя оленями и двумя журавлями, сдѣланными изъ дерева болѣе чѣмъ въ натуральную величину и раскрашенными въ естественный цвѣтъ.

Правый и лѣвый кіоски имѣютъ красныя колоннады и золоченыя крыши съ голубой каймой. Три павильона съ красными и золотыми колоннами имѣютъ крыши зеленыя и золотыя. Всѣ эти зданія возвышаются надъ платформами украшенными баллюстрадами, съ которыхъ, на извѣстныхъ разстояніяхъ, спускаются лѣстницы прямо къ водѣ. Тысячи головъ животныхъ образуютъ, какъ бы скульптурную стражу вокругъ этого роскошнаго зданія, построеннаго изъ бѣлаго мрамора.

Стѣны второй ограды, до которой приходишь черезъ мраморный мостъ, покрыты инкрустаціями изъ

золотой и зеленой эмали. Въ ней заключается шесть павильоновъ съ золотыми и красными колоннадами, изъ которыхъ у двухъ крыши фиолетовыя съ желтыми полосками, у одного фиолетовая съ золотомъ, у двухъ—зеленая съ фиолетовымъ и у одного—золотая съ голубымъ.

На дворѣ стоятъ четыре громадныхъ бронзовыхъ золоченыхъ курильницы на мраморныхъ пьедесталахъ. Тутъ же растутъ камелии и магноліи въ громадныхъ бѣлыхъ мраморныхъ жардиньеркахъ.

Перспектива большого императорскаго дворца великолѣпна: видъ представляется на два озера и окружающіе ихъ высокіе холмы. Это любимое жилище императоровъ. Внутри находятся неслыханныя богатства.

12) *Дворецъ женщины* — состоитъ изъ павильоновъ, построенныхъ по правильному плану и раздѣляется на четыре части каналомъ формы креста. Туда очень трудно проникнуть, такъ какъ дворецъ окруженъ тремя оградами и столькими же рядами рововъ; тамъ-то, говорятъ, спрятаны императорскія сокровища, въ погребкахъ, которые легко затопить.

13) *Дворецъ рыбки* — построенъ въ лабиринтѣ, образуемомъ маленькой рѣчкой, дѣлающей тысячи поворотовъ.

14) *Дворецъ кедровъ* — въ немъ восхищаются массой этихъ прекрасныхъ деревьевъ.

15) *Дворецъ ивъ* — очень большой, въ немъ много обширныхъ аренъ, покрытыхъ изящными кровлями,

поддерживаемыми золотыми колоннами. Тамъ происходятъ игры въ мячъ и такъ далѣе.

16 и 17) *Дворецъ цвѣтовъ и дворецъ овощей* — построены у подножія горъ, защищающихъ ихъ отъ сѣвернаго вѣтра; вокругъ перваго въ правильныхъ четырехугольникахъ, перерѣзанныхъ грядами, растутъ цвѣты и овощи; около втораго стоятъ четыре громадные кедра—самыя высокія деревья Юенъ-Минъ-Юена.

18) *Дворецъ пустыни*—одиноко возвышается среди дикихъ скалъ.

19) *Дворецъ водяныхъ тюльпановъ* — на островѣ среди озера, покрытаго множествомъ водяныхъ бѣлыхъ и рововыхъ тюльпановъ.

20) *Зеленый дворецъ*—соединеніе павильоновъ этого цвѣта, образующихъ обширный четырехугольникъ.

21) *Дворецъ эхо* — деревянный, позолоченный, построенный на бѣломъ мраморномъ фундаментѣ, посреди пруда, соединеннаго съ землей узкой дорогой, образующей полукругъ. Видъ очаровательный; здѣсь растутъ всевозможныя деревья.

22) *Дворецъ гороховыхъ деревьевъ* — окруженъ массой этихъ деревьевъ.

23) *Дворецъ прислуги* — въ равнинѣ вдоль большой дороги, образуетъ правильный постоянный городъ, въ которомъ живетъ прислуга.

24) *Водяной дворецъ* — большой павильонъ, построенный на сваяхъ, окруженъ широкими галереями. Онъ соединенъ съ твердой землей двумя мостами, образующими лабиринтъ надъ прудомъ. Кромѣ того,

онъ соединяется съ твердой землей и другими павильонами.

25) *Дворецъ слоновой кости* — на вершинѣ одной изъ самыхъ высокихъ горъ, состоитъ изъ триумфальной арки, надъ которой возвышается пагода съ четырьмя колоннами изъ рѣзной слоновой кости и изъ крыши въ видѣ раскрашеннаго фонаря; великолѣпные кедры. Павильоны скрыты въ горѣ; во всѣхъ въ нихъ находятся большія пластинки рѣзной слоновой кости, вдѣланной въ фарфоръ. Чтобы дойти до этого дворца, надо перейти черезъ рѣку.

26) *Дворецъ плачущихъ ивъ* — на полуостровѣ, окруженномъ большимъ озеромъ и соединяется съ твердой землей только узкимъ перешейкомъ, образуемымъ горою, покрытою соснами.

27) *Дворецъ разводимыхъ деревьевъ*. — Цѣлый рядъ павильоновъ, окруженныхъ алебастровою стѣной, украшенной каменной мозаикой, представляющей гербы съ философскими изрѣченіями относительно земледѣлія.

28) *Дворецъ каскадовъ* — у подножія высокой горы, съ которой, на вышинѣ болѣе 100 футовъ, падаетъ каскадъ.

29) *Дворецъ птицъ* — стоитъ на берегахъ озера; въ немъ есть бронзовая золоченная пагода, украшенная европейскими часами для показанія времени. Золотая птица съ распущенными крыльями паритъ подъ крышей.

30) *Дворецъ вътра* — въ центрѣ большой безводной долины, построенъ изъ сѣраго порфира; въ немъ живутъ слуги.

31) *Дворецъ горы*—среди холмовъ, окруженъ высокими деревьями и съ трехъ сторонъ водою; крыша красная.

32) *Небесный дворецъ* — четырехугольникъ, окруженный стѣнками изъ красного кирпича съ позолоченной крышкой—одна изъ любимыхъ резиденцій императора. Въ него входятъ черезъ великолѣпный кедровый лѣсъ, пересѣкаемый каналомъ. При входѣ въ паркъ расположены три триумфальныя позолоченныя арки, окруженныя высокими мраморными колоннами со статуями животныхъ на верху. Этотъ дворецъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ.

33) *Золотой дворецъ* —деревянный, весь позолоченный, вокругъ него идетъ полукруглая терасса болѣе 300 шаговъ въ длину. Онъ помѣщается близъ ограды Юепъ-Минъ-Юень,

34) *Бронзовый дворецъ*—на полуостровѣ, окруженномъ, на всемъ протяженіи, перилами изъ рѣзной бронзы; колонны и фундаментъ бронзовые, прилежащія къ оградѣ.

35) *Дворецъ цвѣта весны* —Прекрасный видъ на большую центральную аллею, которая оканчивается передъ нимъ въ глубинѣ озера. Дворецъ окруженъ высокими горами; направо и налѣво обрывистыя скалы. Посреди большой аллеи, мощенной гранитными плитами, идетъ, точно длинный коверъ, рядъ мраморныхъ плитъ. Павильоны розовые, съ крышами изъ свѣтло-голубаго фарфора, окружены глубокимъ каналомъ съ каменной набережной.

36) *Европейскій дворецъ*, — самый интересный изъ

всѣхъ, былъ построенъ въ 1750 году, по модели Трианона, китайскими рабочими, подъ руководствомъ Бенуа, католическаго миссіонера. Онъ окруженъ стѣной съ четырьмя монументальными воротами. Южныя ворота или ворота Сай-юнъ съ разукрашенными колоннами. Подъ оградой протекаетъ ручей, черезъ который перекинутъ мостъ. Западныя ворота, или ворота Юеньинъ, окруженные мраморными балюстрадами съ раковинами. Дорическія колонны, покрытыя китайскими крышами. Сѣверныя ворота, покрытыя рѣзбой, представляющей деревья съ цвѣтами и сидящими на нихъ птицами и бабочками. Наверху вазы, арки, стрѣлы и всѣ принадлежности охоты. Восточныя ворота-Гайки-дзу, не представляютъ ничего особеннаго.

Европейскій дворецъ заключаетъ въ своей оградѣ:

1) Павильонъ аудіенцій, состоящій изъ трехъ строеній, соединенныхъ боковыми галлереями. Это китайская передѣлка версальскаго дворца. Тутъ помещается зала аудіенцій или тронная.

Посреди двора, у южнаго фасада, вырытъ обширный бассейнъ, украшенный дельфинами, быками и цѣлой арміей мраморныхъ львовъ, изъ которыхъ бьютъ фонтаны по всѣмъ направленіямъ. По двору, мощеному алебастромъ, разсыпаны искусственныя скалы; налѣво высокая гора, покрытая великолѣпными холмами.

Дворъ сѣвернаго фасада украшенъ громаднымъ фонтаномъ изящной формы, струя котораго поднимается до втораго этажа.

2) Павильонъ гарема, апартаменты императора и его женъ, на востокъ отъ павильона аудіенцій. Домъ

въ два этажа съ овальными окнами. Четыреугольный дворъ окруженъ высокими стѣнами и гротами съ цвѣтами и кустами.

3) Лабиринтъ, крайне необычайное строеніе, помѣщающееся въ оградѣ, окруженное стѣнами, которыя, въ свою очередь, внутри окружены глубокой рѣкой, текущей среди искусственныхъ скаль, а снаружи рядомъ высокихъ деревьевъ. Мостъ ведетъ ко входу въ лабиринтъ, который закрывается стѣною въ формѣ подковы. Надо пройти направо или налево и тогда вступишь въ настоящій лабиринтъ между стѣнъ, выше человеческого роста; для того, кто не знаетъ ключа этого страннаго зданія, надо сдѣлать множество обходовъ, часто бесплодныхъ, такъ какъ, самъ того не зная, возвращаешься на то же мѣсто, откуда ушелъ. Однако, четыре плакучихъ ивы, подстриженные въ формѣ грибовъ, могутъ служить точкой опоры. Наконецъ, въ центрѣ, возвышается кіоскъ европейской архитектуры, въ которомъ стоитъ громадная курильница и откуда видѣнъ весь ансамбль лабиринта.

4) Птичникъ или Югъ-дзе-лонгъ, это строеніе, съ перистилемъ въ четыре ряда колоннъ, прекрасное, обширное зданіе; дворъ засаженъ деревьями, подстриженными шаромъ.

5) Ванны. — Зонгъ-оге-коенъ, — очень скромный домъ, окруженный круглыми террасами, двѣри и лѣстницы бронзовыя, искусственная рѣка, при помощи колесъ, съ силою врывается въ апартаменты нижняго этажа, предназначенныя для ванны.

6) Бесѣдки, построенныя изъ артистически пере-

плетеннаго бамбука, громадныя сквозныя галлерей съ колоннадами въ формѣ полукруга, въ центрѣ три павильона, два—болѣе высокіе—по краямъ. Сюда императоръ приходитъ играть въ различныя игры и отдыхать. На дворѣ круглыя бассейны, въ которыхъ выращиваютъ роскошныя водяныя тюльпаны розоваго цвѣта, называемые динъ-фадъ—одинъ изъ самыхъ любимыхъ китайцами цвѣтковъ.

7) Дворецъ или Гу-сендъ-конгъ—большое четырехугольное зданіе съ десятью окнами по фасаду. Къ дверямъ поднимаешься по высокому крыльцу и лѣстницѣ винтомъ, съ чудесно сдѣланными, рѣзными мраморными перилами; въ центрѣ помѣщается бассейнъ съ колонной, украшенной на верху громадной раковиной. По каждой сторонѣ шесть статуй-чудовищъ, представляющихъ: сидящихъ собакъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами; пѣтуховъ въ человѣческомъ костюмѣ, барана съ саблей, орла, зайца въ костюмѣ, быка въ позѣ школьнаго учителя, обезьяну съ палкой и цѣпью, собаку съ трубкой, лошадь, волка со сверткомъ пергамента, наконецъ двухъ демоновъ съ человѣческими лицами, съ рогами, со взъерошенными усами, придающими имъ ужасный видъ. Изъ скалъ, покрытыхъ мохомъ, поднимаются громадныя вазы и прислоняются къ мраморнымъ баллюстрадамъ, что представляетъ странный контрастъ со стилемъ архитектуры этой страны—уступка, сдѣланная китайскимъ вкусомъ европейскимъ строителямъ.

8) Большой источникъ живой воды—одно изъ самыхъ интересныхъ зданій. По срединѣ большого дво-

ра, мощеннаго разноцвѣтной мозаикой, вызвышаются два тисовыхъ дерева, подстриженныхъ въ формѣ амфоръ и множество болѣе мелкихъ, изображающихъ чашки, блюдечки, тарелки.

Среди этихъ деревьевъ разбросано болѣе пятидесяти фонтановъ разной величины бьющихъ всевозможными фасонами и на разной вышинѣ.

Изъ нихъ въ особенности три заслуживаютъ описанія. Въ глубинѣ двора самый большой изъ этихъ фонтановъ расположенъ около триумфальной арки странной формы. Въ центрѣ стоитъ большой деревянный олень съ четырьмя рогами, изъ которыхъ льются четыре потока воды. Вокругъ оленя цѣлая свора мраморныхъ собакъ пьетъ и льетъ на него потоки воды.

Два другихъ круглыхъ бассейна составляютъ высокую пирамиду, съ вершины которой поднимается столбъ воды въ формѣ колокола и множество трубокъ съ бронзовыми цвѣтами на верху, каждый лепестокъ которыхъ льетъ воду въ различныхъ направленіяхъ.

9) Триумфальная арка построена въ концѣ огорода, въ европейскомъ стилѣ. Отсюда представляется великолѣпный видъ на питомникъ деревьевъ, подстриженныхъ самымъ страннымъ фасономъ.

Европейскій дворецъ содержитъ въ себѣ еще нѣсколько построекъ, между прочимъ храмъ, называемый Синъ-Фао-шанъ, построенный на холмѣ, усаженномъ ивами и кедрами.

Это описаніе европейскаго дворца можетъ дать понятіе объ остальныхъ тридцати пяти. Внутри всѣхъ

Этихъ жилищъ можно было видѣть неслыханную роскошь: золото, серебро, жемчугъ, драгоценные камни, слоновая кость, рѣзба изъ кедроваго дерева, бронза, шелковыя обои, самыя изящныя вышивки, самый тонкій фарфоръ. Китайскіе императоры, занимавшіе престолъ втеченіе пяти вѣковъ, строили этотъ дворецъ для своего частнаго употребленія. По смерти императора, новый императоръ запираетъ дворецъ предшественника, оставляя всё сохранявшіяся въ немъ сокровища, сдѣлавшіяся священными, какъ все принадлежавшее предкамъ и воздвигаетъ себѣ новое зданіе. Поэтому о Юенъ-минъ-Юенѣ можно сказать, что каждый изъ его тридцати шести дворцовъ есть историческій музей архитектуры, искусствъ и ремеслъ китайцевъ втеченіе послѣднихъ пяти вѣковъ.

Какимъ образомъ роковая судьба уничтожила это роскошное жилище, по милости двухъ націй, считающихъ себя цивилизованнѣйшими націями въ свѣтѣ и кому слѣдуетъ приписать этотъ варварскій поступокъ?

Вотъ что говорится относительно занятія Лѣтняго дворца французскими войсками въ недавно опубликованномъ офиціальномъ документѣ:

«Было семь часовъ и ночь наступила, когда войска подошли къ дворцу Юенъ-минъ-юенъ. Входъ былъ запертъ крѣпкими воротами и двумя загородками. Отрядъ моряковъ, подъ командой лейтенанта Кеннея, долженъ былъ сдѣлать рекогносцировку ограды. Начальникъ эскадрона, Кампенонъ, командовалъ рекогносцировкой, лейтенантъ корабля де-Пина, адъютантъ

главнокомандующаго, присоединился къ ней. Нѣсколь-
ко слугъ императора, оставшихся ему вѣрными, по-
слѣ его отъѣзда пробовали воспретить входъ осаж-
дающимъ.

«Въ этой борьбѣ лейтенантъ де-Пина получилъ
ударъ саблей по рукѣ и юный Вивна пулю въ
бокъ; китайцы оставили троихъ убитыхъ. Это сопро-
тивленіе не имѣло ни малѣйшаго военнаго характе-
ра—это было послѣднее свидѣтельство вѣрности им-
ператору, который послѣдно бѣжалъ въ Манд-
журію.

«Первый дворъ дворца былъ занятъ бригадою Ко-
лино.

«Дворецъ Юень-минъ-юень былъ вѣрно описанъ
іезуитами, когда они были въ милости при пекинскомъ
дворѣ. Сочиненіе подъ названіемъ «новѣйшій Китай» на-
зываетъ этотъ дворецъ и указываетъ на него, какъ на
одно изъ чудесъ Китая. Подарки платившихъ дань
королей и европейскихъ правителей, были собраны въ
немъ. Это было любимымъ жилищемъ императора
Гіень-Фунга, онъ предпочиталъ его своему пекинско-
му дворцу, куда онъ являлся только для парадныхъ
церемоній. Многія изъ зданій были построены изъ
позолоченнаго кедроваго лѣса, покрытаго лакомъ. Че-
репицы зеленыя, желтыя и голубыя перемѣшивали
свои цвѣта.

«Всѣ эти дворцы казались брошенными въ беспорядкѣ; громадныя парки окружены высокими стѣна-
ми, согласно обычаю восточныхъ правителей. Близъ
зданій, занимаемыхъ императоромъ, помѣщались мага-

зины, наполненные шелкомъ, мѣхами, съѣстными припасами и всѣмъ, что необходимо для содержанія его свиты, которая состояла не менѣе чѣмъ изъ шести тысячъ человѣкъ.

«Впечатлѣнiе, производимое видомъ этого дворца на людей различныхъ по воспитанiю, лѣтамъ и уму, было одинаково: видъ его поражалъ всякаго, и обыкновенно французы говорили, что всѣ императорскiе дворцы Францiи, соединенные вмѣстѣ, не составили-бы одного Юенъ-Минъ-Юена.

«Императоръ Гiенъ-Фунгъ, вѣроятно, оставилъ свой дворецъ не болѣе какъ за два часа до прихода французовъ. Тѣ, которые первые вошли въ этотъ дворецъ, думали, что попали скорѣй въ музей, чѣмъ въ жилой домъ: всевозможные предметы изъ золота и серебра, драгоценные по материалу, или по формѣ, были расположены на этажеркахъ, какъ въ европейскомъ музее. Сначала ихъ рассматривали со сдержанностью, свойственной нашимъ привычкамъ; глядя въ какомъ порядкѣ они были расположены, казалось, что на нихъ можно смотрѣть, но не брать. Первый поднявшій руку разрушилъ очарованiе.

«Прежде всего европейцы попали въ залу аудiенцiй и въ спальню императора. Въ помѣщенiяхъ, находившихся въ пристройкахъ, нашли нѣсколько запачканныхъ и окровавленныхъ платьевъ принадлежавшихъ несчастнымъ плѣнникамъ, которыхъ тщетно требовали съ 18 Сентября.

«Слитки золота и серебра были раздѣлены между всѣми, сообразно съ чинами: доля простыхъ матро-

совъ и солдатъ доходила до ста восьмидесяти франковъ. Въ настоящее время считаютъ фактомъ, что сумма восемьсотъ тысячъ франковъ, которая была взята и раздѣлена, предназначалась на текущій расходъ императорскаго дома, но настоящія сокровища остались скрытыми. Этотъ фактъ опирается на два доказательства: когда трактатъ былъ подписанъ, принцъ Конгъ спросилъ, возвратятся-ли союзники въ Лѣтній дворецъ, который въ то время былъ весь сожженъ и казалось, что принцъ былъ видимо облегченъ, когда ему сказали, что союзники не появятся болѣе въ Юень-Минъ-Юенъ. Кромѣ того первая контрибуція была уплачена золотыми слитками, на которыхъ были видимы] слѣды недавняго огня. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ это сокровище было громадно и могло покрыть собою всѣ военные издержки *).

«Палатки французской арміи стояли передъ дворцомъ Юень-Минъ-Юена отъ 6-го до 9-го Октября утра; началъ чувствоваться недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и главнокомандующій рѣшилъ отступить на нѣсколько километровъ и приблизиться къ англійской арміи, которая осталась лагеремъ на сѣверѣ Пекина и къ которой два дня тому назадъ подошла кавалерія. Часть зданія Юень-Минъ-Юена уже была подожжена; когда армія проходила мимо него, вѣтеръ, дувшій съ моря, раздувалъ пламя».

Этотъ первый пожаръ, зажженный случайно и

*) Въ описаніи Юень-Минъ-Юена мы видѣли, что на дворецъ женцинъ № 12 указывается китайской легендой, какъ на хранилище сокровищъ.

поддержанный китайскими грабителями, слѣдовавшими за французской арміей, уничтожилъ только нѣсколь-
ко корпусовъ.

Десять дней спустя лордъ Эльджинъ и генераль Грантъ, жалая строго наказать китайское правитель-
ство и отмстить за жертвъ измѣны Тонгъ-Чеу, прика-
зали отряду англійскихъ солдатъ систематично за-
жечь дворець. Въ этомъ неблагоразумномъ мщеніи,
хотя оно и было, какъ мы увидимъ, тщательно обдумано,
обвиненіе ни какимъ образомъ не можетъ пасть на
французскую армію.

Генераль Монтобанъ писалъ генералу Гранту, при-
казавшему уничтоженіе дворца:

«Начиная съ сегодняшнаго утра, я обдумывалъ
«предложеніе ваше поджечь императорскій дво-
«рець Юень-Минъ-Юень, на три четверти уничто-
«женный 7-го и 8-го этого Октября, отчасти моими
«войсками, отчасти китайцами—и считаю долгомъ, со-
«гласно даннымъ мнѣ инструкціямъ, объяснить вамъ
«причину моего отказа дѣйствовать согласно съ вами
«въ подобной экспедиціи. Мнѣ кажется, что она вну-
«шена вамъ желаніемъ отмстить за варварскій посту-
«покъ съ нашими несчастными соотечественниками—
«но это мщеніе не достигаетъ цѣли. Съ другой сто-
«роны, не возможно-ли, что пожаръ, снова зажженный
«въ императорскомъ дворцѣ, еще болѣе взволнуетъ и
«безъ того испуганнаго принца Конга и заставитъ его
«бросить начатыя переговоры; въ такомъ случаѣ, на-
«паденіе на императорскій пекинскій дворець сдѣ-
«лается необходимою, а послѣдствіемъ этого бу-

«детъ паденіе нынѣшней династіи, что будетъ діаметрально противоположно полученнымъ нами инструкціямъ. По всѣхъ этимъ причинамъ я считаю долгомъ ни въ какомъ случаѣ не принимать участія въ предпринимаемомъ вами дѣлѣ, считая его за вредное для интересовъ французскаго правительства. Де-Монтонбанъ».

На другой день 18-го, генераль Грантъ, въ новомъ письмѣ, выставилъ причины, принуждавшія его упорствовать въ своемъ желаніи совершенно уничтожить Юенъ-Минъ Юенъ:

«Во первыхъ», писалъ онъ, «въ этомъ дворцѣ съ плѣнниками обращались съ варварской жестокостью, здѣсь они пробыли втеченіи трехъ дней, связанные по рукамъ и ногамъ, совершенно лишены пищи. Во вторыхъ, англійская нація не будетъ удовлетворена, если мы не дадимъ примѣрнаго наказанія китайскому правительству, не покажемъ ему вполне ясно то отвращеніе, которое вызвалъ въ насъ варварскій способъ, которымъ они нарушали права человѣческія. Если мы удовольствуемся заключеніемъ мира, подписаніемъ трактата и удалимся, то китайское правительство вообразитъ, что можетъ безнаказанно хватать и убивать нашихъ соотечественниковъ. Необходимо, во что бы то ни стало, разубѣдить его въ этомъ. Правда, что Лѣтній дворецъ императора былъ ограбленъ, но принесенные этимъ убытки могутъ быть вознаграждены въ одинъ годъ».

«Въ тотъ самый день, когда французская армія оставила Юенъ-Минъ-Юенъ, дворецъ былъ занятъ ки-

«тайскими властями и пять китайцевъ, достигнутые въ этомъ дворцѣ этими властями, были казнены. Съ этого дня мои патрули находили ограду всегда запертою, и зданіе не уничтоженнымъ. Намъ было ясно доказано, что на дворецъ Юень-Минь-Юень «смотреть, какъ на весьма важное мѣсто и уничтоженіе его будетъ ударомъ, направленнымъ не противъ народа, но противъ китайскаго правительства, которое одно виновно въ совершенныхъ жестокостяхъ этотъ ударъ будетъ для правительства чувствителенъ—и съ другой стороны противъ уничтоженія этого дворца не можетъ быть выставлено, какъ причина, чувство гуманности».

Изъ этого письма видно, что боязнь англійскаго общественнаго мнѣнія увлекала, такъ сказать, толкала двухъ англійскихъ полководцевъ дѣйствовать такъ, какъ они дѣйствовали; это было первымъ и фундаментальнымъ основаніемъ, на которомъ они строили всѣ остальные соображенія.

«Вслѣдствіе этого, 18-го утромъ, англійскій отрядъ направился къ дворцу съ порученіемъ поджечь его со всѣхъ сторонъ. Скоро великолѣпныя пагоды, эти чудеса богатства и великолѣпія, сдѣлались жертвой пламени. На горизонтѣ поднялось ужасное зарево и столбы густого дыма—это былъ пожаръ, уничтожившій Юень-Минь-Юень и къ вечеру онъ превратился въ кучу догорающихъ остатковъ, вокругъ которыхъ бродили толпы грабителей. Англичане отмстили, показали свое неудовольствіе: отъ чуднаго сооруженія, пощаженаго многими вѣками, не осталось ничего».

Годъ спустя послѣ этихъ событій господинъ де-Бурбулонъ въ сопровожденіи многихъ другихъ европейцевъ посѣтилъ Юенъ-Минъ-Юенъ. Деревня Гэ-Тьенъ еще носила на себѣ слѣды разрушенія. Татары жили нѣкоторое время въ развалинахъ дворца. Посѣтители вступили въ заросшее лѣсомъ пространство, на сѣверо-западъ отъ ограды, чтобы избѣгнуть китайскихъ войскъ и, переѣхавъ озеро по достаточно крѣпкому льду, чтобы онъ могъ ихъ сдержать, они подѣхали къ подножію второй мраморной лѣстницы и, вступивъ въ ограду, поднялись на высокій холмъ, съ котораго представлялся видъ на весь Юенъ-Минъ-Юенъ.

Видъ былъ великолѣпный; нѣсколько пагодъ, забытыхъ разрушителями, еще возвышались среди развалинъ. Всевозможные остатки: обгорѣлыя балки, куски мрамора и обгорѣлаго алебастра одни только указывали на мѣсто, гдѣ еще недавно возвышались тридцать шесть дворцовъ, эта роскошнѣйшая резиденція китайскихъ императоровъ. Господинъ Деверіа—одинъ изъ переводчиковъ посольства, набросалъ эскизъ пейзажа и такъ какъ день приближался къ вечеру и было бы неблагоприятно двигаться далѣе, то всѣ повернули обратно въ деревню Гэ-Тьенъ, гдѣ оставили лошадей.

На сѣверъ отъ Лѣтняго дворца, на нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Чанъ-пингъ-чеу помѣщается знаменитое кладбище,—которое мы будемъ имѣть случай описать позднѣе,—наконецъ, на сѣверной оконечности провинціи Пе-ше-ли, близъ границы Манджуріи,

возвышается императорское жилище, не менѣе знаменитое, чѣмъ Юень-Минъ-Юень,—это дворець Же-Голь, помѣщающійся въ центрѣ обширнаго лѣса, который, говорятъ, имѣетъ въ окружности три мили.

Лордъ Макартней, единственный европеецъ, бывшій въ Же-Голь, но онъ посѣтилъ его скорѣй какъ плѣнникъ, чѣмъ какъ посланникъ: онъ былъ внесенъ въ него ночью въ совершенно закрытыхъ носилкахъ. Это было любимое мѣстопробываніе императора Кангъ-Ги, который былъ страстнымъ охотникомъ и находилъ въ изобиліи въ лѣсу козъ, медвѣдей, оленей, вепрей и даже пантеръ и тигровъ. Его потомки слѣдовали его примѣру до Кіа-Гинга, который былъ убитъ молніей на охотѣ. Тао-Куангъ, его сынъ и наследникъ, увѣренный, что несчастіе приблизилось къ Же-Голю, не хотѣлъ никогда въ него возвращаться и только императоръ Гиень-Фунгъ удалился туда, принужденный бѣжать изъ столицы, вступленіемъ въ нее европейскихъ войскъ.

Ничто не можетъ дать понятія о роскоши этого дворца, на который китайскіе историки смотрятъ, какъ на чудо изъ чудесъ имперіи.

Въ числѣ построекъ, украшающихъ окрестности Пекина до сихъ поръ, считается буддистскій монастырь дракона, помѣщающійся на юго-западѣ, и мостъ Юень-пингъ, переброшенный черезъ Венъ-Го; мостъ весь мраморный, съ арками замѣчательной прочности и длины.

ГЛАВА X.

Правительство и религія.

Власть императора.—Корпусъ ученыхъ.—Различіе чиновъ и шарикъ мандариновъ.—Цензура.—Совѣтъ министровъ.—Кассаціонный судъ.—Шесть главныхъ министерствъ.—Высшая администрація и управленіе провинцій.—Религіозное равнодушіе 'китайцевъ.—Мусульмане, христіане и евреи.—Религія Лас-Дзе.—Отдѣлы храма Фа-Ка.—Доктрина Конфуція. — Буддизмъ. — Реформа Дзонгъ-Каба. — Лама и бонзы.—Религіозныя церемоніи въ храмѣ тысячи Лама.—Покѣщеніе въ монастырѣ бонзъ. Го-Кьенъ.—Роскошные сады.—Добровольные мученики.—Молитвенныя мельницы.—Странная мода погребенія.

Есть старинная китайская поговорка, которая говоритъ: «когда сабли заржавѣли а лопаты блестятъ тюрьмы пусты, а закромы полны, когда ступени храмовъ обшарканы шагами вѣрующихъ, а ступени судовъ покрылись травой, когда докторъ ходитъ пѣшкомъ, а булочникъ ѣдитъ верхомъ тогда государство хорошо управляемо». Къ несчастію уже нѣсколько лѣтъ эта пословица не подтверждается: возстаніе Тай-пинговъ, вторженіе европейской арміи, слабость импера-

тора Тьенъ-Фунга вызвали презрѣніе къ древнимъ учрежденіямъ, которое какъ будто указываетъ на близкое разложеніе громадной имперіи. Однако, ея организація образцовая въ своемъ родѣ. Императоръ—это отецъ и мать своихъ подданныхъ. Не уважать или неслушаться его власти—это значитъ совершать преступленіе противъ сыновей любви, этой основной добродѣтели, которую восхваляютъ всѣ моралисты. Сыновнее чувство должно служить рулемъ общественной нравственности: быть хорошимъ или дурнымъ гражданиномъ значитъ быть хорошимъ или дурнымъ сыномъ. Таковы основанія власти, установленной кингами или пятью каноническими книгами китайцевъ, древнимъ сочиненіемъ ихъ первыхъ мудрецовъ, которыя, будучи написаны болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ назадъ, служатъ хранилищемъ ихъ религіи, исторіи, законовъ и административной организаціи. Но если императоръ пользуется отеческой властью относительно своихъ подданныхъ, то онъ самъ Тьенъ-дзе, или сынъ неба, то есть Тьенъ или высшее существо можетъ, когда императоръ сдѣлается недостойнымъ, отнять у него власть, полученную по божественной волѣ. Поэтому, не смотря на многочисленныя революціи, происходившія въ Китаѣ, не смотря на двадцать двѣ династіи, смѣнившіяся въ немъ въ историческій періодъ, глубокое уваженіе, внушаемое императорской властью, не уменьшилось и привязанность къ новой династіи становится однимъ изъ принциповъ общественнаго долга—таковъ политическій фанатизмъ китайцевъ.

Власть императора неограниченна, но не деспо-

тична. Она неограниченна потому, что онъ создаетъ и уничтожаетъ законы по своему желанію, что онъ имѣетъ право жизни и смерти, что вся административная и судебная власть исходитъ отъ него, что всѣ доходы государства въ его распоряженіи—но она не-деспотична потому, что онъ не присвоиваетъ власти одному себѣ, что онъ дѣлитъ ее съ министрами, которые, въ свою очередь, передаютъ ее губернаторамъ провинцій, откуда она по ступенькамъ доходитъ до отцовъ семействъ, соединеніе которыхъ образуетъ націю.

Къ сыну Неба можно приближаться только съ крайней униженностью во внѣшнихъ формахъ, но его могущество весьма сдерживается правилами и обычаями. Приблизясь къ его трону, слѣдуетъ девять разъ дотронуться лбомъ до земли, но онъ не можетъ vybrать супрефекта иначе, какъ изъ листа кандидатовъ, составленнаго учеными, и еслибы въ день затмѣнія онъ позабылъ поститься и признать ошибки своего управленія, то сто тысячъ памфлетовъ напомнили бы ему его обязанности. Два учрежденія, корпусъ ученыхъ и цензоры составляютъ достаточный противовѣсъ императорскому деспотизму.

Корпусъ ученыхъ представляетъ настоящую аристократію, которая не есть результатъ случайности рожденія, но постоянно возобновляется экзаменами и конкурсами. Это учрежденіе, представляющее аристократію таланта и могущества способствовало продолжительности имперіи и одно имѣетъ силу удержатъ ее на ея поколебавшихся основаніяхъ. Наслѣдствен-

ные титулы въ ней не признаются, исключая потомковъ знаменитаго Конфуція, но даютъ обратные титулы, облагораживающіе предковъ знаменитаго человека, котораго хотятъ вознаградить — почесть, которой китайцы придаютъ громадную цѣну.

Всѣ судьи, всѣ гражданскіе чиновники, составляющіе исключительную часть класса ученыхъ, обозначаются общимъ названіемъ Куангъ-ту.

До высшихъ степеней администраціи можно достигнуть, только поступивъ въ высшій разрядъ ученыхъ: одно есть необходимое послѣдствіе другаго.

Мандарины раздѣляются на девять категорій, которыхъ различаютъ однихъ отъ другихъ шариками, величиною въ голубиное яйцо, которые привинчиваются на верху официальной шляпы. Три первыхъ категорій имѣютъ красные шарики — самая высшая коралловый, вторая — изъ рѣзнаго серебра, третья — лиловаго цвѣта, четвертая и пятая имѣютъ шарики изъ лапсѣ-лазури и голубаго стекла, шестая — бѣлые непрозрачные, седьмая — бѣлые хрустальные, восьмая и девятая — изъ позолоченой мѣди. Такова организація этого знаменитаго корпуса ученыхъ, который, можно сказать, образуетъ, хотя иногда и грѣшитъ на практикѣ, самое раціональное и справедливое правительственное учрежденіе, какое можно только найти у какого либо народа.

Учрежденіе цензоровъ, подобное тому какое было у римлянъ, состоитъ изъ сановниковъ, которые, не имѣя никакой прямой власти, однако пользуются правомъ наблюдать за всѣми. Цензоры наблюдаютъ за

правами и поведѣніемъ мандариновъ, принцевъ и самаго императора. Въ Лѣтнемъ дворцѣ было найдено нѣсколько замѣчаній цензоровъ по поводу злоупотребленія власти, доказывающихъ на сколько императоры должны покоряться ихъ авторитету.

Высшее правительство состоитъ, кромѣ учрежденія цензоровъ: 1) изъ частнаго совѣта, Нейко, членовъ, котораго восемь, чунгъ-тангъ или великихъ ученыхъ, изъ нихъ четверо манджуръ и четверо китайцевъ.

Частный совѣтъ обязанъ, по буквальному смыслу статута, приводить въ порядокъ и выражать мысли императора въ административной формѣ — это нѣчто вродѣ государственнаго совѣта.

2) Совѣтъ министровъ состоитъ изъ восьми членовъ Ней-ко, президента и вице-президента, шести высшихъ дворовъ или министровъ.

Совѣтомъ министровъ обсуждается вмѣстѣ съ императоромъ всѣ политическіе дѣла.

3) Далѣе слѣдуетъ Судъ кассационный, въ который входятъ всѣ члены министерствъ и цензоры. Онъ разсматриваетъ апелляціи въ уголовныхъ процессахъ и смертные приговоры; его рѣшенія должны быть единогласны, въ противномъ случаѣ императоръ есть послѣдняя инстанція.

Шесть главныхъ министерствъ слѣдующіе: Ли-пу, соотвѣтствующее нашему министерству внутреннихъ дѣлъ; Гу-фу или дворъ общественныхъ доходовъ (министерство финансовъ); Лій-пу — или дворъ священныхъ обычаевъ есть въ одно и тоже время министер-

ство иностранныхъ дѣлъ и искусствъ. (Послѣ 1862 г. это министерство раздѣлилось на два; въ настоящее время въ Пекинѣ есть настоящій министръ иностранныхъ дѣлъ); Пингъ-пу—военное и морское министерство; Гингъ-пу или дворъ наказаній (министерство юстиціи) и наконецъ Кунгъ-пу, или министерство общественныхъ работъ.

Высшая администрація состоитъ, кромѣ того, изъ управления колоніями, которому порученъ надзоръ за монголами, тибетцами и магометанскими племенами съ западной границы; изъ академіи гангъ-лингъ, раздѣляющей съ дворомъ обычаевъ управленіе общественнымъ образованіемъ и, наконецъ, совѣта дворцоваго управления, вѣдающаго всѣ дѣла императорскаго дома. Таковы главные отдѣлы центрального правленія.

Провинціями управляетъ общій губернаторъ, представляющій императора; за нимъ слѣдуетъ гражданскій губернаторъ и губернаторъ военный, затѣмъ цѣлая толпа мандариновъ, власть которыхъ зависитъ отъ военнаго или гражданскаго начальника.

Чтобы помѣщать заговорамъ, манджурскіе императоры заявили, что никто не будетъ исполнять служебныхъ обязанностей въ своей родной странѣ и не можетъ служить въ одной и той же провинціи болѣе трехъ лѣтъ; еще ранѣе китайскій кодексъ запрещалъ служащимъ пріобрѣтать имущества, или жениться въ мѣстахъ ихъ служенія. Эти постоянныя передвиженія много способствовали ослабленію правительственныхъ узъ и отчасти были поводомъ послѣднихъ возмущеній.

Вся Имперія была раздѣлена на коммуны, состоя-

ція изъ ста семействъ, начальникъ которыхъ выборный и отвѣчаетъ за доставленіе налога, содержаніе дорогъ и исполненіе общественныхъ работъ.

Я не стану входить въ дальнѣйшія подробности китайскаго управленія, чего не позволяютъ скромныя рамки моего разсказа, однако, я считаю полезнымъ дать читателю сжатый очеркъ этого античнаго правленія, которое было предметомъ восхищенія всѣхъ изучавшихъ его. Къ тому же, кто можетъ отрицать, что административныя формы и религія, принятыя націей, не имѣютъ прямаго отношенія къ ея нравамъ и обычаямъ?

Религія играетъ въ Китаѣ меньшую роль, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Основная черта китайцевъ—аскетизмъ. Китаецъ съ жаромъ стремится только къ богатству и матеріальнымъ наслажденіямъ; понятія духовныя, относящіяся до души, Бога, будущей жизни, ему чужды, онъ имъ не вѣритъ, или, лучше сказать, не хочетъ этимъ заниматься и это равнодушіе приводитъ въ отчаяніе нашихъ миссіонеровъ. Вы объясняете неофиту, говоритъ отецъ Гюкь, основанія вѣры, принципы христіанства, важность спасенія души, увѣренность въ будущей жизни—всѣ эти истины, производящія столь сильное впечатлѣніе на всякую мало религіозную душу—онъ обыкновенно выслушиваетъ ихъ съ удовольствіемъ, потому что это развлекаетъ его и увлекаетъ его любопытство. Онъ допускаетъ и соглашается со всѣмъ, что ему говорятъ, онъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго возраженія, по его мнѣнію все это справедливо, прекрасно, великолѣпно, онъ самъ

быстро становится проповѣдникомъ и уже восхитительно говорить въ пользу христіанства. Онъ говоритъ объ ослѣпленіи людей, привязывающихъ къ скоропроходящимъ земнымъ благамъ, вслучаѣ надобности онъ можетъ сказать вамъ великолѣпную рѣчь о счастіи познать истиннаго Бога, служить ему и заслужить этимъ вѣчную жизнь.

Слушая его, можно думать, что онъ уже христіанинъ, а, между тѣмъ, онъ не подвинулся ни на шагъ. Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы его слова не имѣли известной доли чистосердечія. Онъ вѣритъ тому, что говоритъ, или по крайней мѣрѣ это не противорѣчитъ его убѣжденію, состоящему въ томъ, чтобы не затрогивать слишкомъ серьезно религіозныхъ вопросовъ—но, въ концѣ концовъ, все это только игра ума.

— Успѣеть, постоянно говорилъ мнѣ одинъ ученый, котораго я старался обратить, не будемъ спѣшить—некуда. Я того мнѣнія, что человѣку не слѣдуетъ предаваться исключительно какимъ либо занятіямъ—безъ сомнѣнія, христіанская религія прекрасна и возвышенна, ея доктрина методична и прекрасно объясняетъ то, что нужно человѣку знать, но слѣдуетъ-ли увеличивать жизненные заботы? Вотъ, видите-ли, у насъ есть тѣло, которое требуетъ многихъ заботъ: его надо одѣвать, питать, предохранять отъ рѣзкой переменъ воздуха, неужели послѣ этого намъ слѣдуетъ заботиться о душѣ, которую мы не видимъ? И къ чему заботиться о двухъ жизняхъ заразъ? Когда путешественникъ переходитъ черезъ рѣку, ему не нужно двухъ лодокъ, чтобы поставить въ каждую по

ногѣ, такъ какъ иначе онъ рискуетъ упасть въ воду и утонуть. Будемъ поступать сообразно правиламъ нравственности и приличія и станемъ спокойно ожидать будущаго!

Мы не могли добиться ничего другого отъ нашего ученаго, прекраснаго человѣка, но китайца до мозга костей. Мы еще будемъ имѣть много случаевъ говорить объ этомъ индифферентизмѣ, врожденной и хронической болѣзни китайской націи.

Мнѣніе отца Гюка, которое есть мнѣніе всѣхъ миссіонеровъ, подтверждается еще болѣе убѣдительными фактами. Для погребенія одного принца императорской фамилии, умершаго въ Пекинѣ въ 1861 году, для приданія большаго великолѣпія похоронной церемоніи, были приглашены служители всѣхъ религій, какія только существовали въ городѣ. Были доктора разума, желтые Лама реформированнаго культа, бонзы и имамы или мусульмане китайцы. Таково презрѣніе, оказываемое въ Китаѣ высшими классами общества къ религіознымъ формамъ, которыя, по ихъ мнѣнію, годятся лишь на то, чтобы занимать народъ.

Въ странѣ считается три главныхъ религіи: Лаодзе, Конфуція и Фо или буддизмъ, которая наиболѣе распространена. Кромѣ того встрѣчается довольно большое число: магометанъ, живущихъ въ особенности на сѣверо-западѣ, о которыхъ мы будемъ еще говорить, описывая Суанъ-гуа-фу, христіанъ, положеніе которыхъ много улучшилось декретомъ о свободѣ совѣсти и наконецъ евреевъ, которыхъ всего

нѣсколько семействъ, имѣющихъ синагогу въ Ке-фунгѣ въ провинці Го-нанъ.

Религія Лао-дзе считается первоначальной религіей Китая. Ея послѣдователи допускаютъ множество догматовъ общихъ съ Конфуціемъ, но они вѣрятъ въ существованіе Бога, поередниковъ его геніевъ и демоновъ. Этотъ культъ превратился въ идолопоклонство: жрецы и жрицы, обреченные на безбрачіе, занимаются магіей и множествомъ всевозможныхъ суевѣрій; ихъ зовутъ Тао-се или докторами разума, потому что одинъ догматъ ихъ вѣрованій, проповѣдуемый ихъ основателемъ Лао-дзе, допускаетъ существованіе первоначальнаго разума, создавшаго міръ.

Лао-дзе жилъ 2400 лѣтъ тому назадъ въ одну эпоху съ Конфуціемъ, съ которыми онъ имѣлъ даже диспуты относительно догматовъ. Эти диспуты продолжались и послѣ ихъ смерти, и китайскія лѣтописи наполнены разказами о ссорахъ Тао-се съ послѣдователями Конфуція. Смѣшное суевѣріе первыхъ, ихъ претензія знать эликсиръ, дающій безсмертіе, дали могущественное орудіе въ руки ихъ противниковъ. Въ настоящее время религія Лао-дзе исповѣдуется только низшими классами народа.

Пагода Фа-ка, о которой мы уже говорили, и которая помѣщается на одномъ изъ острововъ Сѣвернаго моря Пекина, принадлежитъ жрецамъ Тао-се. Обширныя залы ея заняты цѣлой толпой боговъ и чудовищныхъ деревянныхъ геніевъ, раскрашенныхъ и украшенныхъ рѣзбой. Въ боковыхъ галлерейхъ

толпа другихъ фигуръ представляетъ героевъ или канонизированныхъ святыхъ этой народной секты.

Въ центрѣ зданія помѣщаются пять гигантскихъ статуй, одна, сидящая съ открытой грудью и животомъ, есть изображеніе бога, который долженъ придти спасти людей, четверо другихъ—его аколиты, низшіе боги. Первый держитъ длинную змѣю, обернутую вокругъ всего его тѣла, второй зонтикъ, на концѣ котораго привязаны завернутыя въ бумагу тучи, третій съ ужаснымъ лицомъ потрясаетъ обоюдоострой саблей, наконецъ четвертый играетъ на мандолинѣ.

Жрецы Тао-се, которыхъ болѣе чѣмъ пятнадцать человекъ, не имѣютъ особенныхъ костюмовъ, или лучше сказать, покрыты грязными лохмотьями. Ихъ головы выбриты, но не совсѣмъ какъ у бонзъ, такъ какъ они оставляютъ на затылкѣ густой пучокъ волосъ, который поддерживаютъ металлической иглой—это ихъ отличительный признакъ. Нищета этихъ несчастныхъ и презрѣніе, которымъ ихъ окружаютъ, такъ велики, что ихъ число все уменьшается.

Ихъ оставляютъ жить въ презрѣніи въ глубинѣ ихъ храмовъ, не заботясь о нихъ, кромѣ нѣсколькихъ адептовъ, приходящихъ иногда распросить о будущемъ или зажечь раскрашенную бумагу, или палочку благоуханій у подножія идоловъ. Рѣдкихъ подачекъ не было бы достаточно для ихъ существованія, если бы они, кромѣ того, не занимались нищенствомъ. Для китайца-работника всякій жрецъ—лѣнивонецъ, трутень, который живетъ въ ульѣ на счетъ рабочихъ пчелъ. Поэтому Тао-се въ старости принужденъ нанимать за

нѣсколько сапековъ ребенка бѣднаго семейства, изъ котораго дѣлаеть своего послѣдователя, или скорѣй слугу, становящагося впоследствии его преемникомъ.

Религія, или, лучше сказать, доктрина Конфуція исповѣдуется учеными; самъ императоръ заявилъ себя ея патріархомъ. Ея основаніемъ служитъ философскій пантеизмъ, различно толкуемый, смотря по эпохамъ. Хотя существованіе всемогущаго Бога, наказующаго преступленія и вознаграждающаго добродѣтели, было допущено этимъ великимъ философомъ, но недостатокъ старанія основать нравственные принципы на божественной идеѣ довелъ, мало-по-малу, его послѣдователей до матеріализма. Для Конфуція добро и справедливость среди людей согласуется съ вѣчнымъ порядкомъ природы, то есть, что долгъ съ точки зрѣнія нравственности грѣшитъ противъ гармоніи великаго Всего. Ни въ одномъ изъ своихъ произведеній онъ не предался философскимъ выводамъ о происхожденіи, созданіи или о концѣ міра; онъ ничуть не религіозенъ, но за то онъ прекрасно внушаетъ сыновнее чувство, любовь къ человечеству, милосердіе, самоотверженіе, наконецъ, это моралистъ давшій основанія прекраснаго и добра, но не желавшій ни въ чемъ обсуждать судьбу человѣка и свойства божества.

Конфуцій родился въ 551 году до Р. Х. и умеръ въ 479, такимъ образомъ, онъ былъ современникомъ первыхъ греческихъ философовъ, Кира и Солона. Никогда ни одинъ человѣкъ, втеченіи столькихъ лѣтъ, не имѣлъ такого громаднaго вліянія на себѣ по-

добныхъ; втеченіи 2400 лѣтъ триста миллионовъ людей исповѣдуютъ граждански-религіозный культъ этого великаго гражданина. Нѣтъ города, въ которомъ не было-бы храма, воздвигнутаго въ честь его; его изображеніе находится во всѣхъ академіяхъ, пагодахъ, ученыхъ іамунахъ, предназначенныхъ для литературныхъ экзаменовъ и въ самыхъ скромныхъ школахъ отдаленныхъ деревень. Учителя и ученики распростираются передъ его изображеніемъ въ началѣ и въ концѣ классовъ.

Религія Конфуціи не имѣетъ ни образовъ, ни жрецовъ—каждый исповѣдуетъ ее, какъ понимаетъ. Мандарины прибавили къ этой чистой доктринѣ оффиціальныя церемоніи, такъ напримѣръ: культъ предковъ, свѣта и геніевъ земли и неба. Но сами они обращаютъ въ смѣшное эти старинныя вѣрованія, сохранившіеся для того, чтобы имѣть престижъ для народа и сами первые смѣются надъ счастливыми и несчастными днями, надъ гороскопомъ, надъ астрологіей, угадываніемъ судьбы, печатаемыми каждый годъ въ императорскомъ альманахѣ.

Главный храмъ Конфуціи въ Пекинѣ помѣщается на сѣверѣ города. Мы уже описывали наружность этого зданія,—внутри замѣчательнѣе всего громадность залъ, украшенія и позолота потолоковъ, а въ особенности множество табличекъ съ философскими правилами, вырѣзанными золотыми буквами, развѣшанными повсюду на стѣнахъ. На одномъ изъ пьедесталовъ помѣщается рамка больше другихъ, носящая слѣдующую надпись:

«Святѣйшему учителю Конфуцію».

Къ несчастію, суевѣріе проскользнуло въ этотъ культъ и приношенія, положенныя простыми людьми, какъ напримѣръ: шелковыя матеріи, священныя вазы, наполненныя рисомъ, сухими плодами и тому подобными вещами поддерживаютъ ревность служителей, подметающихъ храмъ, поддерживающихъ огонь, сметающихъ пыль и именующихъ сами себя жрецами Конфуція.

Третья религія—буддизмъ беретъ свое начало въ Индіи во второмъ вѣкѣ до Р. Х. Будда выдавалъ себя за реформатора древней индусской религіи браминизма. Онъ считалъ всѣхъ людей равными передъ Богомъ и признавалъ всѣхъ безъ исключенія, по кастамъ и по поламъ, способными исполнять всѣ священныя и гражданскія обязанности. Но эта кроткая и братская религія слишкомъ противорѣчитъ аристократическимъ традиціямъ браминовъ, чтобы они могли принять ее безъ сопротивленія.

На индійскомъ континентѣ борьба продолжалась три вѣка и только около 600 года буддисты, изгнанные изъ Индустана, разсѣялись по Тибету, Бухарѣ, Монголіи, Бирмѣ, Китаю и Японіи. Буддизмъ и до настоящаго времени есть религія, считающая наибольшее количество послѣдователей во всемъ мірѣ. Она начала проникать въ Китай въ первомъ вѣкѣ нашей эры и скоро сдѣлала быстрые успѣхи среди народа, воображеніе котораго было плѣнено ея торжественными обрядами. Китайцы, коверкая слово «Будда», называли буддизмъ религіей Фо.

Но нѣсколько вѣковъ тому назадъ, въ нѣдрахъ самаго буддизма произошла реформа; около 1400 года пророкъ, называемый Тзонгъ-Каба, измѣнилъ прежніе обычаи и ввелъ въ церемоніи культа нововведенія, которыя представляютъ поразительное сходство съ нѣкоторыми обычаями католицизма. Реформа Тзонгъ-Каба быстро восторжествовала по всей странѣ.

Помѣщаясь между гималайскими горами, русской границей и Великой стѣной, Китай, Японія и Востъ-Индія остались вѣрными первоначальному культу и Лама, жрецы реформы, приняли желтыя шляпы и платья. Двѣ секты, прежде соперничествовавшія, теперь живутъ въ полномъ согласіи и считаютъ себя дѣтьми одного семейства; однако, у нихъ разные храмы и они не смѣшиваются другъ съ другомъ.

Монголы и Манджуры, всѣ исповѣдующіе реформированный культъ, имѣютъ въ Пекинѣ много храмовъ, между прочимъ, знаменитый монастырь тысячи Лама. Но въ этомъ городѣ самое большее число религиозныхъ учрежденій считается принадлежащихъ бонзамъ.

Предоставимъ слово самой госпожѣ Бурбулонъ, осматривавшей храмъ тысячи Лама.

«Входъ въ монастырь Лама замѣчательенъ обиліемъ статуй, окружающихъ перистиль главнаго храма. Тутъ есть львы, тигры и серны, сидяціе на гранитныхъ обломкахъ. Высокія перила лѣстницы также украшены рядами странныхъ фигуръ, представляющихъ драконовъ, химеръ и другихъ баснословныхъ животныхъ.

«Поднявшись на ступени, ведущія къ параднымъ дверямъ, вступаешь на широкое крыльцо и видишь передъ собою фасадъ храма, построенаго изъ рѣзнаго, лакированнаго дерева. Громадныя бревна поддерживаютъ зданіе, внутренность котораго освѣщена бумажными окнами. Каждая балка, каждый медальонъ, каждый кусокъ дерева вырѣзанъ и выточенъ насквозь. Это неслыханная смѣсь листьевъ, плодовъ, цвѣтовъ, бабочекъ, птицъ, змѣй и среди этой роскошной растительности изъ рѣзнаго дерева и какъ бы для отгѣненія ея, время отъ времени появляется чудовище съ человѣческой головой, громаднымъ открытымъ ртомъ, и длинными, острыми зубами.

«Когда мы проникли во внутренность святилища, то нѣсколько минутъ должны были привыкать къ окружавшему насъ таинственному мраку—бумажныя окна освѣщаютъ еще менѣе, чѣмъ цвѣтныя стекла нашихъ церквей. Религіозная церемонія уже началась и видъ представлялся величественный. Въ глубинѣ, напротивъ насъ, на пьедесталѣ въ родѣ алтаря, имѣющаго видъ опрокинутаго конуса, сидитъ буддистская Троица, окруженная толпою полубоговъ и геніевъ, своихъ обычныхъ сателлитовъ.

«Статуя Будды изъ золоченнаго дерева громадна; говорятъ, что она имѣетъ семьдесятъ футовъ въ вышину. Лицо бога красиво и правильно и кромѣ невѣроятной величины ушей напоминаетъ кавказскій типъ.

«Монгольскіе Лама, которымъ принадлежитъ этотъ храмъ, лучше сохранили религіозныя традиціи, чѣмъ

ихъ соперники бонзы и очень хорошо знаютъ, что пророкъ Будда явился съ запада.

«Передъ статуями боговъ помѣщается столъ съ вазами, подсвѣчниками и курильницами изъ позолоченной бронзы.

«Внутренность храма украшена рѣзьбой и картинами изъ жизни Будды и изъ странствованій его знаменитыхъ послѣдователей.

«Въ боковыхъ капеллахъ, образованныхъ четырёхугольными пиллястрами безъ карнизовъ, помѣщаются изображенія низшихъ божествъ. Курильницы постоянно курятся, а мѣдныя вазы, въ формѣ кубковъ для приношеній, ведутъ къ самымъ ногамъ идоловъ; богатая шелковая ткань, украшенная золотой вышивкой, образуютъ надъ головами боговъ какъ бы большіе павильоны, изъ которыхъ висятъ полосы, покрытыя надписями; бумажные фонари дополняютъ украшеніе.

«На позолоченномъ креслѣ, напротивъ алтаря, сидитъ великій Лама, начальникъ общества; его костюмъ весьма похожъ на костюмъ католическихъ епископовъ. Въ правой рукѣ у него длинная палка въ формѣ посоха, на головѣ нѣчто въ родѣ золотой митры, а на плечахъ накинутъ фіолетовый шарфъ, поддерживаемый на груди аградами. Простые Лама симметрично сидятъ по десятеро, на циновкахъ, покрывающихъ широкія доски, положенныя почти въ уровень съ поломъ. Пространство между этихъ дивановъ остается пустымъ для прохода. Всѣ жрецы въ шляпахъ изъ желтаго плюша, которыя весьма походятъ на каски карабинеровъ, въ длинныхъ желтыхъ платьяхъ съ крас-

ными, шелковыми полосами и съ босыми ногами, такъ какъ въ знакъ униженія оставляютъ свои красные башмаки въ сѣняхъ; каждый сидитъ, повернувшись къ хору, скрестивъ ноги, въ томъ ряду, къ которому принадлежитъ по своему положенію.

«Но вотъ раздаются звуки гонга, призывающіе къ сосредоточенности и молитвѣ; великій Лама становится на колѣни, на волосяную подушку, лежащую передъ его позолоченнымъ кресломъ, каждый изъ присутствующихъ расprostирается на циновкахъ, вытянувъ руки, въ позѣ глубочайшаго уваженія. Затѣмъ церемоніймейстеръ, исполняющій обязанности причетника, звонитъ въ колокольчикъ и Лама шепчутъ молитвы, написанныя на сверткѣ шелковой бумаги, которую держатъ развернутою передъ собою.

«Въ эту минуту одинъ изъ нашихъ спутниковъ, который, остановившись передъ барельефами, внимательно разсматривалъ ихъ, заложивъ руки за спину, былъ приглашенъ жрецомъ принять болѣе приличную позу.

«Новые звуки гонга даютъ знать о началѣ священнаго пѣнія—это псалмы на два хора, взаимно отвѣчающіе другъ другу.

«Въ этомъ хоровомъ пѣніи, гдѣ каждый пѣвецъ тянетъ одну и ту же ноту, встрѣчаются замѣчательные басы, но пѣніе всегда одинаково и бываетъ только громче или тише.

«Послѣ величественнаго, хотя немного монотоннаго пѣнія, слѣдуетъ музыка: три Лама выбиваютъ тактъ—одинъ на барабанѣ, другой—на мѣдномъ сосудѣ, тре-

тій—махая большой круглой трещоткой, прибавьте колокольчики и гонгъ, и вы составите себѣ понятіе объ этой музыкѣ.

«Служба продолжалась около часу, состоя попеременно то изъ пѣнія, то изъ инструментальной музыки, то изъ глубочайшаго молчанія. Въ извѣстныхъ мѣстахъ Лама ударяется лбомъ въ полъ передъ статуей божества, тогда какъ великій жрецъ, поднявъ руки къ небу, казалось, призывалъ его благословеніе. Звукъ колокольчика, эти поклоны, священное пѣніе, запахъ ладана, бритыя головы и наконецъ костюмы жрецовъ напомнили мнѣ католическія церемоніи. Это также мнѣніе нашихъ миссіонеровъ, которые говорятъ, что реформаторъ буддизма въ XV вѣкѣ путешествовалъ въ Малую Азію, гдѣ познакомился съ христіанскими обычаями, внушившими ему мысль ввести ихъ въ древній буддизмъ.

«Въ Пекинѣ нѣтъ храма болѣе богатаго и привлекающаго большее количество вѣрующихъ, чѣмъ храмъ тысяча Лама.

«Религіозныя вѣрованія еще сильны у татаръ, монголовъ и манджуровъ. Они уважаютъ своихъ жрецовъ, и я должна былъ констатировать, видя, сколько разъ низкопоклонство бонзъ и ихъ циничную комедію благочестія, повсюду встрѣчаемую презрѣніемъ, что ихъ собратья Лама сохранили болѣе достойныя манеры, болѣе приличную сдержанность и величественный церемоніаль, отчасти объясняющій громадныя успѣхи буддизма—этой знаменитой религіи, считающей въ Азіи болѣе трехъ сотъ милліоновъ послѣдова-

телей. Дѣйствительно, бонзы далеко не имѣютъ та-кого значенія въ китайскомъ обществѣ, какъ Лама въ Тибетѣ или Манджуріи.

«Знаменитѣйшіе монастыри бонзъ находятся въ пегальномъ состояніи, а постоянно увеличивающееся бездѣріе не общается, чтобы къ нимъ возвратился ихъ прежній блескъ. Въ извѣстныя времена года въ нихъ собирается довольно большое число послѣдователей, которыхъ привлекаетъ кажется скорѣе любопытство, чѣмъ благочестіе; туда приѣзжаютъ для развлеченія а не на поклоненіе. Поэтому бонзы, не будучи въ состояніи жить общиной, потому что милосердіе невѣрующихъ недостаточно, чтобы накормить ихъ, рѣшились расселиться по деревнямъ, живя какъ попало, безъ всякой дисциплины и іерархіи.

«Чтобы сдѣлаться бонзой, достаточно выбрать голову и надѣть на себя длинное платье съ широкими рукавами. Кто желаетъ выйти изъ бонзъ, тотъ отпускаетъ косу и надѣваетъ болѣе короткое платье.

«Есть много монастырей женщинъ—бонзъ, въ особенности на югѣ Китая.

«Уильямъ Мильнъ, протестантскій миссіонеръ, жилъ въ некоторое время въ одномъ изъ монастырей въ Нингъ-по и оставилъ намъ далеко неслестное описаніе нравовъ и поведенія этихъ китайскихъ монахинь, посвятившихъ себя культу богини Куаніннь, одному изъ божествъ буддистской троицы.

«Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ неуваженіемъ, которое питаютъ къ бонзамъ женскаго и мужскаго пола, которыхъ китайскій законъ поражаетъ

гражданской смертью. Имъ запрещается посѣщать отца и мать, приносить жертву въ честь предковъ и даже носить трауръ по умершимъ родственникамъ подѣ страхомъ наказанія ста палочными ударами. Ихъ выводятъ на сцену, гдѣ постоянно заставляютъ играть самыя низкія роли; сами императоры смѣются надъ ними и возбуждаютъ противъ нихъ народъ въ своихъ эдиктахъ; наконецъ, тайтинги пытались пріобрѣсти популярность своему возстанію, убивая бонзъ повсюду, гдѣ проходили.

«Во время одного моего путешествія въ городъ Го-Кіень, главный городъ департамента, гдѣ находится Тьень-Дзинъ, я провела два дня въ монастырѣ бонзъ въ окрестностяхъ города, гдѣ пользовалась полнѣйшимъ гостепріимствомъ. Этотъ монастырь одинъ изъ самыхъ обширныхъ и наиболѣе хорошо содержимыхъ, которые я только видѣла; онъ помѣщается на склонѣ довольно обрывистаго холма, на которомъ разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ двадцать пять пагодъ, храмовъ и кіосковъ, изъ которыхъ состоитъ монастырь.

«Какъ только я получила въ Го-Кіень—гдѣ имѣла очень дурное помѣщеніе—гостепріимное приглашеніе управляющаго монастыремъ, я отправилась, сопровождаемая молодымъ бонзой, котораго мнѣ прислали въ проводники, къ парку, высокія деревья котораго виднѣлись издали. Войдя подѣ густую тѣнь, столѣтнихъ деревьевъ въ аллею, дѣлающую тысячи капризныхъ поворотовъ, проходишь черезъ равнину, между прудовъ, ручейковъ, среди куртинъ благоухающихъ и аро-

матическихъ травъ. По этой аллеѣ мы дошли до отверстія глубокаго грота, высѣченнаго въ скалѣ, противъ величественнаго озера, надъ которымъ возвышались мраморныя портики главнаго храма, поддерживаемаго двѣнадцатью гранитными колоннами.

«Трудно представить себѣ, что нибудь лучше, грандіознѣе зрѣлища этого зданія, отражающагося въ тихихъ водахъ озера. Среди розовыхъ лилій, поднимающихъ свои сверкающія головки на свѣтло-зеленыхъ стебелькахъ съ черными точками, плаваютъ утки мандариновъ, голубого и розоваго пвѣта, тритоны съ золотистой чешуей играютъ на поверхности воды и скачутъ, чтобы схватить муху. Время отъ времени черепахи, испуганныя нами, бросаются въ озеро, точно большіе, катящіеся камни; маленькія птички поютъ на длинныхъ вѣтвяхъ плакучихъ и въ и серебристыхъ тополей. Это очаровательное зрѣлище произвело на меня живѣйшее впечатлѣніе: мнѣ кажется, что нигдѣ въ другой части свѣта, я не видѣла парка, въ которомъ природа при помощи искусства представилась бы мнѣ въ такомъ соблазнительномъ видѣ.

«Меня ожидалъ дружескій пріемъ.

«Меня ввели въ пріемную и подали всевозможныя прохладительныя, согласно съ правилами буддистскаго поста. Остальную часть дня я провела, осматривая сады и заключающіяся въ нихъ многочисленныя зданія. Съ наступленіемъ ночи мнѣ подали ужинъ въ большой удобной комнатѣ.

«Въ числѣ пятидесяти бонзъ, составлявшихъ мона-

стырь, были мальчики лѣтъ пятнадцати и болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтніе старики; свѣжіе сопрано, соединяясь съ низкими басами, пѣли мелодическіе, хотя немного однообразные, мотивы. Я также присутствовала въ храмѣ на церемоніи, во время которой старыя ханжи подносили благоуханія и свѣчи идолу Будды и въ то время, какъ они зажигали свои приношенія, старѣйшій жрецъ клалъ имъ руки на голову. Эти свѣчи, какъ я разсмотрѣла послѣ, сдѣланы изъ коровьяго сала, смѣшаннаго съ воскомъ и благоухающими смолами. Онѣ состоятъ изъ деревянной дощечки, на которой лежатъ видѣ треугольника три свѣчи, три болѣе маленькія поставлены горизонтально, такъ что свѣчи состоятъ изъ семи огней.

«Наконецъ я посѣтила гротъ, гдѣ живутъ пять, или шесть фанатиковъ, ставшихъ совершенно чуждыми внѣшнему міру, которые, совершенно погруженные въ свои бесѣды съ Буддою, всегда принимаютъ самыя невозможныя благочестивыя позы. Это святыя общины, присутствіе которыхъ обезпечиваетъ ей уваженіе вѣрующихъ. Двое изъ нихъ добровольно наложили на себя такія удивительныя пытки: одинъ прикрѣпилъ къ своей груди и лѣвой рукѣ, при помощи двухъ желѣзныхъ крючковъ, — которые все углубляются въ тѣло — лампы въ три и пять рожковъ, которыя онъ зажигаетъ въ искупленіе людскихъ грѣховъ, другой стоялъ раздвинувъ руки и ноги и поддерживаемый тяжелыми цѣпами, прикрѣпленными къ потолку, онъ долженъ былъ оставаться въ этомъ неудобномъ положеніи въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ.

«Но я не была обманута этими мнимыми увѣчьями: бонза съ лампами прикрѣпилъ себѣ на грудь кусокъ кожи цвѣта мяса, къ которой укрѣпленъ крючокъ, а текшая кровь, по всей вѣроятности, была кровью цыпленка. Что касается до другого, который изображалъ собою букву Х, то я узнала его въ толпѣ бонзъ, провожавшихъ меня, когда я уѣзжала: его три мѣсяца продолжались недолго. Но я тѣмъ не менѣе восхищалась самопожертвованіемъ двухъ несчастныхъ для искупленія нашихъ грѣховъ и дала щедрую милостыню.

Но двѣ вещи удивили меня еще болѣе, чѣмъ это религіозное фокусничество—это мельница молитвъ и мода погребенія, принятая бонзами.

Мельница для молитвъ, или вертящаяся молитва, какъ ее называютъ, похожа на клубокъ, къ которому прикрѣпляютъ полосы матеріи или бумаги, на которыхъ нанечатаны молитвы, съ которыми желаешь обратиться къ небу. Затѣмъ молящійся вертитъ правой рукой мельницу, тогда какъ лѣвую прижимаетъ къ сердцу. Черезъ четверть часа подобнаго занятія, въ томъ случаѣ, если оно исполнялось точно и достаточно быстро, по словамъ бонзы, вы приобретаете божественное милосердіе.

Существуетъ другая болѣе остроумная и болѣе удобная для лѣнливыхъ мельница — такая, что молящіяся могутъ лежать и курить трубку, тогда какъ вертящаяся молитва дѣйствуетъ за нихъ. Болѣе обширная сложная мельница приводится въ движеніе вѣтромъ и даже водою.

«Посѣтивъ кладбище, я была поражена формой могиль изображающихъ опрокинутыя пирамиды. Вотъ какое объясненіе этого мнѣ дали: когда бонза умираетъ, его погребаютъ сидящимъ то есть заставляютъ трупъ принять положеніе, въ которомъ живой становился на молитву: сжавъ ноги, сложивъ руки, опустивъ голову на грудь. Установленный такимъ образомъ, трупъ помѣщается въ громадной глиняной вазѣ, на которую ставятъ другую такой-же величины, но опрокинутую вмѣсто крышки; все герметически закрывается кирпичами въ вышину вазы.

«Наканунѣ моего отъѣзда я была приглашена на большой обѣдъ, на которомъ была весьма удивлена: хотя буддистскія правила проповѣдуютъ воздержаніе отъ всякой пицци, имѣвшей жизнь такъ-же, какъ и отъ масла, тѣмъ не менѣе на столѣ была подана жареная свинина, рагу изъ баранины, рыба и ласточкины гнѣзда; но всѣ эти вкусныя блюда были только подражаніемъ, предназначеннымъ скорѣй для удовлетворенія зрѣнія чѣмъ вкуса и которыя братъ-поваръ сдѣлалъ благодаря чуду кулинарнаго искусства. Эти мнимыя мясныя блюда состояли изъ гороховаго пюре, свеклы и другихъ мучнистыхъ овощей, сваренныхъ и выложенныхъ въ формы, придавшія имъ желаемый видъ золотистой, аппетитной коркой; плоды, варенья, пироги изъ ржаной муки и рисовая водка дополняли обѣдъ, къ которому я прибавила двѣ бутылки шартреза, весьма понравившагося бонзамъ.

«Монастырь Го-Кіена подтвердилъ идею составленную мною о буддистскихъ жрецахъ: что всѣ они вы-

ходятъ изъ низшихъ классовъ общества или же набираются среди брошенныхъ или проданныхъ родителями дѣтей, что они страшно грязны и развратны и что, наконецъ, они не имѣютъ никакого вліянія на народъ, который питаетъ къ нимъ ко всѣмъ одинаковое презрѣніе. Это облегчаетъ дѣло нашихъ миссіонеровъ, религія которыхъ основана на чистой нравственности и которые, не смотря на сопротивленіе провинціальныхъ мандариновъ, уравниваютъ, при восторгахъ управляемыхъ, излишній деспотизмъ управителей».

ГЛАВА XI.

Правосудіе и семейство.

Юридическая администрація.—Трибуналь префектовъ.—Право апелляціи.—Уголовный кодексъ.—Законы.—Книга медицины.—Приложеніе наказаній.—Обезглавленіе.—Пытка ножей или медленная смерть.—Палочные удары. Воръ, осужденный на пытку деревяннаго ошейника и кормимый женой.—Судьи, палачи и служители правосудія.—Пекинская полиція.—Нищіе.—Домъ куриныхъ перьевъ.—Пожары.—Патріархальная организація семейства.—Уваженіе къ старикамъ.—Культъ предковъ.—Праздникъ мертвецовъ.—Строгость императорскаго траура.—Страсть китайцевъ къ гробамъ.—Похоронная церемонія.—Низкое положеніе женщины.—Полигамія.—Вдова не должна выходить замужъ.—Помолвка.—Брачныя празднества.—Ошибочное мнѣніе относительно частыхъ случаевъ дѣтубійства. — Благотворительныя учрежденія.

Въ Китаѣ существуетъ прямая связь между приложеніемъ наказаній, правосудіемъ и организаціей семейства. Если государство есть отецъ и мать своихъ подданныхъ, то замѣняющіе его судьи суть отцы и матери управляемыхъ. Всякое покушеніе противъ власти есть покушеніе противъ семейства. Неиспол-

неніе сыновнихъ обязанностей есть одно изъ величайшихъ преступленій предусмотрѣнныхъ и наказываемыхъ закономъ. Вотъ какимъ образомъ уголовный кодексъ опредѣляетъ неуваженіе дѣтей къ родителямъ:

«Преступникъ тотъ, кто оскорбляетъ своихъ близкихъ родныхъ; который начинаетъ противъ нихъ процессъ; который не носитъ погребальнаго траура; который не уважаетъ ихъ памяти; который не исполняетъ своихъ обязанностей относительно того, кому онъ обязанъ воспитаніемъ или которые ему покровительствовали и помогали».

Наказаніе за эти преступленія ужасны; мы поговоримъ о нихъ позднѣе.

Перенеся, такимъ образомъ, семейныя отношенія на политическую почву, китайскіе законодатели создали правительственную машину замѣчательной силы, держащуюся втеченіи тридцати вѣковъ, и которой не могли уничтожить, ни даже серьезно поколебать многочисленные революціи и перемѣны династій, соперничество сѣверянъ съ южанами, громадность имперіи, религиозное безвѣріе, и, наконецъ, эгоизмъ матеріальныхъ интересовъ, въ высшей степени развитый китайской цивилизаціей.

Мы уже упоминали въ прошлой главѣ о кассационномъ судѣ; затѣмъ слѣдуютъ суды, засѣдающіе въ главномъ городѣ каждой провинціи, предсѣдательствуемые специальнымъ судьей, который носитъ титулъ комиссара суда. Другой судья, стоящій ниже его по положенію, исполняетъ обязанность публичнаго обвинителя.

Затѣмъ, въ городахъ второго и третьяго сорта находятся низшіе суды, имѣющіе только одного судью, мандарина или супрефекта департамента. Наказанія, налагаемыя ими, ограниченны и когда преступленіе болѣе важно, то обвиняемаго отправляютъ въ главный городъ провинціи. Если этотъ судъ заявитъ, что онъ за свое преступленіе подвергается смерти, то вся процедура должна быть отправлена въ апелляціонный судъ въ Пекинъ. Послѣдній судить въ послѣдній разъ въ особомъ засѣданіи, такъ что ни одинъ провинціальный судъ не имѣетъ права назначать смертной казни—однако, въ извѣстныхъ случаяхъ, такъ на примѣръ во время вооруженнаго бунта, губернаторъ можетъ получить юридическія права, равныя съ тѣми, какія въ Европѣ вызываются осаднымъ положеніемъ.

Наконецъ, во всѣхъ городахъ есть зала слѣдствія, гдѣ супрефектъ, дѣлающій свой трехмѣсячный объѣздъ, долженъ узнавать обо всемъ, что происходитъ, судить споры и проповѣдывать народу нравственность. Но это прекрасное учрежденіе, представляющее нѣкоторое сходство съ нашими мировыми судами, почти не существуетъ вслѣдствіе ослабленія правительственныхъ функцій и недостатковъ мандариновъ.

Слѣдствіемъ этой юридической организаціи есть то, что супрефектъ пользуется всевозможною исправительною властью въ своей административной юрисдикціи, что вызываетъ громадныя злоупотребленія.

Въ Китаѣ нѣтъ адвокатовъ и, какъ видно, весьма мало судей, поэтому правосудіе самое первобытное и

почти ничѣмъ не гарантируетъ обвиняемаго, правда, друзья или родственники могутъ защищать его дѣло, но на это долженъ согласиться мандаринъ, председательствующій въ судѣ. Что же касается свидѣтелей, то они подвергаются палочнымъ ударамъ, смотря по тому нравятся, или не нравятся ихъ показанія: вообще наиболѣе длинныя показанія наименѣе нравятся мандарину, такъ какъ у него масса дѣлъ и всего его времени не хватило бы рассмотреть ихъ до мельчайшихъ подробностей, поэтому осужденіе или оправданіе зависить отъ низшихъ служителей правосудія, смотря по тому, какъ приготовить они судебную процедуру, за или противъ обвиняемаго, то есть много или мало денегъ они получили.

Существуетъ право апелляціи: осужденный можетъ жаловаться въ провинціальныя суды и даже дойти до пекинскаго кассационнаго суда, но трудности такъ велики, вѣроятности успѣха такъ малы, разстоянія такъ громадны, что почти всѣ преступленія судятся въ судахъ мандариновъ, которымъ поручена мѣстная администрація.

Въ китайскихъ законахъ есть положеніе, которое должно было бы умѣрять злоупотребленіе властей департаментскихъ судовъ. Мандарины могутъ быть судимы только императоромъ и высшимъ судомъ за самыя обыкновенныя преступленія, но эта привиллегія отнимается у нихъ въ томъ случаѣ, когда они совершили одно изъ преступленій, специально упоминаемыхъ въ кодексѣ, какъ-то: возмущеніе, дезертирство, отцеубійство, оскорбленіе величества и даже, когда судья

или президентъ провинціального суда произнесъ ошибочный приговоръ, его присуждаютъ къ извѣстному количеству палочныхъ ударовъ.—Таково наказаніе за юридическую ошибку!

Въ Китаѣ существуетъ большое число законовъ, разсѣянныхъ по императорскимъ эдиктамъ, юридическимъ сборникамъ, экономическимъ книгамъ, но въ сущности говоря нѣтъ настоящаго ни гражданскаго, ни уголовного кодекса: судьи могутъ, какъ угодно широко толковать законъ, весьма растяжимый потому, что онъ плохо опредѣленъ.

Главный сборникъ юриспруденціи—есть книга законовъ династіи Дзинговъ. Она была переведена на англійскій языкъ подъ ошибочнымъ названіемъ: «китайскаго уголовного кодекса». Она раздѣляется на семь отдѣловъ: общіе законы, гражданскіе, фискальные, религіозные, военные, уголовные, и законы объ общественныхъ работахъ.

Къ этой книгѣ приложенъ трактатъ законовъ медицины, имѣющій претензію опредѣлять по осмотру нѣкоторыхъ физическихъ признаковъ: совершенно-ли преступленіе, какъ и при какихъ обстоятельствахъ было оно совершено. Такимъ образомъ утопленникъ, который былъ убитъ, или задушенъ, прежде чѣмъ быть брошеннымъ въ воду, долженъ имѣть совершенно блѣдныя подошвы и пѣну на губахъ—иначе смерть была добровольная, или случайная. Есть также средство, благодаря нѣкоторымъ аптекарскимъ препаратамъ, заставить появиться на трупѣ слѣды ударовъ и ранъ, вызвавшихъ смерть. Цѣль этого трактата, гдѣ

находится множество сказокъ среди остроумныхъ замѣчаній, состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить вскрытіе, крайне противное китайскимъ нравамъ.

Нѣкоторые изъ законовъ, заключающихся въ сборникѣ Дзинговъ, заслуживаютъ быть приведенными. Законъ объ измѣнѣ ужасенъ: виновный въ измѣнѣ, всякій принимавшій участіе въ заговорѣ, имѣющемъ цѣль вызвать государственные беспорядки или посягнуть на особу или на имущество повелителя, подвергается медленной смерти, то есть самымъ ужаснѣйшимъ пыткамъ; всѣмъ его роднымъ мужескаго пола, до третьяго колѣна, отрубаютъ головы и всѣ, кто такъ или иначе осуждается въ соучастіи или потому что не донесъ на преступника, или потому что одобрялъ его преступныя попытки, подвергаются той же казни.

Такимъ образомъ китайскій законъ предписываетъ уничтоженіе всего семейства, одинъ изъ членовъ котораго виновенъ въ измѣнѣ и даже болѣе—онъ допускаетъ нравственное сообщество со всѣми его ужасными послѣдствіями, такъ какъ даже молчаливое одобреніе считается преступленіемъ.

Затѣмъ есть еще страшный законъ, дѣлающій отвѣтственнымъ владѣльца земли, на которой найденъ трупъ; въ такомъ случаѣ онъ долженъ вознаградить семейство жертвы, и если оно останется недовольно, его могутъ вызвать въ судъ. Этотъ законъ вызываетъ множество злоупотребленій: бывали мандарины угваривавшіеся съ жадными родными, чтобы раззорить безконечными процессами и юридическими затрудненіями богатаго землевладѣльца, котораго заставляли

пройти черезъ всё ужасы, уголовного закона. Такимъ образомъ китаецъ, желающій отмстить комунибудь, лучше всего сдѣлаетъ, если тайкомъ положить трупъ на землю; бывали даже люди, которые, изъ мести, убивали себя въ саду, въ комнатѣ своего врага.

Другой, болѣе рациональный законъ, дѣлаетъ отвѣтственнымъ китаецъ въ смерти его слуги. Если одинъ изъ вашихъ слугъ умеръ, вы должны доказать, что его лѣчили, кормили, что причиной его смерти не была какаянибудь жестокость съ вашей стороны.

Всякій, чистосердечно признающійся въ преступленіи, имѣетъ право на смягченіе наказанія. Преступникъ, выдающій своего сообщника, болѣе преступнаго чѣмъ онъ, получаетъ прощеніе.

Мы могли бы привести громадное множество другихъ законовъ противъ просителей мѣсть, противъ нечестныхъ конкурентовъ, противъ торговцевъ продающихъ по фальшивому вѣсу, законы относительно брака, уваженія,—одни отличаются страшной жестокостью, другіе странностью, точно также какъ есть крайне остроумные и либеральные,—но всё эти подробности были бы слишкомъ велики для нашего труда. Скажемъ только, что въ китайскомъ кодексѣ есть смягчающія обстоятельства: право на помилованіе высшаго властелина и крайне обширное право апелляціи.

Правду сказать, что это плохо комбинированный, плохо прилагаемый кодексъ, который исказился вслѣдствіе ослабленія административной централизаціи, превратившейся въ настоящую тиранію и безсовѣстное обирательство со стороны лицъ, которымъ вручено

правосудіе. Власть потеряла свою силу, народъ живеть какъ умбеть, не заботясь о законахъ, которые судьи примѣняютъ по своему капризу. Вотъ до чего дошла въ наше время столь много расхваливаемая юридическая организація китайцевъ.

Въ китайской юриспруденціи есть много достойнаго восхищенія, но за то примѣненіе уголовныхъ законовъ ужасно. На человѣка въ Китаѣ глядятъ какъ на существо чувствительное только къ физической боли и смерти. Законодатель не думаетъ поразить виновнаго въ его чести, въ самолюбіи, даже въ его выгодахъ — лѣстница уголовныхъ наказаній состоитъ главнымъ образомъ изъ ударовъ бамбуковой палкой разной величины, толстымъ или тонкимъ концомъ и отъ десяти до ста ударовъ. Смотря по важности преступленія, или по значенію украденнаго предмета палочные удары даются сейчасъ же и въ присутствіи суда.

Самыя обыкновенныя преступленія ведутъ за собою наказаніе деревяннымъ ошейникомъ, тюрьмой, вѣчнымъ изгнаніемъ въ Манджурію для мандариновъ, совершившихъ политическіе проступки.

Мы сказали раньше, что высшій апелляціонный судъ одинъ можетъ произносить смертный приговоръ, но страданія, которыя могутъ причинять низшіе суды такъ ужасны, палачи такъ изобрѣтательны въ различныхъ пыткахъ, не ведущихъ за собой смерти, тюрьмы такъ ужасны и наконецъ, человѣкъ, присужденный къ пыткамъ ошейника или клѣтки подвергается такимъ ужаснымъ мученіямъ, что когда смертный приговоръ

приходить изъ Пекина—эти несчастные весело идутъ на казнь, какъ будто ихъ послѣднй день есть день освобожденія.

Смертныя казни менѣе ужасны, чѣмъ въ прошломъ вѣкѣ и столь знаменитыя по своей жестокости китайскія смертныя казни состоятъ въ настоящее время изъ трехъ: обезглавленія, задушенія и медленной смерти или пытки ножей.

Задушеніе производится при помощи шелкового шнура, который два палача тянутъ, каждый въ свою сторону, или желѣзнаго ошейника, который сдвливается сзади винтомъ. Послѣдняя казнь представляетъ большую аналогію съ казнью до сихъ поръ употребляемой въ Испаніи.

Задушеніе шелковымъ шнуркомъ существуетъ для принцевъ императорскаго дома, желѣзные ошейники помогаютъ исчезновенію во мракѣ тюрьмы тѣхъ смертныхъ, которыхъ почему нибудь желаютъ скрыть. На общественныхъ площадяхъ только обезглавливаютъ—наказаніе, полагающееся за обыкновенныя преступленія.

Въ Пекинѣ приготовленія къ казни весьма просты. Осужденный на смерть, смотря по положенію, привозится въ телѣжкѣ запряженной муломъ, или приводится пѣшкомъ; его ставятъ на колѣни на землю на перекресткѣ, предназначенномъ для казней; одинъ изъ помощниковъ палача толкаетъ приговореннаго за плечи и беретъ лежащаго на животѣ за косу, тогда какъ другой помощникъ тянетъ его за ноги, въ тоже самое время сильнымъ ударомъ сабли отрубается голова

жертвы. Палачи удивительно ловко владѣютъ своими саблями, слегка кривыми и очень тяжелыми, а положеніе, которое придаютъ осужденному ихъ помощники, не даетъ палачу возможности сдѣлать невѣрный ударъ.

Въ 1859 году, сотни бунтовщиковъ были казнены въ Кантонѣ, въ присутствіи одного изъ переводчиковъ французскаго посольства. Эти несчастные были приравнены къ городскому парапету и три палача въ нѣсколько минутъ обрубили всѣ эти головы.

Головы казненныхъ выставляются на площади казни въ бамбуковыхъ клѣткахъ, висящихъ на длинныхъ шестахъ. Эти ужасныя клѣтки встрѣчаются въ населенныхъ кварталахъ всѣхъ китайскихъ городовъ, очень часто въ центрахъ наиболѣе шумныхъ рынковъ. Такимъ образомъ, китайцы рано осваиваются со смертью; женщины и дѣти въ высшей степени обладаютъ пассивнымъ мужествомъ, заставляющимъ ихъ спокойно смотрѣть въ глаза смерти: для большинства этихъ несчастныхъ смерть ничто иное, какъ конецъ несчастной и печальной жизни.

Медленная смерть или пытка ножей полагается за измѣну или оскорбленіе величества, за отцеубійство или кровосмѣшеніе. Мы видѣли, что великій мандаринъ Су-Шуенъ былъ приговоренъ къ медленной смерти, но что его наказаніе было смягчено обезглавленіемъ.

Казни ножей предшествуетъ жестокая игра, которая должна удваивать мученія осужденнаго. Его крѣпко привязываютъ къ столбу, со связанными руками и ногами, шею притягиваютъ ошейникомъ, затѣмъ судья,

обязанный слѣдить за казнью, вынимаетъ изъ закрытой корзины ножъ, на ручкѣ котораго указана та часть тѣла, которая должна быть поражена палачемъ. Эта ужасная пытка продолжается до тѣхъ поръ, пока случай укажетъ на сердце, или какойнибудь другой жизненный органъ. Впрочемъ, медленная смерть рѣдко примѣняется, такъ какъ по большей части семейство осужденнаго покупаетъ за деньги снисходительность судьи, который устраиваетъ такимъ образомъ, чтобы сразу вынуть ножъ, ударъ которымъ будетъ смертеленъ.

Прежде, во времена древнихъ китайскихъ династій, казни были крайне разнообразны и такъ сказать изысканны: разрубаніе на части, ванны изъ кипящей смолы, сдираніе кожи съ живого, опредѣлялись за прелюбодѣяніе, отравленіе и убійство. Слѣдуетъ быть благодарнымъ императорамъ манджурской династіи, что они смягчили суровость этихъ древнихъ уголовныхъ законовъ.

Скажемъ, однако, въ честь Китая, что смертныя казни въ немъ рѣже, чѣмъ въ другихъ восточныхъ странахъ и что человѣческая жизнь здѣсь почти гарантирована отъ злоупотребленій правительственнаго деспотизма. Правда, что исправительныя наказанія, какъ клѣтка, ошейникъ, а въ особенности палочные удары, раздаются крайне щедро, смотря по капризу мандарина.

«Окрестности Тьенъ-Дзина, говорилъ мнѣ господинъ Тревъ, въ послѣднее время были наполнены многочисленными шайками воровъ; губернаторъ города Чунгъ-

Геу, получивъ изъ Пекина приказаніе дѣйствовать противъ нихъ энергично, послалъ отрядъ солдатъ, которые на удачу забрали въ подозрительной деревнѣ всѣхъ, кто только попался имъ подъ руку. Въ числѣ этихъ несчастныхъ должно было быть много невинныхъ или, по крайней мѣрѣ, большинство были виновны только въ сообщничествѣ съ ворами; нѣсколько безпріютныхъ нищихъ были также арестованы въ городѣ.

«Губернаторъ созвалъ торжественный судъ; виновные были быстро суждены; нѣкоторые присуждены къ обезглавленію, многие—къ деревянному ошейнику, но ни одинъ изъ арестованныхъ не обошелся безъ палочныхъ ударовъ. Эти казни вызвали ужасъ:—воровство и вооруженныя нападенія почти прекратились и хотя нѣскольконевинныхъ пострадали за преступниковъ, Чунгъ-Геу громко хвалился передъ пекинскимъ правительствомъ, что исполнилъ свой долгъ.

«Я присутствовалъ на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій суда; по моей просьбѣ мнѣ было оставлено мѣсто, откуда я могъ видѣть, не будучи видимымъ.

«Зданіе суда не имѣетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго съ точки зрѣнія архитектуры. Оно окружено высокой стѣной, почти въ вышину главнаго зданія. Первый дворъ окруженъ строеніями, служащими тюрьмой, здѣсь видны низкія кельи съ рѣшетками изъ бамбука, куда заключаютъ арестованныхъ на ночь.

«Въ этомъ дворѣ лежала на солнцѣ толпа несчастныхъ, худыхъ, какъ скелеты, съ блѣдными лицами, едва прикрытыхъ грязными лохмотьями. Одни были прикованы за ногу къ желѣзной цѣпи съ такой тя-

жестью на концѣ, что они не могли передвинуться съ мѣста и вертѣлись вокругъ, какъ дикіе звѣри, на протяженіи нѣсколькихъ метровъ. У другихъ были связаны руки и ноги, и они могли ходить только маленькими прыжками, крайне тяжелыми, судя по сокращенію ихъ мускуловъ. У одного изъ этихъ несчастныхъ, правая рука и нога соединялись деревянною доскою величиною въ нѣсколько дециметровъ. Палачъ тащилъ его впередъ за желѣзныя цѣпи, прикованныя къ тяжелому ошейнику, въ которомъ была заключена его шея, тогда какъ другой палачъ толкалъ сзади, чтобы заставить идти. Несчастный съ трудомъ тащился на свободной ногѣ, согнувшись вдвое, въ самомъ тяжеломъ положеніи.

«Въ каждомъ изъ угловъ двора другіе преступники отбывали свое наказаніе въ ошейникѣ, или въ клѣткѣ.

«Я замѣтилъ здѣсь трогательную сцену: какой-то воръ былъ погребенъ живымъ въ деревянной клѣткѣ.

«Представьте себѣ тяжелую опрокинутую чашку, подъ которой гнѣздится человѣческое существо, голова и руки котораго просунуты въ круглыя отверстія, на столько узкія, что онъ не можетъ пошевелить своими членами. Деревянная клѣтка давить ему на плечи; какое бы движеніе онъ ни сдѣлалъ, онъ долженъ тащить ее за собою; желая отдохнуть, онъ долженъ присѣсть на колѣни въ самомъ утомительномъ положеніи; когда хочетъ двигаться, онъ съ трудомъ можетъ поднять эту тяжелую машину.

«Ужасъ охватываетъ при мысли, каково должно быть существованіе человѣка, осужденнаго на мѣсяцъ

подобной пытки! Такъ какъ этотъ несчастный не могъ ни ѣсть, ни пить, то жена его взяла на себя заботу кормить его. Она стояла передъ клѣткой и вынимала изъ принесенной корзинки рисъ и маленькіе кусочки свинины, которые давала ему палочками. Время отъ времени она вытирала кускомъ старой тряпки блѣдное лицо мужа, покрытое потомъ, тогда какъ маленький ребенокъ, привязанный ремнемъ на ея спинѣ, улыбался и игралъ развѣвающимися волосами матери. Это зрѣлище глубоко тронуло меня, но я ускорилъ шаги, чтобы не уступить соблазну возмутиться противъ этихъ жестокостей.

«Входъ въ судъ украшенъ миеологическими картинами. Обѣ половинки дверей съ трескомъ отворились передъ толпой, собравшейся на первомъ дворѣ. Въ глубинѣ большой залы, на возвышенной эстрадѣ, я увидѣлъ Чунгъ-Геу въ парадномъ костюмѣ, окруженнаго совѣтниками и низшими служителями правосудія.

«Передъ нимъ, на столѣ, покрытомъ краснымъ ковромъ, лежала бумага, кисти и палитра для китайскихъ чернилъ, корзинка покрытая матеріей, въ которой лежатъ кодексы и юридическія книги, съ которыми онъ долженъ совѣтоваться, наконецъ большой футляръ съ деревянными, раскрашенными и перемѣченными цифрами кусками.

«За мандариномъ стоялъ его носитель вѣера и двое дѣтей, богато одѣтыхъ въ шелкъ, держащихъ надъ его головой знаки его достоинства.

«На двѣнадцати каменныхъ ступеняхъ, ведущихъ къ эстрадѣ, располагаются: палачъ, легко узнаваемый

по своей шлпфѣ изъ желѣзныхъ проволокъ и красному платью; онъ стоитъ опираясь правой рукой на громадную бамбуковую палку, тогда какъ лѣвая вооружена кривой саблей,—затѣмъ его помощники и секретари, которые всѣ съ ужаснымъ звономъ потрясаютъ различными орудіями пытокъ и испускаютъ страшные крики, чтобы привести въ ужасъ преступниковъ. Вокругъ располагаются полицейскіе въ манджурскихъ шапкахъ съ красными кистями, вооруженные короткими пиками и двумя саблями въ однихъ ножнахъ.

«Внутренность суда отдѣлана красивыми драпировками съ написанными на нихъ изрѣченіями и фонарями изображающими чудовищъ — однимъ словомъ все соединяется, чтобы поразить величественнымъ зрѣлищемъ любопытную и жадную толпу, собирающуюся подъ портиками и въ боковыхъ галлерейхъ.

«Я присутствовалъ въ отдѣльной комнатѣ, помѣщающейся сзади эстрады при осужденіи на казнь десяти воровъ. Я не стану распространяться о пыткахъ, вызванныхъ ихъ отпирательствомъ. Когда обвиняемый продолжалъ отпираться, судья бросалъ одинъ изъ разрисованныхъ кусковъ дерева, или жетонъ, лежавшій на столѣ въ футлярѣ, на которыхъ помѣщается обозначенное количество ударовъ палкой, или родъ пытки, которая должна быть примѣнена.

«Пытки производились сейчасъ же, на глазахъ судей и секретарей, которые тщательно записывали полупризнанія, вырываемыя у жертвъ. Достаточно только сказать, что обвиняемые съ невѣроятнымъ само-

отверженіемъ переносили ужасныя пытки, не признаваясь, не указывая своихъ сообщниковъ, тогда какъ толпа съ крайнимъ равнодушіемъ присутствовала при этихъ ужасныхъ сценахъ. Китайцы глядятъ на нихъ какъ на представленіе: когда виновный сознается, его встрѣчаютъ насмѣшками надъ недостаткомъ мужества; если онъ продолжаетъ молчать, не смотря на пытки, всѣ восхищаются его твердостью.

«Любопытные являются въ судъ на цѣлый день, помѣщаясь во всевозможныхъ позахъ, питаясь принесенной провизіей, громко смѣясь, обращаясь одинъ къ другому.

«Равнодушіе къ смерти и презрѣніе къ боли доходятъ до крайности въ этой странѣ: я много разъ встрѣчалъ въ Пекинѣ толпы осужденныхъ, которыхъ вели на казнь. Эти несчастные оглядывались на меня, указывали пальцами и шептались между собою, какъ будто нѣсколько минутъ не отдѣляли ихъ отъ роковой минуты, заставляющей трепетать каждого человѣка.

«Пекинская полиція довольно хорошо организована и въ этой столицѣ пользуешься такой же безопасностью, какъ и въ главныхъ городахъ Европы. Префектъ полиціи, всегда манджуръ, называетъ себя генераломъ девяти воротъ. У него подъ командой много бригадъ полицейскихъ солдатъ и ти-пао (ночныхъ сторожей) которымъ порученъ присмотръ за извѣстнымъ количествомъ домовъ.

Полицейскіе солдаты, раздѣленные отрядами во множествѣ участковъ, ходятъ патрулемъ всю ночь, а

днемъ поддерживаютъ въ городѣ порядокъ. У нихъ двѣ сабли, пика и кнутъ, которые они не стѣсняются употреблять. Ти-пао сторожатъ каждый въ своемъ кварталѣ, гдѣ даютъ знать о своемъ присутствіи начальникамъ патрулей, приводя въ дѣйствіе висящіе на поясѣ трещотки. Такъ какъ они отвѣтственны за вооруженіе, пожары и всякіе случаи, бывающіе въ ихъ округѣ, то всякая небрежность съ ихъ стороны строго наказывается.

«Во время праздника, даннаго французскимъ консуломъ въ Тьенъ-Дзинѣ, украли фонари, освѣщавшіе парадныя ворота. Ти-пао былъ призванъ и получилъ приказаніе найти воровъ втеченіи трехъ дней, подъ опасеніемъ быть битымъ палками. Спустя данное время несчастный, несумѣвшій найти преступниковъ, принесъ въ консульство на собственной спинѣ два громадныхъ фонаря, сдѣланныхъ на свой счетъ, черная раскраска которыхъ еще не высохла. Понятно, что послѣдствія подобной отвѣтственности удваиваютъ усердіе ночныхъ сторожей.

«Пекинскія ворота запираются каждый вечеръ послѣ известнаго часа и тогда довольно трудно передвигаться по пекинскимъ улицамъ. Полиція, запрещающая ночныя сборища, имѣетъ право спросить васъ куда вы идете и арестовать, если вы не можете сказать причины, которая заставляетъ васъ быть на улицѣ въ такой поздней часъ, къ тому же ти-пао закрываютъ и открываютъ загородки между кварталами только за деньги. Ночь создана для того, чтобы спать — эта аксіома китайскихъ философовъ строго примѣняется

ся въ администраціи—поэтому мандарины, какъ и самыя простыя рабочіе, поднимаются съ разсвѣтомъ. Что касается до чистоты, то она многого заставляетъ желать: въ Пекинѣ улицы полны всевозможной грязи и малѣйшій вѣтеръ поднимаетъ облака пыли. Нѣтъ ни метельщиковъ, ни общественной поливки; однако, обывателямъ повелѣвается, подѣ страхомъ палочныхъ ударовъ, поливать улицу передъ ихъ воротами...

Двѣ вещи крайне неудобныя въ китайской столицѣ—нищіе и пожары. Утромъ городъ въ нѣсколько минутъ наполняется толпою слѣпыхъ, однорукихъ, хромыхъ, безногихъ, параличныхъ, прокаженныхъ, эпилептиковъ, которые съ первыми лучами солнца вырываются изъ лачужекъ, въ которыхъ полиція помѣщаетъ ихъ на ночь и распространяются по кварталамъ, устанавливаются у дверей дворцовъ, хозяевъ которыхъ оглушаютъ настойчивостью своихъ просьбъ и множествомъ жалобъ.

Нищенство не только не запрещается, но покровительствуется правительствомъ. Въ Китаѣ нищіе образуютъ громадную ассоціацію, имѣющую опредѣленные правила: у нихъ есть король по выбору и казначей, обязанный раздѣлять милостыню и припасы. Когда въ городѣ происходитъ беспорядокъ или воровство, префектъ беретъ прямо за короля нищихъ—отвѣчающаго за своихъ подданныхъ.

Весь Пекинъ имѣетъ видъ громаднаго двора чудесъ и въ первое время пребыванія въ немъ, видъ всей этой нищеты, всѣхъ этихъ истинныхъ и притворныхъ ранъ вызываетъ глубокое отвращеніе. Однако, мало-

по-малу, ко всему привыкаешь и кончаешь тѣмъ, что бросаешь презрительно, какъ богатый китаецъ, нѣсколько сапековъ толпѣ бѣдняковъ, не безпокоясь нисколько ихъ страданіями.

Въ китайскихъ нищихъ вы встрѣчаете большое разнообразіе типовъ, цѣлый хаосъ лохмотьевъ, общій видъ отталкивающей и смѣшанный: то это маленькій карликъ не болѣе двухъ футовъ, толстый, лоснящійся, идущій держа за руку худого великана, у котораго можно пересчитать всѣ кости; оба они покрыты грубой тканью изъ верблюжьяго сукна, точно больные изъ госпиталя, но въ сукнѣ столько дыръ, оно такъ пропитано всякой грязью, что монголь, употреблявшій его на попону лошади, продалъ какому нибудь старьевщику, вѣроятно потому, что находилъ слишкомъ грязнымъ, — этого кажется достаточно! Великанъ останавливается, раскрываетъ громадный ротъ и чтобы показать какъ онъ голоденъ, ѣстъ уличную грязь и жадно роется въ кучѣ нечистотъ, тогда какъ карликъ, чтобы привлечь сапеки, танцуетъ со смѣшными жестами, испуская рѣзкіе крики.

Далѣе, мнимый эпилептикъ катается въ пыли въ невозможныхъ конвульсіяхъ. Затѣмъ, цѣлый рядъ слѣпыхъ, загораживающихъ улицу и идущихъ подъ предводительствомъ кривого. Всѣ слѣпые специально музыканты, мучащіе васъ самой ужасной музыкой.

Много нищихъ попадается въ населенныхъ частяхъ города почти совершенно голыхъ, въ разодранныхъ панталонахъ и никто не оскорбляется этимъ видомъ. Чтобы привлечь вниманіе, они ударяютъ ладонями по

своему голому тѣлу. Если эти звучные щелчки не привлекають милостыни прохожихъ, то они преслѣдуютъ ихъ проклятіями.

Эти бѣдняки, слишкомъ мало одѣтые, отпускаящіе бороду и волосы, безъ сомнѣнія образуютъ особое племя. Я много разъ раздавалъ имъ платье и на другой день они снова появлялись въ прежнемъ костюмѣ и даже немножко менѣе одѣтыми.

Ничто не можетъ дать понятія о той ловкости, съ которой китайскіе нищіе представляютъ изъ себя калѣкъ. Одинъ мандаринъ увѣрялъ, что запершись у себя въ логовищахъ, слѣпые видятъ, безногіе ходятъ, безрукіе снова приобрѣтаютъ руки, горбатые теряютъ горбы, а прокаженные приобрѣтаютъ естественный цвѣтъ лица.

Нищіе помѣщаются вдоль стѣнъ китайскаго города; тамъ они живутъ въ ужасныхъ лачугахъ, построенныхъ изъ всякаго мусора. Ихъ кварталъ отдѣленъ отъ города воротами, которыя караулятъ полицейскіе солдаты; всѣ тѣ, которые изъ нихъ окажутся ночью въ Пекинѣ, наказываются палочными ударами.

Внѣ воротъ Чи-Гуа, въ предмѣстьи татарскаго города, помѣщается самое любопытное филантропическое учрежденіе — это домъ куриныхъ перьевъ. Представьте себѣ два громадныхъ деревянныхъ сарая, построенныхъ изъ неочищенныхъ отъ коры бревенъ и и покрытыхъ щепками, тщательно прикрѣпленными. Вся земля убита и покрыта толстымъ слоемъ птичьихъ перьевъ, купленныхъ антрепренеромъ на всѣхъ рынкахъ и ресторанахъ Пекина. Какъ только прибило

одиннадцать часовъ, гасятъ огни, толпа нищихъ бросается въ это убѣжище, гдѣ за одинъ сапекъ, бросаемый при входѣ, получаетъ убѣжище на ночь. Когда всѣ вошли, сторожъ опускаетъ, при помощи механизма, большой кусокъ войлока въ размѣръ залы, это общественное одѣяло остается висящимъ на разстояніи нѣсколькихъ пальцевъ надъ головами спящихъ, которыхъ защищаетъ противъ вѣтра, холода и дождя, легко проходящаго, впрочемъ, сквозь дыры этой крышки. Перья и соединеніе всѣхъ этихъ человѣческихъ тѣлъ поддерживаютъ удушливый жаръ.

Надо видѣть вечеромъ, когда полицейскіе приводятъ толпы запоздавшихъ нищихъ, какъ движется, шумитъ и кричитъ эта дикая толпа. Чтобы понять, что такое домъ куриныхъ перьевъ, когда лучи фонарей падаютъ въ эту глубокую яму, въ которой, какъ въ отверстіи шахты, движутся сотни живыхъ существъ, надо вообразить себя у входа въ адъ. Это какая-то беспорядочная куча рукъ, ногъ, головъ; тутъ собрались всевозможныя убожества, всѣхъ возрастовъ и половъ.

И когда несчастные, которыхъ солдаты толкаютъ палками, влетаютъ въ эту кучу, ихъ встрѣчаютъ хоромъ проклятій и брани, и можно подумать, что все рушится и вы бросаетесь къ двери счастливые, что можете избавиться отъ этого ужаснаго запаха, отъ вида и криковъ этого ада. Невольно кажется, не сонъ ли это.

Пожары крайне часты на сѣверѣ Китая. Плохое расположеніе трубъ и канговъ, кирпичи которыхъ не-

достаточно толсты и накаляясь передают огонь балкамъ, на которыхъ лежатъ, затѣмъ частое употребленіе ракетъ и фейерверковъ, устраиваемыхъ безъ всякихъ предосторожностей, даже въ домахъ, наконецъ и главнымъ образомъ, легко воспламеняющіеся матеріалы, изъ которыхъ состоятъ китайскія жилища, всѣ деревянные, съ бумажными окнами—достаточно объясняютъ частые случаи пожаровъ.

Въ Пекинѣ не проходитъ ночи, чтобы не слышно было усиленнаго стука трещотокъ и крика ночныхъ сторожей, дающихъ знать о пожарѣ, тогда какъ вдали глухо раздается звукъ гонга сторожевой башни. Ревъ толпы, прерываемый этими звуками, еще ужаснѣе набата.

Какъ только начался пожаръ, изъ cadaго квартала города выходятъ бригады пожарныхъ, бѣгущихъ гимнастическимъ шагомъ. Насосы очень тяжелые и большой силы ставятся на бамбуковыя носилки, которыя несутъ десять или двѣнадцать носильщиковъ; точки опоры и равновѣсія такъ хорошо разочтены при этихъ переносахъ, что ходъ ни мало не замедляется. Носильщикамъ предшествуетъ и слѣдуетъ за ними остальная часть бригады, вооруженная топорами, орудіями разрушенія и фонарями.

Каждый городской кварталъ имѣетъ свою бригаду пожарныхъ и насосовъ. Эти пожарные, не имѣющіе формы, составляютъ специальную милицію и обязаны, подъ страхомъ строгаго наказанія, являться по первому сигналу. Что касается до насосовъ, которые кажутся подражаніемъ нашимъ, то они имѣютъ фор-

му драконовъ, или морскихъ змѣй, имена которыхъ и носятъ.

Общая организація пожарныхъ хороша, но ей не достаетъ хорошаго управленія: начальники не умѣютъ ни приказывать, ни заставлять себя слушаться и въ то время, какъ полицейскіе солдаты отгоняютъ воровъ, желающихъ воспользоваться беспорядкомъ, образуются цѣпи, наполняютъ водою бочки, въ которыя опущены концы насосовъ и караулятъ вынесенныя вещи,—пожарные снимаютъ бамбуковыя балки, выламываютъ двери, влѣзаютъ на крыши, чтобы поливать оттуда внутрь жилища и дѣлаютъ все это такъ усердно, что приводятъ въ отчаяніе хозяевъ, такъ какъ разоряютъ жилища часто отстоящія болѣе чѣмъ на сто метровъ отъ мѣста пожара.

Но что удивительнѣе всего, это быстрота, съ которою возобновляютъ разрушенные дома. Землю уравниваютъ какъ по волшебству; плотники начинаютъ работать еще на горячей почвѣ и, черезъ нѣсколько дней, выгорѣвшій кварталъ покрытъ уже новыми зданіями,— правда, что матерьялы не тяжелы и не затруднительны для переноски.

Мы сказали вначалѣ этой главы, какимъ образомъ китайскіе законы утвердили императорскую власть на сыновнемъ уваженіи, столь сильномъ въ Китаѣ. Уваженіе старости сдѣлалось государственнымъ закономъ.

На улицахъ Пекина часто встрѣчаются безсильные старцы, слишкомъ бѣдные, чтобы нанять носилки, которыхъ возятъ въ ручныхъ телѣжкахъ малень-

кія дѣти. По дорогѣ они выслушиваютъ похвалы всѣхъ молодыхъ людей, которые прекращаютъ свои игры и развлечения, принимая почтительныя позы. Правительство первое поощраетъ эти чувства, давая желтое платье очень старымъ старикамъ. Желтое платье (цвѣтъ членовъ императорскаго семейства) есть высшее отличіе, которое могутъ дать патриарху.

Всякій китаецъ, достигнувшій семидесяти лѣтъ, даетъ торжественное празднество своему семейству и друзьямъ. Онъ достигъ почтенныхъ лѣтъ и, если онъ всю жизнь собиралъ богатства, если у него много дѣтей—онъ по мнѣнію народа достигъ высшей степени счастья, которымъ можно пользоваться на этомъ свѣтѣ. По этому продолжительная жизнь по китайскимъ понятіямъ есть счастье и тамъ, гдѣ европеецъ видитъ только конецъ жизни и необходимость лишать себя дѣятельныхъ развлеченій, которыя дѣлаютъ жизнь пріятною, китаецъ наслаждается тѣмъ, что можетъ провести остатокъ жизни въ сладкомъ отдохновеніи. Столь распространенный культъ предковъ, составляющій религію домашняго очага, обязанъ своимъ происхожденіемъ тѣмъ же идеямъ.

Что можетъ быть трогательнѣе этого уваженія къ предкамъ, этой постоянной памяти о нихъ и молчаливаго участія, которое имъ приписываютъ въ судьбахъ семейства. Нѣтъ такой бѣдной хижины, гдѣ дощечки, на которыхъ вырѣзаны имена предковъ, начиная съ того, который считается основателемъ семейства, до покойнаго дѣда, не занимали бы почетнаго мѣста въ нишѣ, въ глубинѣ комнаты; у богатыхъ есть цѣлая

отдѣльная комната, нѣчто въ родѣ домашняго святилища, въ которомъ помѣщаются семейные портреты и святыни. Передъ богато украшеннымъ алтаремъ, на которомъ постоянно горятъ зажженные лампы въ различные времена существуетъ обычай курить благоуханіями и дѣлать земные поклоны

Находящійся въ живыхъ глава семейства не принимаетъ никакого важнаго рѣшенія, не отправившись обдумать его въ храмъ предковъ, которыхъ онъ такимъ образомъ какъ бы призываетъ принять участіе во всемъ хорошемъ и дурномъ, случающемся съ ихъ потомками.

Въ XVIII вѣкѣ этотъ культъ и уваженіе къ памяти Конфуція вызвали споры между католическими миссіонерами: одни хотѣли терпѣть ихъ, какъ вполне невинные, другіе осуждали какъ идолопоклонство и послѣднихъ поддерживалъ римскій дворъ. Эти несчастные споры вызвали неудовольствіе китайскаго правительства, которое увидѣло въ нихъ признакъ нетерпимости и начало гоненіе противъ христіанъ.

Домашнее почитаніе предковъ не исключаетъ заботъ о ихъ могилахъ. Въ Апрѣлѣ празднуется праздникъ чангъ-фе или мертвецовъ: всѣ мужчины, женщины, дѣти, даже животныя украшаются маленькими вѣтками плакучей ивы—символь горя и воспоминанія—затѣмъ всѣ отправляются на могилы предковъ, тщательно содержимыя, украшаемыя цвѣтами. На этотъ случай окружающую ихъ землю украшаютъ золоченой бумагой, жгутъ свѣчи и куски ладона и даже ставятъ на могилы блюда и вазы съ вкусными кушаньями.

Этикетъ траура тщательно соблюдается. Онъ продолжается послѣ отца или матери три года и втеченіе этого времени даже мандарины не могутъ исполнять никакихъ общественныхъ обязанностей; они обязаны жить въ уединеніи, никого не посѣщать и прекращать свои официальные сношенія. Наиболѣе принятый для траура цвѣтъ—бѣлый.

Когда умеръ императоръ Гіенъ-Фунгъ, во всемъ Китаѣ былъ объявленъ трауръ. Эти предписанія крайне суровы: никто не можетъ брить себѣ голову втеченіи девятидвухъ дней. Всякія семейныя празднества запрещены втеченіи одного года и одного дня; общественныя празднества, театральныя и другія представленія закрываются на три года; въ судахъ наступаютъ вакаціи и въ теченіе промежутка времени, опредѣленнаго закономъ, не можетъ быть совершено ни одного брака. Одинъ смотритель китайскихъ магазиновъ въ посольствѣ, узнавъ, что императоръ чувствуетъ себя плохо и спѣша жениться, просилъ отпуска, чтобы отправиться какъ можно скорѣй, но такъ какъ, слѣдуя китайскому обычаю, онъ не видалъ невѣоты и не имѣлъ времени разузнать о ней хорошенько, то черезъ нѣсколько дней возвратился съ жалкимъ видомъ, говоря, что его жена нехороша, немолода и что его страшно обманули.

Ничто не можетъ сравниться съ удивительнымъ спокойствіемъ китайцевъ передъ смертью: больные умираютъ спокойно, безъ борьбы, съ фатализмомъ, составляющимъ одну изъ чертъ восточныхъ расъ. Отецъ Гюкъ рассказываетъ, что одинъ изъ христіанскихъ не-

озитовъ призвалъ его для послѣдняго напутствія; ему сказали, что больной пересталъ курить трубку, то есть, что онъ очень опасенъ.

Въ другихъ странахъ не любятъ говорить о гробахъ—этотъ мрачный предметъ стараются по секрету внести въ домъ и скрывать отъ взглядовъ умирающаго; въ Китаѣ же, напротивъ, его выставляютъ. У богатей, близъ храма предковъ, находится комната гробовъ, гдѣ уставлены и перенумерованы гробы всѣхъ членовъ семейства.

Китаецъ откладываетъ деньги, чтобы купить себѣ болѣе богатый гробъ и сынъ не можетъ сдѣлать больному и старому отцу лучшій подарокъ, какъ купивъ ему гробъ на деньги, заработанныя своимъ трудомъ. Эти трофеи смерти служатъ украшеніемъ дома и надо видѣть, какъ тщательно они вырѣзаются, позолочиваются и раскрашиваются яркими цвѣтами.

На похоронномъ празднествѣ—первый случай для китайца показать свою роскошь и выставить свои богатства: бывали семейства, раззорившіяся для того, чтобы достойно отпраздновать смерть одного изъ своихъ членовъ. Съ утра общество похоронныхъ процессій устраиваетъ у дверей дома покойника нѣчто вродѣ триумфальной арки изъ циновокъ, подъ которою нанятые музыканты играютъ печальныя и торжественныя аріи.

Первая комната, драпированная во всю вышину, вмѣщаетъ въ себѣ друзей и знакомыхъ покойнаго, портретъ котораго помѣщается надъ статуями домашнихъ боговъ и алтаремъ предковъ. Обильный обѣдъ подаетъ

ся на столахъ, накрытыхъ заранѣе и всѣ гости должны изъ приличія сѣсть и ѣсть, такъ какъ предполагается, что мертвецъ, передъ портретомъ котораго ставятъ его любимыя блюда, принимаетъ васъ и ѣсть вмѣстѣ съ вами. Гроба не видно, такъ какъ онъ стоитъ въ отдаленной комнатѣ; вскорѣ звуки гонга дадутъ знать объ отправкѣ кортежа.

Во главѣ двигаются носильщики знаменъ и разрисованныхъ щитовъ, на которыхъ написаны похвальные надписи въ честь покойника, за ними слѣдуетъ толпа музыкантовъ съ духовыми инструментами и неизбѣжнымъ тамтамомъ, играющимъ безостановочно немного монотонныя, но крайне мрачныя мелодіи. Затѣмъ слѣдуютъ бонзы, несущіе на спинахъ жертвенники и статуи божествъ. Они предшествуютъ гробу подъ громаднымъ катафалкомъ изъ шелковой матеріи съ кистями; позолота, самые веселые и яркіе цвѣта украшаютъ похоронную колесницу и катафалкъ. Эту тяжелую машину несутъ на рукахъ, какъ паланкинъ и нужно по крайней мѣрѣ сорокъ человѣкъ, которые несутъ ее по очереди. Толпа плакальщицъ съ опущенными головами и покрытыхъ покрывалами слѣдуетъ за гробомъ, сопровождая музыку своими гнусливыми криками. Наконецъ слѣдуетъ семейство покойнаго въ носилкахъ, задрапированныхъ бѣлой матеріей; считается приличнымъ, чтобы родственники покойнаго не показывались, вслѣдствіе горя, которое они чувствуютъ, или, предполагается, что должны чувствовать.

Все происходитъ въ величайшемъ молчаніи; китайцы, такъ любящіе ракеты, въ этихъ случаяхъ не пус-

каютъ ихъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы эти похороны были похоронами богача или мандарина—бѣдный рабочій всю жизнь отказываетъ себѣ, не наѣдается до сыта, чтобы имѣть хорошіе похороны, а нищій, чувствующій, что смерть приближается, лучше всего можетъ возбудить состраданіе, говоря, что ему не на что купить себѣ приличнаго гроба.

Похороны знатныхъ особъ происходятъ съ особенной роскошью и торжествомъ. Впереди несутъ всѣ предметы, которыя служили имъ втеченіе жизни: мебель, мундиры, оружіе, знаки ихъ достоинства. Нѣсколько тысячъ человѣкъ сопровождаютъ кортежъ, но въ числѣ ихъ никогда не бываетъ солдатъ, даже для военныхъ мандариновъ.

Въ Пекинѣ нѣтъ общественныхъ кладбищъ: большіе и тяжелые гробы покрываются смѣсью, которая дѣлаетъ ихъ непроницаемыми для воздуха и позволяетъ долго сохранять въ домахъ. Поэтому богатые люди иногда оставляютъ тѣла любимыхъ родственниковъ у себя въ домѣ. Существуетъ обыкновеніе хоронить умершихъ за городомъ, въ саду, принадлежащемъ семейству; что касается бѣдныхъ, не имѣющихъ ни куска земли, то ихъ гробы ставятъ въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ или даже бросаютъ въ пекинскіе рвы. Обходя окрестности, взглядъ поражается множествомъ могилъ, разсѣянныхъ по всюду. Эти маленькія, коническія возвышенія покрыты травой и окружены плакучими ивами. Гробъ, поставленный прямо на землю, безъ ямы, покрывается землею, но проливные дожди, сопровождаемые большими засухами,

смыываютъ землю, размываютъ мастику, дерево лопается и трупы гниютъ на открытомъ воздухѣ—это отвратительное зрѣлище, къ которому надо привыкнутьъ. Въ Китаѣ правительство не дѣлаетъ ничего, чтобы удалить эти отвратительные остатки смерти, столь же непріятные на видъ, какъ и опасные для общественнаго здравія.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, говорятъ, существуютъ филантропическія общества, погребаящія мертвецовъ, но единственное, что мы сами могли констатировать— это спекуляціи извѣстнаго сорта ремесленниковъ, которые, за довольно большую плату, сохраняютъ въ особыхъ, приспособленныхъ для этого, помѣщеніяхъ тѣла купцовъ или богатыхъ жителей отдаленныхъ провинцій, умершихъ во время путешествія и которыхъ ихъ семейства требуютъ и перевозятъ домой съ большими издержками.

Брачныя церемоніи празднуются далеко не такъ торжественно, какъ похороны. Положеніе женщинъ въ Китаѣ весьма низко; есть пословица, говорящая: дѣвушка должна быть покорна родителямъ, жена—мужу, мать—сыну. Женщина считается существомъ низшимъ, чѣмъ мужчина, ея рожденіе есть несчастіе; дѣвушка должна быть въ тягость семейству, такъ какъ должна жить въ заключеніи до свадьбы и такъ какъ она не занимается никакимъ ремесломъ, то не можетъ вознаграждать родителей за причиняемые имъ издержки. Она живетъ въ уединеніи въ родительскомъ домѣ, ѣсть одна, считается служанкой, исполняетъ ея обязанности; все ея образованіе заключается

въ умѣннѣ обращаться съ иглой и готовить пищу: правительство, придающее такое большое значеніе народному образованію и съ такимъ стараніемъ умножающее количество школъ и заведеній для воспитанія, не подумало о дѣтяхъ женскаго пола.

Женщина есть собственность отца, брата, мужа, она даже не имѣетъ гражданскаго положенія: ее выдаютъ замужъ не спрашивая, не познакомивъ съ будущимъ мужемъ, даже не сказавъ ей его имени. Въ богатыхъ семействахъ замужнихъ женщинъ совершенно запираютъ на своей половинѣ; въ рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ мужъ дозволяетъ посѣщать другъ друга, или родныхъ, онѣ оставляютъ домъ въ герметически закрытыхъ носилкахъ.

Китайцы высшаго круга очень ревнивы *); что касается ихъ женъ, то онѣ живутъ въ самомъ отдаленномъ зданіи и ни одинъ изъ членовъ европейской дипломатіи не имѣлъ случая, не смотря на ежедневныя сношенія и нѣкоторую близость съ мандаринами, видѣть ихъ женъ и дочерей, даже пожилыхъ женщинъ ихъ семействъ. Во время войны, когда европейскіе офицеры проникали повсюду, молодыя женщины прятались въ сундуки или подъ кучу платья, однако, мало-по-малу, онѣ привыкли къ европейскимъ физіономіямъ и, въ послѣднее время европейскаго занятія, каждый разъ, когда проходила мимо военная музыка, маленькія ручки отворяли окна и хоршень-

*) При прежней династіи были евнухи, но манджурскіе императоры уничтожили это варварское учрежденіе.

кія головки съ длинными, темными косами выглядывали, чтобы послушать.

Совсѣмъ не то, въ низшихъ классахъ: женщины выходятъ съ открытыми лицами—свобода, которую онѣ покупаютъ дорогой цѣной, цѣной работы, на которую онѣ осуждены. Эти несчастныя существа, служащія вьючными животными для своихъ мужей, въ двадцать лѣтъ уже старухи.

Въ Китаѣ существуетъ многоженство, хотя не признается закономъ, который только терпитъ его въ исключительныхъ случаяхъ. Сколько бы ни имѣлъ знатный мандаринъ женъ, онъ всегда имѣетъ только одну законную супругу—первую, китайцы зовутъ остальныхъ—женами втораго сорта; онѣ обязаны повиноваться законной женѣ, которая одна не можетъ быть выгнана безъ законной причины. Законъ ничего не говоритъ о другихъ, съ которыми мужъ можетъ поступить по своему капризу.

Вдовы не должны вторично выходить замужъ—это считается безчестнымъ и навлекло бы на нихъ всеобщее презрѣніе. Законъ даже запрещаетъ вдовамъ мандариновъ подобныя свадьбы, такъ какъ честь, которой онѣ пользовались, живя съ человѣкомъ почтеннымъ и приличнымъ, должна быть для нихъ достаточна.

Браки, или по крайней мѣрѣ помолвки, часто заключаются прежде, чѣмъ обѣ стороны достигли возраста зрѣлости. Это зависитъ отъ условія между родителями и такъ какъ повиновеніе дѣтей полнѣйшее, то имъ

даже не приходитъ въ голову противиться придуманнымъ для нихъ планамъ.

Церемонія помолвки считается окончательнымъ бракомъ: никто не осмѣлится оспаривать святости обѣщанія, которое на столько торжественно, что невѣста, теряющая жениха, уже не можетъ выйти замужъ.

Послѣ помолвки, въ семействѣ назначается день брачнаго празднества, которое иногда откладывается на нѣсколько лѣтъ. Это зависитъ отъ воли родителей, отъ гороскоповъ жениха и невѣсты и предсказаній императорскаго альманаха, дающаго ихъ на каждую недѣлю и каждый день года и обозначающаго счастливые и несчастные дни года.

Китайка не приноситъ съ собою никакого приданнаго, напротивъ, родные мужа платятъ известную сумму, чтобы купить ее, дѣлаютъ подарки изъ матеріи, мебели и провизіи. Если отецъ невѣсты не имѣетъ дѣтей мужескаго пола, — которые получаютъ наследство за полнымъ исключеніемъ дочерей — онъ заранѣе обѣщается оставить ей часть своего состоянія, такъ какъ онъ скорѣе предпочтетъ отдать племянникамъ или другимъ родственникамъ мужескаго пола все свое имущество, чтобы быть убѣжденнымъ, что его наследники исполнятъ обычныя церемоніи надъ его могилой и передъ алтаремъ предковъ, для которыхъ женщина считается недостойной.

Предварительныя переговоры ведутся свахами, называемыми мей-джинъ и только, когда взаимныя условія приняты, семейства обмѣниваются визитами. Всѣ могутъ видѣть молодую дѣвушку, исключая только ея

жениха: онъ долженъ довольствоваться рассказами о ней.

Брачныя церемоніи весьма разнообразны по формѣ, смотря по провинціямъ: въ Пекинѣ новобрачная торжественно отправляется къ дому супруга, который принимаетъ ее у дверей. Она разодѣта въ брачное платье, вышитое золотомъ и серебромъ, ея длинныя черныя косы украшены драгоценными камнями и искусственными цвѣтами (если у родныхъ нѣтъ драгоценностей, то ихъ обыкновенно берутъ на прокатъ у закладчиковъ), ея лицо набѣлено, губы выкрашены, брови подчернены, платье надушено мускусомъ. Паланкинъ, богато отдѣланный, окруженный музыкантами, ждетъ ее у дверей; она подходитъ къ матери, которая надѣваетъ ей на голову брачное покрывало, которое закрываетъ ее съ головы до ногъ.

По обычаю, мать и дочь должны разливаться въ жалобахъ, и скромная новобрачная должна быть силой уведена изъ родительскаго дома; поступить иначе, значило бы поступить противъ законовъ добродѣтели и приличія.

Въ ту минуту, когда паланкинъ достигаетъ дверей дома, мужъ пускаетъ фейерверкъ и зрители дѣлаютъ какъ можно больше шума, чтобы выказать свою радость. Супруга должна четыре раза преклонить колѣна передъ своимъ мужемъ и повелителемъ; онъ встрѣчаетъ ее, затѣмъ оба молятся передъ алтаремъ предковъ, совершаютъ предписанныя обычаемъ возліянія и пьютъ священное вино изъ одного бокала.

Большой обѣдъ, за который собираются мужчины

приглашенныхъ семействъ, заканчиваетъ день; женщины ѣдятъ отдѣльно и только въ брачной комнатѣ супруга снимаетъ покрывало, которое закрываетъ во время всей церемоніи ея лицо и фигуру.

Хотя рожденіе дѣвочекъ считается несчастіемъ, хотя китайскія женщины очень плодovitы, но, не смотря на голодъ и нищету, дѣтоубійства далеко не такъ обычны въ Пекинѣ и вообще на сѣверѣ Китая, какъ это утверждали миссіонеры. Отецъ Гюкь, посѣтившій всѣ провинціи этой обширной имперіи и въ совершенствѣ знающій ея нравы и обычаи, заявляетъ, въ интересахъ истины, что онъ никогда не видѣлъ новорожденнаго ребенка, умершаго за недостаткомъ ухода.

Описанія путешествій, напечатанныя въ началѣ этого вѣка, говорили, будто въ Пекинѣ существуетъ колодець, куда полицейскіе солдаты бросаютъ живыми дѣтей, оставленныхъ на улицахъ и которымъ удалось ускользнуть отъ жадности свиней и собакъ, выпускаемыхъ ночью на улицы, чтобы пожирать эти невинныя жертвы. Недавнее пребываніе европейцевъ въ столицахъ Китая, констатировало, что эти ужасныя обвиненія были несправедливы или же опирались на преувеличенные факты. Дѣло въ томъ, что во время большаго голода, въ родѣ того, отъ котораго страдала провинція Пе-ше-ли, въ началѣ этого вѣка было много случаевъ дѣтоубійства, вызвавшихъ за собою императорскій эдиктъ противъ этихъ ужасныхъ преступленій, но изъ этого напрасно заключили, что такія преступленія обычны въ Китаѣ во всякое время.

Въ Пекинѣ есть госпиталь, называемый Юнь-тангъ, для подкидышей, гдѣ государство содержитъ на свой счетъ кормилицъ: дѣти, которыхъ не берутъ на воспитаніе частныя лица, воспитываются здѣсь до совершеннолѣтія; къ тому же родители не имѣютъ права жизни и смерти надъ дѣтьми, какъ это утверждали: уголовный кодексъ полагаетъ наказаніе ста палочныхъ ударовъ и изгнаніе отцу или матери осужденнымъ за причиненіе смерти ребенку дурнымъ обращеніемъ.

Скажемъ наконецъ, что чувство милосердія далеко не такъ чуждо китайцамъ, какъ это говорили: въ столицѣ, кромѣ госпиталя для брошенныхъ дѣтей, находятся различныя другія филантропическія заведенія: убѣжище для стариковъ и слабыхъ, госпиталь для прокаженныхъ, общество для погребенія бѣдныхъ и даровыя школы.

ГЛАВА XII.

Костюмы, церемоніаль, обычаи.

Наружность сѣверныхъ китайцевъ.—Коса.—Тридцать семь волосковъ императорскихъ усовъ.—Подушки, мѣха и капюшоны.—Мужской костюмъ.—Отсутствіе бѣлья.—Парадный костюмъ.—Красота женщинъ.—Уродованіе ногъ.—Прическа.—Описаніе костюма манджурской принцессы.—Очки, кошелки, вѣера.—Курительный и нюхательный табакъ.—Курильщики опиума.—Меблировка.—Крайняя лѣньность богатей.—Паланкины.—Фонари.—Страсть къ картамъ.—Кости, карты и домино.—Рисовое вино и водка изъ сорго.—Отвращеніе китайцевъ къ холоднымъ напиткамъ.—Купальные и чайные дома.—Обѣдъ въ китайскомъ ресторанѣ.—Кухня и сервировка.—Ночной развратъ.—Корейскіе послы въ Пекинѣ.—Этикетъ мандариновъ.—Крайняя вѣжливость.—Трудность сношеній съ рабочимъ классомъ.—Обѣдъ, заданный господину Треву великимъ мандариномъ Генъ-и.

Между жителями восемнадцати провинцій Китая существуетъ громадная разница въ нравахъ, обычаяхъ и языкѣ. Жители Кантона не похожи на шанхайцевъ, которые еще болѣе разнятся отъ пекинцевъ.

Многіе писатели, писавшіе о Китаѣ, слишкомъ обобщили свои замѣчанія и изъ того, что они видѣли

въ приморскихъ городахъ, сдѣлали выводы и о внутренней части имперіи, не считая того, что множество мѣстныхъ, или чисто случайныхъ, обычаевъ были дурно истолкованы европейцами. Путешественники, слыша, что китайцы ѣдятъ крысъ, жареныхъ червей, жаркое изъ тигра, благодаря невольной работѣ воображенія перенесли за китайскій столъ, за которымъ обѣдали всего одинъ разъ, эти странныя блюда, которыя никогда не фигурируютъ на немъ.

Китаецъ весьма склоненъ къ насмѣшкѣ. Часто онъ серьезно рассказываетъ смѣшную исторію, надъ которою самъ послѣ будетъ смѣяться въ отвѣтъ на настойчивый вопросъ иностранца. Такимъ образомъ множество всевозможныхъ басенъ распространилось въ Европѣ и такъ какъ онѣ льстятъ человѣческой любви къ странностямъ, то пройдетъ много времени, пока онѣ выйдутъ изъ обращенія.

Сѣверные китайцы высоки и хорошо сложены; цвѣтъ ихъ лицъ, гораздо свѣтлѣ цвѣта лицъ южныхъ и они кажутся сильнѣе. Однако, отъ частой смѣси съ татарами, у нихъ чрезвычайно развился монгольскій типъ: выступающія скулы, приподнятые глаза и вдавленный лобъ; ихъ фizioноміи болѣе рѣзки, болѣе энергичны, но они имѣютъ видъ менѣе характерный и цивилизованный, чѣмъ жители большихъ восточныхъ городовъ.

Природное уродство мало извѣстно въ Китаѣ и такъ какъ климатъ здоровый и умѣренный, то нерѣдко встрѣчаются столѣтніе старики. Всѣ мужчины брѣютъ себѣ головы, за исключеніемъ небольшой части на мз-

кушкѣ, гдѣ даютъ волосамъ расти во всю длину; въ хорошемъ обществѣ считается за правило бриться каждые десять дней.

Обычай носить косу введенъ среди китайцевъ манджурской династіей; при императорахъ китайской расы мужчины отпускали всѣ волосы, которые связывали на темени кускомъ матеріи. Инсургенты, тайпинги, неприминули возвратиться къ этой причeskѣ древнихъ временъ, которую приняли какъ отличительный знакъ, безжалостно убивъ всѣхъ не причесанныхъ какъ они.

На сѣверѣ, куда инсургенты еще не проникли, отпустить себѣ волосы служитъ признакомъ траура, или крайней бѣдности; одни жрецы составляютъ исключеніе. Жрецы лао-дзе носятъ всѣ волосы, бонзы совершенно бритые.

Слѣдуя модѣ, необходимо, чтобы коса имѣла, по меньшей мѣрѣ, метръ длины и такъ какъ эти случаи весьма рѣдки, то молодые франты безконечно удлиняютъ свои косы при помощи фальшивыхъ. Серьезные мандарины и важные особы носятъ косу очень короткую, чтобы показать свое презрѣніе къ изощреніямъ моды. Лысые довольствуются шелковой косой, привываемой подъ шляпу.

У китайцевъ мало растетъ борода: нѣсколько волосковъ подъ носомъ и на подбородкѣ, но вслѣдствіе этой рѣдкости, они крайне дорожатъ ими. Послѣдній императоръ Гиень-Фунгъ имѣлъ тридцать семь волосковъ въ каждой половинѣ усовъ—его парикмахеръ

имѣлъ несчастіе, однажды назабравъ усы, вырвать одинъ изъ этихъ августѣйшихъ волосковъ. Императоръ, счетъ котораго разстроился, пришелъ въ страшную ярость: никогда, даже въ самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, во время все увеличивавшагося успѣха возстанія, никто не видалъ повелителя въ такомъ гнѣвѣ—однимъ словомъ паригмахеръ былъ приговоренъ къ обезглавленію.

Эта мода носить косу, неимѣющая ничего неудобнаго въ теплыхъ странахъ, бываетъ причиной частыхъ насморковъ во время холодныхъ пекинскихъ зимъ. Чтобы закрыть кожу вокругъ ушей, китайцы привязываютъ вокругъ шеи шелковыя подушки на мѣху; очки, также на подкладкѣ изъ сукна, защищаютъ глаза отъ солнечнаго отраженія. Сѣрые капюшоны по желанію поднимаются на голову, и на нихъ надѣваютъ шляпы съ мѣховыми отворотами.

Роскошь на шубы достигаетъ высшей степени у богатыхъ людей, которые совершенно закутываются зимою въ мѣха. Это происходитъ отъ того, что они никогда у себя не топятъ и даже не разводятъ огня. Такъ какъ они не знаютъ перчатокъ, то носятъ рукава съ широкими отворотами, отвернувъ которые закрываютъ руки. Рабочіе носятъ платья и кофты бумажныя, на ватѣ.

Чѣмъ болѣе термометръ опускается, тѣмъ болѣе китайцы надѣваютъ на себя кофты; въ большіе морозы они иногда надѣваютъ десять или двѣнадцать кофтъ. Сукно, привозимое изъ Россіи, дорого, а шелковыя платья хранятся для правниковъ. Тѣ, которые не

имѣютъ средствъ купить бумажныя платья, дѣлаютъ себѣ сами платья изъ соломы и плетенаго тростника.

Обувь мало употребляется среди бѣдняковъ, которые всюду ходятъ босикомъ. Верхушки мужскихъ сапоговъ обыкновенно черныя съ узкимъ бѣлымъ бордюромъ, только подошвы кожанныя, часто картонныя; носятъ также штилеты бумажныя или шелковыя.

Употребленіе бѣлья неизвѣстно въ Китаѣ; ванны и бани весьма слабо распространены. Стирка также мало практикуется; когда платье грязнится, его перемѣняютъ, слѣдовательно чистота сообразна съ богатствомъ гардероба.

Парадный костюмъ мандариновъ очень блестящъ. Вотъ что надѣвалъ на себя, для большихъ пріемовъ, Генъ-ки, управляющій таможей и секретарь совѣта иностранныхъ дѣлъ: офиціальную шляпу изъ чернаго плюша съ перьями, мѣховыми отворотами и коралловымъ шарикомъ, указывавшимъ на первый разрядъ; длинное желтое шелковое платье, украшенное на груди и на спинѣ двумя пластронами съ вышитыми на нихъ павлинами; на талѣ шелковый зеленый кушакъ съ золотыми полосками, аграмантами, пуговицами изъ дерева и розовыхъ коралловъ; черныя шелковыя панталоны, башмаки изъ той же матеріи до колѣнъ, съ подошвами изъ желтой кожи. На пальцѣ большое кольцо съ зеленымъ камнемъ, въ ширину пераго сустава указательнаго пальца *), такое же тяжелое оже-

*) Печать мандариновъ, которою они запечатываютъ свои акты, врытая на кольцо, съ которымъ они никогда не расстаются.

релье на шеѣ и въ правой рукѣ красная лакированная палка, украшенная камнями и дорогой рѣзьбой.

Офицеры низшихъ чиновъ не имѣютъ права носить драгоценностей или украшеній изъ зеленого нефрита, дорого цѣнимаго и должны довольствоваться горнымъ хрусталемъ, рѣзнымъ деревомъ и даже цвѣтнымъ стекломъ.

Что касается принцевъ императорской фамили, то ихъ костюмъ таковъ же, какъ и костюмъ великихъ мандариновъ, исключая вышивки на платяяхъ, на которыхъ изображены драконы съ пятью лапами (гербъ царствующей династіи), изумрудные шарики на шляпѣ и церемоніальные ожерелья, спускающіяся до пояса и состоящія изъ шариковъ коралла и сѣрой амбры.

Китайскій костюмъ представляетъ большое однообразіе: граждане, мандарины, префекты, судьи, богатые купцы одѣваются въ костюмы одинаковыхъ фасоновъ, изъ одинаковой матеріи. Настоящей формы нѣтъ потому, что всѣ мѣста безъ исключенія занимаютъ учеными, которые отличаются только цвѣтомъ и достоинствомъ шариковъ на ихъ шляпахъ. Жрецы различныхъ культовъ, палачи, солдаты *), моряки и полицейскіе агенты одни составляютъ исключеніе, тогда какъ милиція, собирающаяся въ извѣстныя эпохи, также не имѣетъ формы. Солдаты носятъ соломенную шляпу конической формы, съ красной шелковой кистью

*) Гвардейская императорская кавалерія сохранила національный татарскій костюмъ.

на верху, короткую куртку коричневую съ краснымъ шитьемъ, украшенную спереди и сзади двумя бѣлыми полотняными кругами, указывающими нумера батальоновъ и на которыхъ написано слово пингъ, что значить солдатъ.

Въ Пекинѣ еще существуетъ нѣсколько батальоновъ тигровъ—солдатъ, которымъ поручена служба въ императорскомъ дворцѣ и которые одѣты въ трико съ желтыми и черными, полосами, въ подражаніе шкурѣ животнаго, названіе котораго они носятъ, съ капюшономъ, представляющимъ голову чудовища съ окровавленной пастью и длинными зубами. Эта странная форма одѣянія для устрашенія непріятеля, относится къ временамъ древнѣйшихъ династій, когда существовало обыкновеніе, чтобы солдаты закрывали себѣ лица ужасными масками *), но послѣдняя война показала манджурамъ бесполезность этихъ маскарадовъ и корпусъ тигровъ сокращенъ до нѣсколькихъ сотенъ человекъ и скоро, вѣроятно, исчезнетъ изъ китайской арміи.

Полицейскіе солдаты отличаются своими шляпами съ лисьими хвостами и кофтами съ зелеными вышивками. Моряки носятъ на головѣ нѣчто вродѣ соломенныхъ токовъ и бумажные плащи на ватѣ.

Типъ китайской красоты былъ крайне преувеличенъ грубыми картинами, которыя фабрикуются въ Кантонѣ для вывоза въ Европу. Женщины имѣютъ

*) Въ эпоху минговъ палачи закрывали себѣ лица масками, представлявшими лошадиныя морды.

хорошіи цвѣтъ лица и всѣ прелести креолокъ: маленькую очаровательную ручку, красивые зубы, прелестные черные волосы, тонкую и стройную талію, глаза немного приподнятые къ вискамъ, что придаетъ физиономіи нѣчто пикантное. Ихъ лѣнивая грація имѣетъ свою прелесть; двѣ вещи только много вредятъ имъ: странное злоупотребленіе бѣлилами и румянами,—которыми онѣ покрываютъ лицо и которыя рано уничтожаютъ ихъ красоту—а въ особенности мода крошечныхъ ногъ, кажущаяся европейцамъ смѣшною и отталкивающею. Этотъ варварскій обычай,—гораздо менѣе общій въ Пекинѣ, чѣмъ въ южныхъ провинціяхъ,—много разъ пробовали вывести манджурскіе императоры, издававшіе суровые эдикты противъ этой системы уродованія, но манджурскія и китайскія дамы, составляющія дворъ императрицы, такъ-же какъ и жены многочисленныхъ чиновниковъ, живущихъ въ столицѣ, хотя сохранили свои естественныя ноги, но такова сила моды, что многія между ними употребляютъ театральныя подставки, на которыхъ еще труднѣе ходить. Въ этой обуви высокой каблукъ, приходящійся подъ серединой подошвы ноги, уменьшаетъ ихъ дѣйствительную величину и принуждаетъ носящихъ ее опираться только на концы пальцевъ. Эта контрабандная обувь употребляется во время празднествъ женщинами изъ простонародья, которыя принуждены сохранять свои природныя ноги, чтобы помогать мужьямъ въ тяжелыхъ работахъ. Онѣ доставляютъ себѣ удовольствіе покрайней мѣрѣ временно имѣть модную походку.

Уродованіе, которому подвергаютъ китайнокъ, относится къ далекой древности: говорятъ, что одна императрица, имѣя хромую ногу, ввела этотъ обычай между своими придворными дамами и что отсюда онъ распространился по всей имперіи. Вѣрно только то, что ревность мужчинъ, лѣность и тщеславіе распространили его повсюду; имѣть маленькую ногу доказываетъ богатство и возможность жить, ничего не дѣлая.

Китайка хорошихъ родителей считала бы себя обезчещенной, еслибы родители не позаботились изуродовать ей нога, къ тому-же ей трудно было бы выйти замужъ, такъ какъ нога въ два, или три дюйма длины составляетъ одну изъ непреодолимыхъ прелестей, которыя мѣстные поэты воспѣли на всевозможные лады.

Жители прибрежныхъ городовъ, имѣющіе ежедневныя сношенія съ европейцами отвѣчаютъ на замѣчанія, дѣлаемыя имъ по этому поводу тѣмъ, что смѣются надъ преувеличеннымъ стягиваніемъ тѣла нагими дамами. Этотъ аргументъ, имѣющій свою силу, часто заставлялъ молчать ихъ противниковъ.

Какъ только маленькой дѣвочкѣ минетъ шесть лѣтъ, мать начинаетъ стягивать ей ноги при помощи масляныхъ повязокъ: большой палецъ подвертывается подъ остальные, которые въ свою очередь притягиваются подъ подошву. Эта перевязка стягивается съ каждымъ мѣсяцемъ болѣе и такимъ образомъ, когда молодая дѣвушка вырастаетъ ея ноги принимаютъ форму сжатого кулака.

Послѣдствія этого уродованія часто бываютъ серьезны, останавливая кровообращеніе или вызывая трудно залѣчиваемыя раны. Поэтому существуетъ цѣлая корпорація старухъ, которыя, подѣ предлогомъ ухода за больными ногами, проникаютъ во всѣ дома, въ дѣйствительности же служатъ свахами для свадебъ и любовныхъ интригъ. Черезъ нихъ можно знать всѣ подробности, тогда какъ китаянка къ какому бы классу общества ни принадлежала и какъ бы ни было непорядочно ея поведеніе, ни за что не покажетъ своей голой ноги, для нея было бы оскорбленіе желаніе увидать даже ея башмаки.

Понятно съ какимъ трудомъ могутъ ходить эти женщины. Онѣ подвигаются прыгая, вытянувъ впередъ руки для равновѣсія, такъ что кажется, что онѣ идутъ на ходуляхъ. Но такова сила привычки, что молодыя дѣвушки, принимая самыя трудныя танцевальныя позы, играя по цѣлымъ днямъ въ во-ланъ, съ необыкновенной ловкостью подбрасываютъ его ногой.

Длинные ногти на рукахъ также считаются родомъ красоты: богатыя дамы весьма этимъ занимаются и изъ боязни сломать ихъ предумали серебрянные футляры, которыми онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ ковряютъ въ ушахъ.

Женскія прически измѣняются смотря по городу. Вотъ наиболѣе употребляемыя въ Пекинѣ: молодыя дѣвушки спускаютъ волосы спереди двумя прядями по обѣ стороны лица. Сзади они раздѣляются на множество косъ, украшенныхъ лентами и искусственными

цвѣтами. Когда онѣ становятся невѣстами, то зачесывают волосы назадъ и зашпиливаютъ серебрянными шпильками въ знакъ своей помолвки, наконецъ, въ день свадьбы ихъ подвергаютъ операціи показыванія лица или ке-мьень, состоящей въ томъ, что имъ пробриваютъ лобъ на извѣстную вышину, затѣмъ, навертываютъ длинныя косы на картонную подушечку, на черной шелковой подкладкѣ, положенную на затылокъ. Эта подушечка, на которой укрѣплены искусственныя цвѣты изъ драгоценныхъ камней, изъ перьевъ, или просто изъ бумаги, или цвѣтного стекла, смотря по положенію и богатству, прикрѣпляется къ волосамъ большой серебрянной булавкой, длиною въ футъ, прокалывающей весь шиньонъ и имѣющей въ Китаѣ такое значеніе, какъ въ Европѣ обручальное кольцо.

Кромѣ бѣлилъ, черненія бровей и подрисовыванія глазъ, китайки налѣпляютъ двѣ большія мушки изъ черной гашты на пластырѣ на обѣ скулы. Этой модѣ слѣдуютъ нѣкоторые мужчины съ гигиенической цѣлью, такъ какъ мѣстные доктора утверждаютъ, что этотъ пластырь поддерживаетъ въ кожѣ раздраженіе, полезное для здоровья.

Костюмъ китайнокъ состоитъ изъ юбки, или нижняго платья, спускающагося до колѣнъ и шелковыхъ панталонъ, стянутыхъ у талии, сложенныхъ складками внизу, какъ манжеты и подвязанныхъ лентами. Онѣ носятъ чулки изъ различныхъ матерій и на бумажной подкладкѣ. Широкое, длинное платье, разрѣзанное сбоку, совершенно закрываетъ нижнее платье; рукава широкіе и висячіе; воротникъ подни-

мается очень высоко и прикрѣпляется аграфомъ, такъ же какъ и отвороты платья, скрещивающіеся на груди, такъ чтобы скрыть ея контуры.

Для китайской дамы считается столь же неприличнымъ показывать свои руки, какъ и ноги, поэтому рукава служатъ имъ въ одно и тоже время перчатками и муфтой.

За нѣсколько времени до нашего отъѣзда въ Сибирь, христіане провинціи Пе-ше-ли подарили мнѣ платье китайской принцессы, украшенное великолѣпной вышивкой, представляющей драконовъ съ пятью лапами, баснословныя цвѣты и животныхъ, обшитое бѣлымъ шелковымъ аграмантомъ на ярко красномъ фонѣ и окаймленное внизу полосатой матеріей цвѣта радуги на золотистомъ фонѣ.

Знатныя китайскія дамы дѣлаютъ сами почти всѣ вещи, необходимыя для ихъ туалета, въ особенности вышивки и искусственные цвѣты—это ихъ главное занятіе въ гаремѣ, куда запираетъ ихъ ревность мужей. Онѣ проводятъ остальное время украшая себя, ухаживая за цвѣтами въ фарфоровыхъ вазахъ, играя съ собаками и птицами и смотря на китайскія тѣни—развлеченіе, которое онѣ страстно любятъ. Эти несчастныя лишены всякихъ умственныхъ развлеченій.

Но что придаетъ особенный характеръ костюму жителей Небесной имперіи, это аксессуары ихъ туалета, то есть вѣера, зонтики, трубки, табакерки, кассеты, футляры для очковъ и кошельки.

Всѣ эти ничтожныя мелкіе предметы, съ которыми они никогда не расстаются, привѣшены къ поясу на

шелковыхъ шнуркахъ. Къ этому нужно еще прибавить золотые часы, которые мандарины и богатые купцы весьма любятъ и показываютъ при всякомъ случаѣ. Футляры для очковъ, вѣера, кошельки, кассеты для курительнаго табаку и для нюхательнаго дѣлаются изъ картона, покрытаго матеріей, вышитой золотомъ и серебромъ. Эти ничтожные предметы продаются вмѣстѣ въ шкатулкахъ, нарочно для этого дѣлаемыхъ, вродѣ нашихъ дорожныхъ несесеровъ. Эти шкатулки составляютъ наиболѣе частый предметъ для подарковъ.

Очки обыкновенно изъ цвѣтныхъ стеколъ на суконной подкладкѣ, очень большіе и даютъ смѣшной видъ наружности человѣка, который ихъ носитъ. Они не увеличиваютъ, а служатъ только для того, чтобы закрывать глаза и скрывать лица хитрыхъ купцовъ, которые величественно водружаютъ ихъ на носъ, какъ только начинаютъ какое нибудь дѣло.

Употребленіе вѣеровъ распространено среди обоихъ половъ и во всѣхъ классахъ: мужчины, женщины, дѣти, богатые, бѣдные, жрецы, ученые, солдаты всегда съ вѣеромъ въ рукахъ, франты, не носящіе ни палокъ, ни хлыстовъ, размахиваютъ вѣерами. Различныя эволюціи, которыя молодыя дѣвушки дѣлаютъ со своими вѣерами образуютъ цѣлый нѣмой, но многозначительный языкъ. Матери употребляютъ ихъ, чтобы усыплять дѣтей въ колыбели, учителя бьютъ ими непокорныхъ учениковъ; гуляющіе отмахиваются отъ преслѣдующихъ ихъ москитовъ; рабочіе обмахиваются одной рукой, работая другой; солдаты обмахиваются

вѣромъ подъ огнемъ непріятеля съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

Вѣра бываютъ двухъ формъ—открытые и складывающіеся: первые изъ пальмовыхъ листьевъ или изъ перьевъ, вторые изъ слоновой кости или изъ бумаги. Они служатъ автографическими альбомами и на вѣрѣ изъ бѣлой бумаги китаецъ проситъ своего друга написать какое нибудь изрѣченіе или рисунокъ, который могъ бы служить воспоминаніемъ. Эти альбомы—вѣра, на которыхъ приложены печати знаменитыхъ или важныхъ особъ, приобрѣтаютъ большую цѣну.

Табакъ, внесенный въ Китай манджурами два вѣка тому назадъ, быстро повсюду распространился: всѣ непереставая курятъ съ утра до вечера, мужчины—въ большихъ мѣдныхъ трубкахъ съ короткими чубуками изъ чернаго дерева, женщины—въ болѣе короткихъ трубкахъ съ длинными чубуками въ человѣческой ростъ.

Курительный табакъ слабый и плохого качества превращается въ грубый порошокъ.

Узкое отверстіе трубки и отсутствіе спичекъ, неудобное для этихъ курителей, заставляетъ богатыхъ людей держать на службѣ дѣтей, вся обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, что они носятъ за ними повсюду благоуханный восковой фитиль, постоянно зажженный; рабочіе находятъ въ сѣняхъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, кафе, трактирахъ, ресторанахъ, баняхъ, свѣчи въ деревянныхъ подсвѣчникахъ, отъ которыхъ могутъ даромъ закуривать.

Нюхающіе табакъ гораздо менѣе многочисленны, чѣмъ курильщики. Эта привычка заимствована у мис-

сіонеровъ, жившихъ нѣкогда при дворѣ и распростра-
нилась въ Пекинѣ среди мандариновъ. Французскій
табакъ предпочитается другимъ; его продается боль-
шое количество въ столицѣ. Мѣстный табакъ, пре-
вращаемый въ мелкій порошокъ съ сильной примѣсью,
гораздо менѣе цѣнится.

Табакерки имѣютъ форму маленькихъ флакончиковъ
изъ агата, нефрита или матоваго стекла, и но-
сятся въ кисетѣ, привязанномъ къ поясу. Къ пробкѣ
придѣлана маленькая лопаточка, чтобы доставать та-
бакъ, который нюхающіе кладутъ на указательный
палецъ и втягиваютъ въ себя съ особеннымъ шумомъ.

Къ страсти куренія табакъ слѣдуетъ прибавить
куреніе опиума, еще гораздо болѣе вредное. Ан-
глійскіе резиденты въ Индіи съ корыстной цѣлью
ввезли въ Кантонъ первые ящики опиума. Эта неглас-
ная торговля пользуется одинаковымъ покровитель-
ствомъ британскаго правительства и мандариновъ.
Такъ какъ императорскій декретъ запретилъ куреніе
опиума подѣ страхомъ смерти, то онъ продается по
большой цѣнѣ и сами мандарины, выступая его про-
тивниками, распространяютъ его съ громадной выго-
дой среди своихъ согражданъ.

На сѣверѣ Китая употребленіе опиума весьма огра-
ниченно, а высшіе чиновники совсѣмъ воздерживаются
отъ него; напротивъ того, въ приморскихъ городахъ,
на каждомъ шагу находятся лавки опиума, гдѣ несча-
стные, лишаящіе себя пищи, чтобы удовлетворить
этой печальной страсти, неподвижно лежатъ въ ат-
мосферѣ наркотическаго дыма.

Опиумъ для куренія состоитъ изъ маленькихъ шариковъ, которые кладутъ на небольшую жаровню и зажигаютъ подъ нею спиртовую лампу. Каждый шарикъ даетъ четыре или пять затяжекъ.

Европейцы, пробовавшіе втягивать въ себя дымъ опиума, сохраняли неприятное впечатлѣніе дурного вкуса во рту, боль въ головѣ и въ сердцѣ.

Пекинская полиція очень строга къ курильщикамъ, которые прячутся, чтобы предаваться своей страсти однако нерѣдко можно встрѣтить на улицахъ этихъ несчастныхъ уже отмѣченныхъ роковой страстью, которая даетъ фантастическія видѣнія ихъ сну: они лѣнивы, желты, морщанисты, слюни часто текутъ изъ рта, они говорятъ съ трудомъ, взгляды дики, дыханіе зловонно. Тотъ кто началъ курить опиумъ—погибъ, ничто не можетъ отбучить его отъ ужасной привычки, которая не даетъ ни одному прожить долѣе пятидесяти лѣтъ.

Къ подробностямъ, сообщаемымъ нами о костюмѣ и привычкахъ сѣверныхъ китайцевъ слѣдуетъ прибавить нѣсколько подробностей относительно ихъ жилищъ такъ-же какъ паланкиновъ и фонарей. Это родъ подвижной обстановки, которая слѣдуетъ за ними всюду.

Читатель уже знаетъ расположеніе и внутреннее устройство китайскихъ дворцовъ или фу: большая половина мѣста занята аллеями, дворами, садами. Вы встрѣчаете множество гротовъ, деревянныхъ мостиковъ, прудовъ съ золотыми рыбками, птичниковъ съ павлинами, съ золотыми фазанами и бантамскими ку-

рами и въ особенности множествомъ вазъ изъ фарфора или глины, раскрашенныхъ или лакированныхъ, въ которыхъ помѣщаются деревья въ миниатюрѣ, виноградныя лозы, жасмины, вьющіеся растенія и всевозможные цвѣты.

Главныя комнаты нижняго этажа выходятъ въ садъ; прозрачная перегородка въ родѣ трельяжа отдѣляетъ гостиную отъ спальни. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается столовая, кухня и иногда ванна. Когда есть третій этажъ, называемый Леу, въ немъ помѣщается спальня и кладовая.

Первая комната по входѣ неизмѣнно посвящается предкамъ и геніямъ семейства.

Въ каждой комнатѣ находится конгъ, служащій въ одно время постелью и диваномъ на всемъ сѣверѣ. Затѣмъ толстыя циновки покрываютъ полы; собственно мебели весьма мало: нѣсколько стульевъ, или крѣпкихъ деревянныхъ табуретовъ, на которые кладутъ подушки, маленькій, красный лакированный столикъ, курительница и бронзовые подсвѣчники, жардиньерки и корзинки съ цвѣтами, картины на рисовой бумагѣ и наконецъ неизбѣжныя доски съ нравственными изрѣченіями, или обращеніе къ предкамъ. Собственно говоря оконъ нѣтъ; четыреугольныя отверстія, продѣланныя съ боковъ каждой комнаты, выходящія на второй дворъ, или въ садикъ, между двумя балками, поддерживающими крышу, пропускаютъ слабый свѣтъ въ отверстія рѣшетки, состоящей изъ тонкихъ деревянныхъ полосъ, близко сходящихся и образующихъ неподвижное жалузи. Въ этихъ то таин-

ственныхъ апартаментяхъ богатые люди проводятъ половину своего существованія, предаваясь лѣни. Европейцу почти невозможно къ нимъ проникнуть и на сколько китайцы сообщительны относительно празднествъ, пріемовъ, на столько же сдержанны во всемъ, что касается ихъ частной жизни.

Физическая лѣнь доведена въ Китаѣ до высшей степени: ходить, прогуливаться, пользоваться ногами считается неприличнымъ. Ничто такъ не удивляетъ китайцевъ, какъ характеризующая насъ потребность движенія. Они сидятъ на корточкахъ, курятъ трубки, развертываютъ вѣера и насмѣшливо глядятъ на гуляющихъ европейцевъ...

Дѣлая пѣшкомъ оффиціальнй визитъ, слѣдуетъ извиниться, что не пріѣхали ни на лошади, ни въ паланкинѣ, такъ какъ явиться такимъ образомъ значитъ оказать неуваженіе къ хозяину; въ особенности необходимы паланкины.

Въ Пекинѣ есть большія заведенія, отдающія въ наемъ паланкины, гдѣ во всякое время дня можно найти свободный. За паланкинъ съ шестью носильщиками платится около одного піастра, съ четырьмя—два сапека, съ двумя—полъ сапека.

Французское посольство держитъ у себя двадцать четыре носильщика въ голубыхъ туникахъ съ трехвѣтными воротниками и бордюрами.

Обыкновенно паланкины открытыя сзади и спереди; сбоку помѣщается окно, или скорѣй четырехугольное отверстіе и поперечная скамейка, на которую садятся.

Китай въ шутку зовутъ страной фонарей: въ городахъ, на рѣкахъ, на военныхъ постройкахъ, на фасадахъ дворцовъ, пагодъ, лавокъ только и видите что фонари всевозможныхъ формъ и величинъ. Съ помощью ихъ иллюминуются сады. Знатныя особы употребляютъ сообразное съ ихъ титуломъ количество фонарей и есть даже дѣтскіе игрушечные фонари въ формѣ рыбъ, птицъ и лошадей.

Праздникъ фонарей, о которомъ такъ много говорили путешественники, празднуется въ первое полнолуніе новаго года. Онъ происходитъ недѣлю спустя послѣ праздника земледѣлія и весны: тогда вы не встрѣтите ни одного человѣка, который не несъ бы фонаря или факела. Всѣ эти фонари, всѣхъ цвѣтовъ и формъ, волнуются вмѣстѣ съ толпой, наполняющей улицы, помѣщающейся на балконахъ и карнизахъ зданій, на верхушкахъ деревьевъ, на лодкахъ и темною ночью производятъ фантастическое впечатлѣніе.

Пекинъ вечеромъ, въ день праздника фонарей, представляетъ чудное зрѣлище, которое невозможно забыть, но которое такъ же мало возможно описать. Есть фонари изъ шелковаго газа, изъ бумаги, изъ рога. Газъ натягивается на рѣзвой деревянный остовъ и украшается картинками пейзажей и баснословныхъ животныхъ; бумажные—самые обыкновенные и дешевые, но самые интересные, дѣлаются изъ цѣльнаго куска рога, но настолько тонкіе и прозрачные, что ихъ можно принять за стеклянные. Попадаются фонари до двухъ метровъ вышины. Бараньи и козлиные рога, которые употребляютъ для этой фабрикаціи, раз-

мачиваются въ горячей водѣ, затѣмъ ихъ рѣжутъ на тонкія полоски, которыя такъ тщательно склеиваютъ, что соединеніе незамѣтно.

По предыдущимъ подробностямъ, можно судить, что китайцы, относительно костюма, мебелировки и всего, что составляетъ домашній комфортъ достигли до одинаковой съ нами степени цивилизаціи, хотя и не похожей на нашу. Къ несчастію вырожденіе породы, благодаря испорченности нравовъ, достигло высшей степени въ этомъ античномъ государствѣ. Это подводный камень всѣхъ древнихъ цивилизацій; матеріальныя наслажденія развиты сильно, роскошь увеличивается вмѣстѣ съ пороками, которые становятся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они болѣе сложны; скупость, эгоизмъ, хитрость, страсть къ игрѣ, развратъ и пьянство царствуютъ въ Китаѣ и китайцы, отъ которыхъ вы всегда услышите самыя нравственныя правила, которые не могутъ сказать фразы, не говоря о добродѣтели и честности, въ сущности лицемерья, тѣмъ болѣе опасныя, что они даже не сознаютъ своего лицемерія.

Такимъ образомъ, правительственныя узаконенія, основанныя на талантѣ и нравственности, примѣняются жадными и неспособными мандаринами: несмотря на строгіе указы противъ пьянства, игры, разврата, мандарины поощряютъ ихъ, потому что обогащаются благодаря унизительнымъ страстямъ народа, которымъ управляютъ. Мы видѣли какимъ образомъ введеніе опиума англичанами покровительствуется, губернаторами провинцій и префектами округовъ, которые мо-

нополизируютъ торговлю; игорные дома и лоттереи, запрещенныя закономъ, находятся въ томъ же положеніи. Страсть къ игрѣ охватила китайцевъ всѣхъ классовъ общества и всѣхъ лѣтъ: на пекинскихъ улицахъ встрѣчаешь множество мелкихъ, странствующихъ игорныхъ домовъ: то игра въ кости, заключающаяся вся въ мѣдномъ стаканѣ, стоящемъ на табуреткѣ, то лоттерея изъ мелкихъ свертковъ съ написанными на нихъ нумерами, которые хозяинъ встряхиваетъ въ небольшой жестянкѣ. Толпа тѣснится вокругъ нихъ и проходящіе мимо рабочіе, уступая непреодолимому соблазну, въ нѣсколько часовъ теряютъ деньги, собранные долгимъ трудомъ: кули, служившіе французской арміи, проигрывали свое мѣсячное жалованье на другой же день по полученіи; нѣкоторые закладывали свое платье содержателямъ игорныхъ домовъ, которые въ то же время и закладчики. Проигравъ, они ускользали среди громкихъ насмѣшекъ окружающей толпы и возвращались въ лагерь въ однихъ панталонахъ.

Пѣтушійные бои также имѣютъ привиллегію возбуждать страсти китайцевъ, ставящихъ на нихъ большія пари.

Богатые люди и купцы такіе же игроки, какъ и простой народъ. Они собираются въ чайныхъ домахъ, гдѣ проводятъ день и ночь, играя въ карты, въ кости, въ домино. Карты длиною въ пятнадцать сантиметровъ и очень узкіе. Онѣ довольно похожи на наши съ фигурами и очками, обозначенными разными цвѣтами.

Наиболѣе обыкновенная игра представляетъ что-то

въ родѣ безига. Они играютъ также въ четырехугольные шашки. Домино плоское, съ красными и синими очками. Играть также въ кости—нѣчто вродѣ трикъ-трака. Игроки по профессіи предпочитаютъ кости, какъ азартную игру по преимуществу; проигравъ всѣ деньги, они ставятъ поля, дома, женъ, дѣтей, даже самихъ себя, когда уже ничего не остается и когда противники соглашаются на такую послѣднюю ставку. Одинъ тьенъ-дзинскій купецъ проигралъ въ кости два пальца на лѣвой рукѣ.

Женщины и дѣти играютъ въ воланъ—это одно изъ ихъ любимыхъ развлеченій, въ которомъ онѣ отличаются рѣдкой ловкостью.

Воланъ состоитъ изъ куска кожи, свернутой шаромъ и покрытой металлическими пуговками, чтобы сдѣлать его тяжелымъ. Въ три отверстія вставляются три пера. Воланъ бросаютъ къверху подошвою туфли и рѣдко случается, чтобы игрокъ промахнулся.

Игра, парализующая трудъ, одна изъ постоянныхъ причинъ пауперизма. Есть еще другая, болѣе ужасная—развратъ. Наружный лоскъ приличія и сдержанность, показываемыя китайскимъ обществомъ, скрываютъ глубокую испорченность. Общественная нравственность есть ничто иное, какъ маска, наброшенная на испорченность нравовъ: все, что извѣстно о настоящихъ нравахъ востока, Персіи и Индустана стоитъ далеко ниже утонченности и чудовищности китайскаго разврата.

Пьянство далеко не такъ распространено, какъ увѣ-

ряли миссіонеры: оно гораздо рѣже чѣмъ во всѣхъ сѣверныхъ странахъ Европы. Такъ какъ чай—обычный китайскій напитокъ, то спиртные напитки менѣе распространены, однако, рисовое вино истребляется въ большомъ количествѣ. Виноградное вино много вѣковъ тому назадъ запрещено императорами, приказавшими уничтожить виноградныя плантаціи; такъ какъ это запрещеніе прекратилось со вступленіемъ манджурской династіи, то виноградъ обрабатываютъ для стола, но вино дѣлаютъ только изъ риса.

Самъ-шоу, или рисовое вино готовится такимъ образомъ: рисъ мочитъ въ водѣ въ теченіи тридцати дней, затѣмъ его варятъ до тѣхъ поръ, пока онъ совсѣмъ не разварится. Когда онъ начинаетъ бродить, то покрывается желтоватой пѣной, подъ которой находится новое вино, которое очищаютъ въ лакированной посудѣ. Изъ отстоя дѣлаютъ водку, такую же крѣпкую какъ наша.

Кромѣ того изъ индійской пшеницы (сорго) готовится водка, называемая шоу-шоу. На сѣверѣ существуетъ множество заводовъ, приготовляющихъ эту водку, несмотря на запрещеніе.

Въ заведеніяхъ, называемыхъ Чао-куо, водку продаютъ въ кредитъ, въ теченіе года, но уплату должно производить въ послѣдніе дни года, подъ страхомъ немедленной описи имущества. Приготавливается также довольно крѣпкій напитокъ изъ молока.

Рисовое вино и водка немного отзываются терпентиномъ и своимъ вкусомъ напоминаютъ нѣкоторыя крѣпкія испанскія вина.

Хлѣбная водка менѣе дорога въ Пекинѣ, отвратительна. Опьяненіе отъ этого страшнаго напитка ужасно и злоупотребленіе ею нашими солдатами во время китайской компаніи вызвало въ арміи много случаевъ диссентеріи.

Всѣ напитки пьются горячими; настоящій китаецъ чувствуетъ отвращеніе къ холодному питью, вода или вино—все равно. Когда онъ моется, что случается рѣдко, то моется теплой водой. Общественныя ванны, существующія въ нѣкоторыхъ городахъ, состоятъ изъ круглаго чана, стоящаго надъ кирпичной печкой, которая поддерживаетъ въ водѣ высокую температуру. За одинъ сапекъ, всякій имѣетъ право войти въ эту ванну, но изъ нея выходятъ болѣе грязными чѣмъ вошли, такъ какъ одна и таже жидкость маслянистая и темная служитъ втеченіе дня цѣлой толпѣ людей больных, можетъ быть, заразными болѣзнями—и возобновляется только разъ въ день, утромъ. Одинъ матросъ, служившій у французскаго консула въ Тьень-Дзинѣ, которому докторъ прописалъ теплую ванну, ни за что не соглашался выкупаться въ общественной ваннѣ. Можно себѣ представить, что это было, если ужъ старый морской волкъ, привыкшій ко всякимъ лишениямъ, почувствовалъ отвращеніе.

Въ чайныхъ домахъ продаются спиртные напитки, но, главнымъ образомъ, онѣ расходятся въ ресторанахъ и трактирахъ.

Мы не будемъ говорить ни о производствѣ чая, ни объ обширной торговлѣ имъ, такъ какъ этотъ предметъ принадлежитъ въ сущности южному Китаю, ска-

жемъ только, что употребленіе чая не менѣе распространено на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ: войдите въ домъ и вамъ сейчасъ же предложить чаю—это признакъ гостепримства—и вамъ подаютъ его безъ конца. Какъ только чашка опустѣла, молчаливый слуга снова наполняетъ ее и только послѣ того, какъ вы выпьете известное количество этихъ чашекъ, хозяинъ дастъ вамъ заговорить о дѣлѣ, которое васъ привело.

Чайные дома такъ же многочисленны, какъ въ Европѣ кафе и кабаки. Изящество въ обстановкѣ и прислугѣ, такъ же какъ и размѣръ цѣны различаетъ ихъ одинъ отъ другого. Богатый купецъ и изящный щеголь, не желая встрѣтиться съ рабочими или крестьянами, собираются только въ домахъ, считающихся модными.

Чайные дома узнаются по цѣлой лабораторіи, занимающей глубину залы и состоящей изъ большихъ котловъ, массивныхъ чайниковъ и печей, доставляющихъ громадное количество кипятку.

Надъ этой лабораторіей помѣщаются странные часы, состоящіе изъ большой благоухающей свѣчи, на которой, на равномъ разстояніи, сдѣланы отмѣтки такъ, чтобы сгораніе свѣтильни показывало время. Такимъ образомъ китайцы могутъ сказать, что они буквально сожигаютъ время.

Утромъ и вечеромъ залы полны посѣтителями, которые за дна сапека (цѣна за входъ) являются сюда, чтобы поговорить о дѣлахъ, играютъ, курятъ, слушаютъ музыку, присутствуютъ при представленіи уличныхъ фигляровъ, силачей и жонглеровъ.

Кромѣ того, эти два сапека даютъ еще право выпить десять чашекъ чая, (чашки очень маленькія) которыя многочисленная прислуга бѣгомъ разноситъ во всевозможныхъ направленіяхъ на подносахъ, на которыхъ лежатъ пирожки и сухіе плоды—удовольствіе не менѣе дешевое, чѣмъ и вообще матеріальная жизнь въ Китаѣ.

Мы хотѣли пообѣдать по китайски въ одномъ китайскомъ ресторанѣ. Цѣна, условленная заранѣе черезъ посредство нашихъ кули, была два піастра съ персоны, что составитъ значительную сумму въ виду дешевизны съѣстныхъ припасовъ.

Въ видѣ приготовленія къ обѣду, намъ нужно было пройти цѣлый лабиринтъ переулковъ, въ которыхъ гнѣздятся, заражая воздухъ своими испареніями, тысячи нищихъ въ лохмотьяхъ.

На перекресткѣ, гдѣ помѣщается ресторанъ, лежитъ цѣлая куча мусора, состоящая изъ остатковъ кореньевъ, гнилыхъ колбасъ, дохлыхъ кошекъ и собакъ и повсюду во всѣхъ углахъ валяется всякая падаля одинаково непріятная на видъ и на запахъ; надо имѣть крѣпкій желудокъ, чтобы чувствовать аппетитъ, пройдя мимо этой непривлекательной выставки.

У дверей заведенія сидятъ пьющіе чай игроки, по видимому мало обращающіе вниманіе на это отвратительное сосѣдство; мы имѣли мужество сдѣлать тоже, поглядѣвъ предварительно на два чудовищные фомаря, украшающіе входъ и на вывѣску съ надписью: «Заведеніе трехъ добродѣтелей по преимуществу».

Мы надѣялись, что честность будетъ одною изъ

трехъ добродѣтелей и что рестораторъ угоститъ насъ достаточно на наши деньги.

Наше появленіе въ главной залѣ возбудило нѣкоторое волненіе: какъ ни привыкли китайцы видѣть европейцевъ, нашъ видъ все таки еще возбуждаетъ въ нихъ любопытство, смѣшанное со страхомъ, въ особенности въ этомъ кварталѣ, въ который европейцы рѣдко заглядываютъ.

Для насъ приготовили два четырехугольные стола, окруженные деревянными скамьями, покрытыми изъ любезности подушками. Лакеи вертятся вокругъ насъ съ чайниками и съ красными и бѣлыми металлическими чашками; ложекъ нѣтъ.

Въ каждой чашкѣ лежитъ щепотка чаю, которую обвариваютъ кипяткомъ и мы должны вдыхать въ себя чайныя испаренія черезъ маленькое отверстіе, продѣланное въ крышкѣ нашихъ чашекъ; всѣ чайныя чашки закрываются металлической крышкой, чтобы не дать аромату испариться.

Исполнивъ это, какъ настоящіе китайцы, мы отвѣдали первое блюдо, состоящее изъ маленькихъ сладкихъ пирожковъ, изжаренныхъ на салѣ и довольно скверныхъ, сухихъ плодовъ и въ закуску нѣчто вроде икры, или какой то смѣси, состоящей изъ рыбихъ печенокъ, мологъ, вымоченныхъ въ уксусѣ и креветокъ, сваренныхъ въ соленой водѣ. Это блюдо, употребляемое во всѣхъ теплыхъ странахъ, совсѣмъ не дурно.

Мы дѣлаемъ, однако, небольшую честь первой перемѣнѣ, которую немедленно замѣняютъ второй: лакеи ставятъ на столъ тарелки, или скорѣй блюдечки,

такъ какъ они имѣютъ ихъ форму и величину и блюда, или, лучше сказать, чашки съ рисомъ, приготовленнымъ различными способами съ мясомъ, разрѣзаннымъ на мелкіе куски и артистически сложеннымъ пирамидой; къ этому блюду подаютъ палочки. Нужно быть какъ нельзя болѣе китайцемъ, чтобы умѣть ѣсть этими крошечными деревяшками. Китайцы подносятъ блюдечки почти ко рту и ѣдятъ рисъ, подталкивая его палочками, что мы напрасно старались дѣлать тѣмъ болѣе, что мы такъ смѣялись, что не въ состояніи были это выполнить.

Однако, мы не должны были компрометировать нашего достоинства, какъ лицъ цивилизованныхъ, начавъ ѣсть руками, какъ дикари; къ счастью, одинъ изъ насъ, болѣе предусмотрительный, захватилъ съ собою нессеръ, заключавшій ложку, вилку и ножикъ. Каждый изъ насъ по очереди погружаетъ ложку въ стоящій передъ нимъ котелокъ, но съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, которое парализуетъ наслажденіе этими вкусными блюдами

Наконецъ, появляется кушанье менѣе таинственное и въ количествѣ достаточномъ, чтобы насытить пятьдесятъ человѣкъ: цыплята, утки, баранина, свинина, жареные зайцы, рыбы, бобы, вареная капуста, вмѣстѣ съ тѣмъ намъ подаютъ бѣлое виноградное вино и рисовое въ микроскопическихъ фарфоровыхъ чашкахъ. Всѣ эти напитки, даже чай—безъ сахара, но зато всѣ горячіе.

Обѣдъ кончается супомъ, который есть ничто иное, какъ рагу со множествомъ соусовъ.

Мы остались мало довольны, такъ какъ хотѣли бы

какое нибудь болѣе необыкновенное блюдо вродѣ ласточкиныхъ гнѣздъ, или фрикасе изъ корня растенія называемаго гингъ-сенгъ, но, какъ кажется, такія кушанья слѣдуетъ заказывать за нѣсколько дней.

Между тѣмъ, день приходилъ къ концу; зала, сначала почти пустая, наполнилась публикой, которая, искоса поглядывая на насъ, спокойно предается своимъ обычнымъ занятіямъ. Молодые люди, набѣленные и разодрѣтые, какъ женщины, ходятъ вокругъ столовъ лакеи громко распѣваютъ названія и цѣны кушаній; купцы играютъ въ кости.

Однако, зала начинаетъ наполняться тяжелымъ запахомъ, въ которомъ преобладаетъ дымъ опиума. Курильщики съ желтымъ цвѣтомъ лица съ ввалившимися глазами таинственно удаляются въ отдѣльные кабинеты, находящіеся въ глубинѣ залы въ сопровожденіи молодыхъ людей, которые должны закуривать ихъ трубки. Они ложатся на постель, покрытую цыновками съ волосяными подушками, затѣмъ за ними спускаются тяжелыя суконныя занавѣсы, которыя, однако, не могутъ скрыть приготовляющихся оргій. Пора уходить—есть вещи, которыя вызываютъ на лицо краску отвращенія.

Ко всему вышеописанному мы можемъ прибавить рассказъ объ обѣдѣ, данномъ господину Треву мандариномъ Генгъ-Кее, управляющимъ таможней, членомъ совѣта иностранныхъ дѣлъ; тогда съ трактирными обычаями можно будетъ сравнить церемоніальнаго этикета и изысканную кухню параднаго обѣда, даннаго знатной особѣ.

Китай есть страна внѣшности, наружной добродѣтели, наружной честности, поэтому правила вѣжливости и приличія доведены до крайности. Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Пекинѣ, какъ мы доказали нашу силу въ послѣдней войнѣ, европейская дипломатія считается на равной ногѣ съ адептами китайскаго правительства: всѣ свиданія имѣютъ мѣсто въ іамунѣ иностранныхъ дѣлъ. Принцъ Конгъ, изъ приличія, отдаетъ визиты, которые дѣлаютъ ему европейскіе послы, но никого не принимаетъ у себя.

Въ настоящее время здѣсь находятся несчастные корейскіе послы, съ которыми обращаются съ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ обращались съ нами до войны: они уже полгода ждутъ со своими подарками и подачками, пока, наконецъ, представитель императора удостоится принять ихъ и можетъ быть прождутъ еще долго. Ихъ поселили въ развалившемся домѣ, недалеко отъ французскаго посольства; каждый день катаясь верхомъ, я вижу ихъ у дверей, обмѣнивающихся товарами съ мѣстными разнощиками. Они одѣты въ оригинальные костюмы, совершенно бѣлые, въ большихъ шапкахъ. Я хотѣлъ купить у нихъ одну изъ этихъ шапокъ для моей коллекціи, но это невозможно: какъ кажется, корейскій офицеръ, который возвратился бы къ себѣ домой безъ такой шапки, знака его достоинства, былъ бы обезчещенъ и, даже болѣе, принужденъ распороть себѣ животъ. Понятно, что я не сталъ настаивать.

«Вотъ каковы мои официальные отношенія къ мандаринамъ иностранныхъ дѣлъ: когда я желаю сдѣ-

дать визитъ, то чтобы не застать врасплохъ того, кого я желаю видѣть, посылаю впередъ слугу съ карточкой. Я поступаю такимъ образомъ безъ церемоніи, чтобы выиграть время, такъ какъ, слѣдуя правиламъ китайскаго этикета, я долженъ былъ бы послать мою карточку за два часа впередъ и ждать пока мнѣ пришлютъ въ обмѣнъ свою.

«Китайскія карточки обыкновенно на красной бумагѣ, (въ настоящее время, по причинѣ траура, онѣ сѣрыя) украшенные въ срединѣ именемъ мандарина, написаннымъ крупными буквами, а на бокахъ именами тѣхъ особъ, которымъ посылаются. Внизу нѣсколько подробностей относительно текущихъ дѣлъ, наконецъ, окончательный поклонъ, заключающійся въ словахъ, «я наклоняю передъ вами голову»..

«Мое официальное китайское названіе есть Ту-та-луае, что значить «человѣкъ значительный» или буквально «почтенный старецъ». Ту — это все, что остается отъ де-Трева, такъ какъ въ Китаѣ считается вѣжливымъ произносить только первый слогъ вашего имени.

«Когда всѣ предварительныя церемоніи окончены, я приказываю нести мои носилки до лѣстницы, которая ведетъ въ комнаты для гостей. Хозяинъ дома принимаетъ меня тамъ, стоя отъ меня направо, затѣмъ переходитъ на лѣво, прося меня идти впередъ и сопровождаетъ меня немного сзади. Въ гостиной начинаются безконечныя любезности, которымъ я имѣю обыкновеніе скоро положить конецъ, рискуя дать хозяевамъ весьма плохое мнѣніе о моемъ воспитаніи.

«Когда два знатныхъ китайца дѣлають другъ другу визитъ, то первоначальныя любезности продолжаются цѣлый часъ. Прежде всего они кланяются другъ другу до земли, держась за руки и оспаривають кому идти съ почетной стороны (сѣверная сторона въ комнатѣ считается почетнымъ мѣстомъ). Затѣмъ споръ о наиболѣе удобныхъ креслахъ, передъ которыми раскладываются прежде чѣмъ сѣсть. Когда чай поданъ—новые разговоры: «Я не стану пить». «Пейте же... «Ни за что»!

«Такимъ образомъ они долго объѣниваются незначительными фразами и довольно долго помолчавъ, уже передъ тѣмъ, какъ уходить, посѣтитель заговорить о томъ, что привело его. При прощаньи тѣ же любезности, тѣ же церемоніи.

«Весь этотъ церемоніаль заранѣе опредѣленъ обывающими и книгами, говорящими объ этомъ предметѣ, но онъ невыносимъ для европейца, привыкшаго прямо переходить къ дѣлу.

Мандарины не такъ церемонятся съ простыми людьми и мы должны были подражать имъ въ этомъ, чтобы заставить уважать себя. Каждое обращеніе къ низшимъ оканчивается словами: «Ступайте и трепещите», которые сопровождаются страннымъ шелканіемъ языкомъ, тогда какъ тѣ кланяются до земли.

«Палочные удары въ большомъ употребленіи: полиція употребляетъ ихъ, чтобы рассѣять толпу; иногда они употребляются на маневрахъ и на работахъ. Столяры и рабочіе болѣе высокихъ цѣховъ оскорбляются этимъ (и надо сознаться, что есть чѣмъ), перестаютъ

работать и иногда уходить, ворча сквозь зубы: «чортъ», но никогда не мстятъ, а присутствующіе, въ восторгѣ, что товарища побили, сопровождаютъ его бѣгство громкимъ смѣхомъ.

Съ простымъ народомъ весьма трудно войти въ сношенія: онъ скорѣй боится насъ, чѣмъ уважаетъ. Недавно одинъ изъ нашихъ переводчиковъ заблудился въ окрестностяхъ Пекина и спросилъ о дорогѣ у крестьянина, но не получилъ отвѣта; раздраженный этимъ, онъ бросился за нимъ по полю верхомъ. Китаецъ, уставъ отъ бѣга, падаетъ на животъ; среди поля, видя себя во власти своего противника и только ворчитъ сквозь зубы: «я не понимаю». Только три раза повторивъ вопросъ, нашъ переводчикъ получилъ отвѣтъ и то знаками.

«Китаецъ не можетъ себѣ представить, чтобы европеецъ могъ говорить на его языкѣ: прежде чѣмъ мы разинемъ ротъ, угадавъ наше намѣреніе говорить, онъ уже говоритъ: «я не понимаю» и бѣжитъ со всѣхъ ногъ, или же, если боится, что не можетъ убѣжать, то дрожа повторяетъ обычныя фразы вѣжливости: «куда вы идете»? Сколько вамъ лѣтъ? Какъ васъ зовутъ»? но упрямо дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ.

«Съ нѣкотораго времени, я приобрѣлъ себѣ мѣстнаго друга: Генгъ-Ки, членъ совѣта иностранныхъ дѣлъ, оказываетъ мнѣ довѣріе и ищетъ моей дружбы. Я пригласилъ его обѣдать.

Оставивъ въ сторонѣ правила церемоніала, благодаря обильному возліянію шампанскаго, шартрева и мараскина, онъ признался мнѣ, щелкая по крышкѣ, только

что купленныхъ имъ красивыхъ золотыхъ часовъ, что мы умѣемъ дѣлать въ Европѣ великолѣпныя вещи, что вилки и ложки удобнѣе, чѣмъ палочки; что кофе стоитъ чаю и такъ далѣе—мнѣнія весьма смѣлыя для знатнаго мандарина. И наконецъ, прежде чѣмъ уѣхать, онъ сдѣлалъ мнѣ любезность, приказавъ своему секретарю спѣть намъ что нибудь. Последний, все время обѣда стоявшій за своимъ господиномъ, поддерживая одобрительными восклицаніями каждое его слово, запѣлъ какую то монотонную пѣсню, скорѣй способную усыпить, чѣмъ возбудить веселость, Генгъ-Ки въ полномъ удовольствіи топалъ ногою въ тактъ.

«Таковъ былъ обѣдъ, за который мандаринъ захотѣлъ отплатить мнѣ тѣмъ же и, надо сказать, что я принялъ его приглашеніе съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

«Утромъ въ условленный день, письмо Генгъ-Ки, украшенное цвѣтами, напомнило мнѣ о данномъ обѣщаніи. Я отправился вмѣстѣ съ переводчикомъ въ его домъ, помѣщающійся въ оградѣ Желтаго города.

«Генгъ-Ки встрѣтилъ насъ у подножія лѣстницы и, взявъ меня за руку, самъ повелъ черезъ храмъ предковъ до столовой, очень хорошенькой восьмиугольной комнаты, стѣны которой были украшены красивыми рисунками на бумагѣ и стеклѣ, вдѣланными въ деревянные рѣзные рамки. Четыре большіе шкафчика съ инкрустаціей изъ дерева и слоновой кости, уставленные вещами изъ лакированнаго дерева, хрусталия и фарфора, украшали углы комнаты; круглые, очень высокіе столы, занимали средину, наконецъ, множе-

ство цвѣтовъ въ горшкахъ придавали столовой видъ цвѣточной выставки.

«Генгъ-Ки, пропустивъ насъ впередъ, пригласилъ меня сѣсть и самъ помѣстился напротивъ. Переводчикъ сѣлъ между нами. Въ это время на дворѣ раздался ужасный шумъ—это служанки, ударяя молоткомъ въ гонгъ, давали знать о началѣ обѣда знатныхъ особъ.

«За нами стояло трое слугъ, готовыхъ при малѣйшемъ жестѣ исполнять наши желанія. Метръ д'отель приносилъ кушанья.

«Я замѣтилъ, что полъ столовой состоялъ изъ большихъ каменныхъ плитъ, различныхъ цвѣтовъ, образующихъ нѣчто вродѣ мозаики; ни какія циновки не защищали ногъ отъ холода. Зимой эта комната нагревается маленькими переносными жаровнями съ древеснымъ углемъ, запахъ отъ котораго до такой степени невыносимъ, что приходится оставлять дверь открытою; китайскимъ домамъ болѣе всего недостаетъ хорошей системы отопленія, хотя въ другихъ отношеніяхъ они отличаются полнымъ комфортомъ и изяществомъ. Къ счастью былъ жаркій Іюнь.

«Прежде всего на столъ подали десертъ, состоящій изъ освященныхъ блюдъ, какъ: взбитыя сливки, сиропъ изъ плодовъ, германскій сыръ въ видѣ дощечекъ, очень крѣпкій. Затѣмъ подали первыя блюда: всевозможныя произведенія изъ сахара, которымъ жиръ, примѣшиваемый при приготовленіи, придавалъ невыносимый вкусъ. За этимъ слѣдовали двѣ миски съ арбузными зернышками. Генгъ-Ки чистилъ зерна своими длинными ногтями и съ видимымъ удовольствіемъ жевалъ

ихъ, не выпуская въ то же время изъ рта трубки. Такъ какъ онъ ѣлъ съ одной стороны, а курилъ съ другой, то выраженіе лица знаменитаго мандарина съ каждой стороны казалось совершенно различнымъ.

«Арбузные зерна довольно пріятнаго вкуса, напоминающаго свѣжій миндаль. Ихъ употребленіе тѣмъ болѣе распространено, что утверждаютъ будто они придаютъ вкусъ вину. Слуги постоянно наливали намъ различныя вина: шампанское, мадеру, бордо, рисовое вино и чай въ маленькія чашки, не больше дѣтскихъ игрушечныхъ.

«За сладостями послѣдовало множество блюдъ. Четыре раза со стола снимали и снова ставили тѣ же самыя сорта мяса, но различно приготовленные, съ рисомъ и пикантными соусами, свинина во всевозможныхъ видахъ, жареная въ видѣ рагу, разныя рыбы, морскіе крабы, зелень, бобы, горошекъ и даже монгольскій картофель, который хозяинъ приказалъ приготовить изъ вниманія къ намъ; никакое необыкновенное мясо ни кошекъ, ни крысъ, ни собакъ не привлекли нашего вниманія. Мясо и рыба безъ костей были разрѣзаны на мелкіе кусочки и съ искусствомъ, свойственнымъ китайской кухнѣ, снова зашиты въ ихъ обжаренную кожу. Ножей не употребляютъ, блюда разрѣзаны заранѣе, а двѣ палочки замѣняютъ ложку и вилку, которыя, однако, имѣли любезность положить около нашихъ приборовъ.

«Тогда начались сцены вѣжливости. Генгъ-Ки желалъ непремѣнно самъ служить намъ, хотя мы бы предпочли брать изъ миски своими ложками, но онъ

руками снималъ кожу, покрывающую мясо и, опустивъ въ его палочки, которыя уже побывали у него во рту, клалъ намъ на блюдечки куски каждаго блюда. Я забылъ сказать, что блюдечки не перемѣняли, такъ что, благодаря любезности хозяина, въ нѣсколько минутъ передъ нами образовалась цѣлая пирамида, масса рыбы, зелени со всевозможными соусами, смѣсь которыхъ представляла самый странный вкусъ. Однако, Генгъ-Ки былъ въ восторгѣ, смѣялся, разговаривалъ и ѣлъ, энтузіазмомъ. Наклонившись лицомъ къ мискѣ и дѣйствуя палочками съ изумительной ловкостью, онъ накладывалъ въ свой большой ротъ, а часто на платье, на столъ и даже на насъ—мясо, рисъ, а въ особенности капли соуса. Это поспѣшное истребленіе сопровождалось фразами вѣжливости: «кушайте, пожалуйста, это блюдо», говорилъ онъ намъ, набивая ротъ, — «я приказалъ приготовить его для васъ. Скушайте еще немножко—вы меня осчастливите» и такъ далѣе.

Я полагаю, что мандаринъ былъ чистосердеченъ и не походилъ на тѣхъ хозяевъ, которые умоляютъ васъ скушать крылышко еще не начатой куропатки и бросаютъ на васъ яростные взгляды, когда вы не поняли, что вамъ предлагаютъ только для того, чтобы вы отказались.

Цѣлая корзинка маленькихъ пшеничныхъ пирожковъ, пропитанныхъ жиромъ и начиненныхъ ароматическими зернами—была поставлена около насъ. Генгъ-Ки ничего не забылъ, чтобы сдѣлать свой обѣдъ приятнымъ.

По мѣрѣ того, какъ аппетитъ удовлетворялся, раз-

говоръ оживлялся. Счастливый, что можетъ не говорить о политическихъ вопросахъ, всегда затруднительныхъ для китайской скромности, мандаринъ вполнѣ предавался своей природной веселости и осыпалъ насъ вопросами о Европѣ, обычая которой въ высшей степени возбуждали его удивленіе.

Черезъ открытыя окна столовой, я слышалъ на внутреннемъ дворѣ глухой шумъ и время отъ времени, любопытная голова появлялась въ амбразурѣ окна, устремляя на насъ большіе удивленные глаза. Вся женская часть дома: жена мандарина, жены его сыновей, ихъ сестры, дочери и множество служанокъ, были взволнованы присутствіемъ двухъ иностранцевъ. Эти бѣдныя затворницы, можетъ быть, еще не имѣли случая встрѣтить европейца на пекинскихъ улицахъ и хотѣли убѣдиться, на мѣстѣ ли у насъ носъ и ротъ ли мы ѣдимъ.

Наконецъ, по приказанію хозяина, миски и блюдечки, покрывавшія столъ, были сняты и принесено большое круглое блюдо, раздѣленное на четыре отдѣленія, изъ которыхъ въ каждомъ помѣщались различные сорта супа. Мы начали съ десерта и кончили супомъ. Эти послѣднія блюда состояли изъ клейкихъ веществъ, за которыя китайцы платятъ страшныя деньги—это было желе изъ ласточкиныхъ гнѣздъ съ лимоннымъ сокомъ; плавники акулы, сваренные и распущенные въ клейкомъ соусѣ; печенки и молоки рыбъ съ устричнымъ соусомъ и наконецъ супъ изъ кингасенга съ пюре изъ домашнихъ птицъ.

Я попробовалъ всѣхъ этихъ блюдъ, составляющихъ

верхъ искусства китайской кухни и можно сказать, что за исключеніемъ послѣдняго, которое великолѣпно, три остальныхъ показались мнѣ неважными и даже невкусными. Гнѣзда ласточекъ, такъ же безвкусны, какъ бламанже; плавники акулы напоминаютъ плохое заливное изъ телячьихъ ножекъ, что же касается супа изъ рыбы, то онъ похожъ на испорченную икру.

Въ довершеніе любезности для насъ попытались сварить кофе, (но какой кофе!) который принесли на столъ вмѣстѣ съ кабачкомъ для ликеръ недавно купленнымъ въ Шанхаѣ и которымъ нашъ хозяинъ видимо такъ же гордился, какъ часами.

Между тѣмъ разговоры Генгъ-Ко становились все интимнѣе; языкъ у него заплетался подъ вліяніемъ усиленныхъ возліяній. Мы удалились, поблагодаривъ его за дружескій пріемъ и проси не беспокоиться провожать насъ,—но онъ былъ до такой степени пропитанъ этикетомъ, что проводилъ насъ до носилокъ.

Во время этого обѣда, продолжавшагося нѣсколько часовъ, ни одинъ изъ трехъ сыновей Генгъ-Ки, изъ которыхъ два уже были мандаринами съ бѣлыми шариками, не осмѣлились, изъ уваженія къ отцу, явиться посмотреть на насъ въ столовую.

ГЛАВА XIII.

Искусство, промышленность и торговля.

Составъ корпуса ученыхъ и академія Ганъ-линь: — Императорская бібліотека и кабинетъ эстамповъ въ Пекинѣ. — Трудность письма и чтенія. — Заботы объ общественномъ образованіи. — Воспитаніе дѣтей. — Астрологія, географія, точныя науки. — Любопытныя рецепты китайской медицины. — Излеченіе бѣшенства и глухоты. — Театральныя представленія у мандарина Чунгъ-Ло. — Маріонетки. — Свобода прессы. — Пекинская газета. — Оффиціальныя журналы. — Музыка, живопись и скульптура. — Искусство въ приложеніи къ промышленности. — Способность китайцевъ къ ручнымъ ремесламъ. — Корпорачія носильщиковъ. — Разнощики. — Почта. — Кассы ссудъ. — Банки и монета. — День новаго года и срокъ всѣхъ уплатъ.

Практическій геній одинъ имѣеть значеніе въ глазахъ китайцевъ: они слишкомъ положительны, чтобы любить искусство по нашему. Конфуцій, всѣ философы и всѣ великіе писатели—послѣдователи его доктрины—говорили, что для пріобрѣтенія восхищенія себѣ подобныхъ надо добросовѣстно исполнять свои общественныя обязанности, ловко управлять дѣлами, благоразумно руководить самимъ собою, однимъ сло-

вомъ быть хорошимъ гражданиномъ. Литературный или артистическій геній съ отвлеченной точки зрѣнія — есть ложная идея. Литература не имѣетъ другой заслуги, кромѣ пользы, которую она приноситъ, смягчая нравы и научая людей вести себя, поэтому драматическія произведенія китайцевъ есть ничто иное, какъ историческія сцены, ихъ романъ—нравственные рассказы, ихъ поэзія—лирическіе стихи въ честь великихъ людей, или стансы, описывающіе красоты природы. Чисто литературныя произведенія весьма рѣдки, или, по крайней мѣрѣ, незначительны, тогда какъ историческія, философскія и нравственные сочиненія, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить каноническія книги, или Кингъ, относящійся къ далекой древности—не только очень многочисленны, но даже выше всего, что когда либо было напечатано въ этомъ родѣ у самыхъ цивилизованныхъ народовъ свѣта.

Экзамены, которые должны выдерживать ученые, гораздо менѣе касаются литературы, чѣмъ разъясненія искусства управлять, основаннаго на исторіи, преданіяхъ и нравственности, поэтому Китай совсѣмъ не управляется литераторами, какъ это ложно утверждали прежде.

Мы прибавимъ еще нѣсколько подробностей, къ сообщеннымъ уже нами, относительно знаменитаго учрежденія ученыхъ.

Каждый гражданинъ, каковы бы ни были его лѣта *) и профессія, можетъ держать экзаменъ на пер-

*) Въ Кантовѣ мы видѣли одного сѣдого старика, который записался на листѣ экзаменующихся вмѣстѣ съ сыномъ и внукомъ.

вую степень, называемую ліу-дзе, получение которой даетъ право носить мѣдные шарикѣ. Изъ общаго правила исключаются только люди, занимающіеся профессіей актеровъ, жонглеровъ, палачей, тюремщиковъ, слугъ, цирюльниковъ, носильщиковъ, лодочниковъ, нищихъ и музыкантовъ.

Какъ бы ни была велика толпа конкурентовъ, такъ какъ первая степень одна открываетъ доступъ во всѣ карьеры, число ліу-дзе опредѣляется для всего государства въ тринадцать тысячъ шестьсотъ человекъ.

Экзамены происходятъ во всѣхъ главныхъ городахъ округовъ; для высшей степени они происходятъ исключительно въ Пекинѣ передъ императорской академіей Ганъ-Линъ.

Каждые три года, получившіе первую степень, являются въ столицу, чтобы добиваться второй степени или Кингъ-джинъ: они помѣщаются въ гостиницахъ, окружающихъ храмъ литературныхъ сочиненій, помѣщающійся въ Татарскомъ городѣ. Тутъ ихъ видятъ проходящими въ шапкахъ, украшенныхъ двумя вѣтвями позолоченныхъ листьевъ, предшествуемыхъ двумя слугами, показывающими толпѣ знаки уже пріобрѣтенной ими степени.

Количество членовъ второй степени ограничено въ тысячу триста шестьдесятъ человекъ, — десять первыхъ по праву дѣлаются членами академіи Ганъ-линъ, изъ которыхъ выходятъ министры, губернаторы провинцій и всѣ высшіе сановники.

Академія Ганъ-линъ раздѣляется на множество от-

дѣленій; тѣ изъ ея членовъ, которые перестаютъ занимать административныя мѣста являются снова занять въ ней свое мѣсто. Въ ней есть отдѣлъ исторіографіи, отдѣлъ воспитанія, медицины, письма и живописи, небесныхъ наукъ, императорскихъ чтецовъ и такъ далѣе, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, она одна даетъ высшее направленіе общественному образованію, литературѣ, искусствамъ, точнымъ, нравственнымъ и политическимъ наукамъ.

Императорская библіотека, въ каталогѣ которой помѣщаются названія двѣнадцати тысячъ произведеній и музей эстамповъ, въ которомъ помѣщаются портреты всѣхъ императоровъ, также принадлежать къ Академіи.

Въ эти учрежденія очень трудно проникнуть, такъ какъ они помѣщаются въ оградѣ Краснаго города, или императорскаго дворца и находятся подъ наблюдениемъ одного охранителя и шести помощниковъ. Однако, охранитель имѣетъ право выдавать ученымъ деревянные рѣзные жетоны, съ которыми они имѣютъ доступъ въ библіотеку.

Важность, которую китайцы приписываютъ письму, чтенію, грамматикѣ и основательному знанію языка зависитъ отъ трудности этого языка. Древнее письмо китайцевъ, было идеографическое, то есть представляло предметъ знаками, начертанными какъ европейскіе іероглифы, вмѣсто того, чтобы быть фонетическимъ, то есть состоятъ изъ знаковъ соответствующихъ звукамъ языка. Эти таблицы буквъ, въ количествѣ двухъ сотъ четырнадцати, были грубымъ изо-

браженіемъ недостаточно хорошо передававшимъ матеріальные предметы.

Идеографическое письмо, употребленіе котораго дикими народами объясняется легко, должно становиться очень затруднительнымъ, когда употребляется людьми цивилизованными, которые должны выражать имъ отвлеченныя идеи.

Китайцы съумѣли остроумно измѣнить свои буквы такъ, чтобы сдѣлать ихъ способными удовлетворять потребностямъ ихъ развивающейся цивилизаціи: гнѣвъ изображался связаннымъ сердцемъ—знакомъ рабства, дружба—двумя одинаковыми жемчужинами, исторія—рукой держащей символъ правосудія. Но, такъ какъ и эти остроумныя фигуры перестали удовлетворять, то ихъ стали комбинировать, до безконечности измѣняя увеличивая ихъ число и нужны всѣ познанія стараго ученаго, чтобы узнать рисунокъ первобытнаго письма въ нынѣшнихъ знакахъ, которыхъ по числу болѣе четырехъ тысячъ.

Такимъ образомъ создалось новѣйшее письмо, письмо фигуральной, не относящееся къ языку, на которомъ говорить: это единственное исключеніе среди цивилизованныхъ народовъ и изъ всего сказаннаго легко понять, что умѣть читать и писать по китайски—цѣлое искусство, требующее долгаго изученія какъ для мѣстныхъ жителей, такъ и для иностранцевъ. Къ тому же оно измѣняется даже въ своихъ грамматическихъ формахъ; въ немъ есть три сорта стилей: стиль античный, или божественный, употребляемый въ древнихъ каноническихъ книгахъ, стиль академи-

ческий, принятый официальными и literalными документами и стиль обыкновенный.

Китайцы придаютъ большое значеніе красивому почерку: каллиграфія, или, по ихъ выраженію, изящная кисть, достойна восхищенія.

Капитанъ Бувье и одинъ изъ переводчиковъ французскаго посольства, однажды, были съ визитомъ у Чонгъ-Луена, одного изъ высшихъ сановниковъ Пекина; его сынъ, мандаринъ съ голубымъ шарикомъ, молодой человекъ двадцати двухъ лѣтъ но уже отецъ ребенка, то есть сына, такъ какъ дочери не считаются, присутствовалъ на пріемѣ. Чонгъ-Луенъ, желая дать посѣтителю понятіе о раннемъ развитіи своего сына, послалъ за большимъ картономъ, на которомъ молодой человекъ начертилъ въ красивыхъ контурахъ слово «долговѣчность» и показалъ имъ это слово съ такой гордостью, какъ будто это было цѣлое литературное произведеніе.

Подобная папка или модель письма вывѣшивается въ комнатахъ, какъ въ Европѣ академическіе рисунки.

Видъ китайскаго письма довольно страненъ: знаки ставятся одинъ подъ другимъ вертикальными столбцами и идутъ справа на лѣво. Однимъ словомъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, китайцы дѣйствуютъ совершенно противоположно нашему. Къ тому-же положеніе, въ которомъ помѣщены знаки, весьма важно: такъ «императоръ» пишется двумя буквами выше другихъ — не сдѣлать этого, значило бы провиниться въ оскорбленіи величества.

Всему свѣту извѣстна китайская тушь. При по-

мощи этой туши, разведенной въ водѣ и кисточки китаецъ чертитъ свои знаки, держа руку перпендикулярно, вмѣсто того, чтобы горизонтально опустить ее на бумагу.

Разговорный языкъ гораздо менѣ труденъ; онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ слоговъ, различное соединеніе которыхъ выражаетъ всѣ идеи, надо только прибавлять черточки, которыя придаютъ различное удареніе односложнымъ словомъ. Южный языкъ достаточно отличается отъ сѣвернаго, чтобы китайцы не могли понимать другъ друга безъ помощи кисти, кромѣ того въ каждой провинціи свое нарѣчіе.

Не смотря на трудности, которыя представляетъ китайское чтеніе и письмо, въ Китаѣ, безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ гдѣ либо распространено первоначальное образованіе. Школы находятся въ самыхъ маленькихъ деревушкахъ и земледѣльцы охотно содержатъ ихъ на свой счетъ. Весьма рѣдко встрѣтить совершенно безграмотнаго китайца: рабочіе и крестьяне въ состояніи сами переписываться, разбирать афиши и правительственныя прокламаціи и записывать свои ежедневныя дѣла.

Обученіе въ первоначальной школѣ основывается на Санъ-дзе-Кингѣ, священной книгѣ, приписываемой одному изъ послѣдователей Конфуція, которая въ семидесяти восьми стихахъ резюмируетъ всѣ науки и знанія. Эта маленькая энциклопедія прилично, объясненная и развитая учителемъ для того, что бы внушить китайскимъ дѣтямъ любовь къ положительнымъ ве-

щамъ и заставить ихъ трудиться для пріобрѣтенія болѣе серьезнаго образованія.

Въ большихъ городахъ также существуютъ школы, гдѣ дѣти ученыхъ и мандариновъ получаютъ полное образованіе. Такова между прочимъ императорская школа въ Пекинѣ.

Обычай требуетъ, чтобы воспитаніе богатаго ребенка начиналось съ первой же минуты его рожденія и предоставляетъ его кормилицѣ, только предписывая матерямъ величайшія предосторожности въ ихъ выборѣ. Ребенка отнимаютъ сейчасъ же, какъ только онъ въ состояніи поднести руку ко рту. Въ шесть лѣтъ его учатъ первымъ правиламъ ариметики и географіи, въ семь—его отдѣляютъ отъ матери и сестеръ и не дозволяютъ ѣсть вмѣстѣ съ ними; въ восемь начинаютъ учить правиламъ вѣжливости. Черезъ годъ его учатъ астрологическому календарю. Въ десять лѣтъ его посылаютъ въ публичную школу, гдѣ учитель учить его читать, писать и считать. Отъ тринадцати лѣтъ до пятнадцати ему даютъ уроки музыки и заставляютъ пѣть нравственные стихи замѣняющія кантаты. Въ пятнадцать лѣтъ начинаются физическіе упражненія: обращеніе съ оружіемъ и верховая ѣзда. Наконецъ, въ двадцать лѣтъ, если его считаютъ достойнымъ, онъ получаетъ мужскую шапку и замѣняетъ бумажное платье шелковымъ и мѣховымъ костюмомъ; это также и брачный годъ.

Учителя китайскихъ школъ—это неудавшіеся ученые, которые не могли получить высшей степени. Они заставляютъ учениковъ распѣвать уроки вслухъ,

и повидимому, давно поняли важность взаимнаго обученія. Упрямыхъ они наказываютъ косами и маленькими молоточками, которыми колотятъ по рукамъ и по спинѣ. Нравственное наказаніе также прилагается: надпись, привязанная на спинѣ, указываетъ общественному презрѣнію на лѣниваго ученика.

Бѣдныхъ дѣтей принимаютъ въ школы даромъ.

Китайцы, не смотря на свой практическій смыслъ, сдѣлали мало успѣховъ въ точныхъ наукахъ, что слѣдуетъ приписать ихъ наклонности къ астрологическимъ измышленіямъ. Альманахъ, печатаемый ежегодно императорской академіей — одна изъ самыхъ распространенныхъ книгъ. Годъ, раздѣляемый на четыре части, соответствующія нашимъ, начинается перваго февраля, съ наступленіемъ весны. Мѣсяць имѣетъ пятнадцать дней, такъ что въ году двадцать четыре мѣсяца. Каждый день года имѣетъ свои особенныя предсказанія, соответствующія волшебной власти, приписываемой небесному своду надъ человѣческими судьбами. Поэтому простые люди тщательно справляются съ календаремъ, чтобы узнать въ какую минуту они должны бриться, принимать лекарство, жениться, начинать путешествіе или промышленное дѣло. Ученые мандарины не имѣютъ такого довѣрія къ этимъ предсказаніямъ, на которыя они однако смотрятъ, какъ на полезныя для того, чтобы сдерживать народныя массы.

Хотя китайцы мало знаютъ астрономію, они, тѣмъ не менѣе, любятъ ее, что доказываютъ основаніе императоромъ Кангъ-Ги Пекинской обсерваторіи. Втеченіи двухъ тысячъ лѣтъ всѣ небесныя феномены: кометы,

метеоры, аэролиты тщательно записываются въ спеціальныя книги.

Во время появленія кометы 1861 года, принцъ Конгъ послалъ спросить во французское посольство: предсказываетъ ли этотъ феноменъ, по мнѣнію европейцевъ, какое нибудь земное событіе? Изъ этого видно, что самъ принцъ не былъ вполне свободенъ отъ народныхъ предразсудковъ.

Затмѣнія предсказываются заранѣе и, покрайней мѣрѣ въ Пекинѣ, народъ, для того, чтобы помѣшать солнцу быть съѣденнымъ луною, поднимаетъ страшный шумъ, который описывали многіе изъ путешественниковъ.

Географія, которая есть искусство измѣрять землю, ограничивается астрономическими знаніями, то есть, за недостаткомъ математическихъ средствъ, китайцы придумали фантастическій шаръ, скорѣй овальный, чѣмъ сферической формы, столь же странной какъ и мѣръ Геродота.

Математическія науки, съ такимъ успѣхомъ разрабатываемыя арабами среднихъ вѣковъ, у китайцевъ остались въ первобытномъ состояніи. Но, что касается физики, химіи и механики, то они открыли гораздо раньше насъ свойство намагниченной иглы, буреніе артезіанскихъ колодцевъ, разложеніе растительныхъ соковъ для образованія красокъ, фабрикацію пороха и вообще множество остроумныхъ промышленныхъ приложений—но эти открытія остались въ первоначальномъ состояніи, не будучи ни записаны, ни формулированы ученымъ языкомъ, котораго нѣтъ совсѣмъ и многія исчезли вмѣстѣ съ

семействами, знавшими ихъ секретъ. Сами китайцы признаются, что многое изъ того, что было извѣстно въ предыдущемъ вѣкѣ, безвозвратно погибло.

Рядомъ съ глубокимъ невѣжествомъ, вызваннымъ отсутствіемъ аналитическаго изученія медицина имѣетъ драгоцѣнныя средства; каждый свободенъ заниматься ею, но съ ужаснымъ ограниченіемъ: одинъ параграфъ уголовного кодекса говоритъ, что всякій докторъ, обѣщавшій семейству вылѣчить больного и дающій ему умереть, можетъ быть обвиненъ въ томъ, что онъ давалъ лѣкарства, или дѣлалъ операцію, вызвавшую смерть и будетъ приговоренъ заплатить большое вознагражденіе наследникамъ и, кромѣ того, получить пятьдесятъ палочныхъ ударовъ. Впрочемъ, надо признаться, что этотъ законъ, какъ бы ни былъ онъ тяжелъ, имѣетъ свою хорошую сторону.

По словамъ китайскихъ докторовъ, человѣческое тѣло есть родъ лиры и артеріи, подобно струнамъ музыкальнаго инструмента, даютъ разнообразныя колебанія, доказывающія разстроены онъ или настроены; поэтому они говорятъ, что узнаютъ всѣ болѣзни по біенію пульсовъ, которыхъ, по ихъ мнѣнію, много: пульсъ сердца, пульсъ печени, пульсъ мозга и такъ далѣе. Когда смертельная опасность констатирована, они дѣлаютъ въ тѣлѣ больного глубокіе проколы, для того чтобы дать выходъ зловреднымъ газамъ, помѣщающимся въ тѣлѣ и это лѣченіе въ многихъ случаяхъ имѣетъ успѣхъ.

Во время проѣзда французскаго посланника въ Тонгъ-Леу, одинъ молодой шестнадцатилѣтній китаецъ

упалъ безъ чувствъ отъ жара; ничто не могло привести его въ себя, когда одному изъ городскихъ докторовъ пришло въ голову погрузить двѣ длинныя стальные иголки ему въ руку и двѣ близъ сердца: излѣченіе было мгновенное—слѣдовало-ли его приписать этой страшной операціи или же перемѣнѣ погоды, такъ какъ въ это время разразилась сильная гроза и можетъ быть она была причиной благотворной перемѣны въ состояніи больного. Эти проколы имѣютъ также хорошее вліяніе на ревматизмъ.

Другія, наиболѣе употребительныя, средства слѣдующія: ядъ змѣи, слабительныя, ѣдкій порошокъ для вызова наружныхъ заволокъ, намагниченные желѣзные шары, которые даютъ въ ладонь больному и которые производятъ электрическое сотрясеніе во всей нервной системѣ и наконецъ знаменитыя красныя пидюли, тайна которыхъ принадлежитъ одному пикинскому семейству, которое продаетъ ихъ на вѣсь серебра; эти красныя пидюли, польза которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, дѣйствуютъ какъ сильное потогонное средство.

Болѣзни кожи, въ особенности сифилитическія язвы, диссентерія, легочная чахотка и холера—наиболѣе обыкновенныя болѣзни въ Китаѣ, гдѣ ихъ лѣчатъ очень плохо. Прививка оспы, которая была тамъ неизвѣстна, нѣсколько лѣтъ тому назадъ введена европейцами въ приморскихъ городахъ.

Мы приведемъ здѣсь два, въ высшей степени интересные, медицинскіе факты: отецъ Гюкъ, правдивость котораго не можетъ быть оспариваема, видѣлъ

какъ выдѣчили хроническую глухоту, а господинъ Фонтанье, переводчикъ французскаго посольства, убѣдился, что самые сильные припадки бѣшенства исчезли отъ внутренняго и внѣшняго приѣма извѣстныхъ средствъ принадлежащихъ къ растительному царству. *) Приходится сознаться, что есть, можетъ быть, много вещей, которыя наши доктора могли бы заимствовать у продолжительной опытности ихъ китайскихъ собратьевъ и что было бы весьма интересно, еслибы множество отпечатанныхъ въ Китаѣ медицинскихъ книгъ было переведено на европейскіе языки.

Мы уже говорили въ началѣ этой главы о преимуществахъ китайцевъ въ общественной экономіи, философіи и исторіи, во всѣхъ нравственныхъ и политическихъ наукахъ, основанныхъ на опытѣ и разсужденіи; мы упомянули также о рѣдкости чисто литературныхъ произведеній — изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы въ Китаѣ, какъ во всякой цивилизованной странѣ, не было множества поэтовъ, романистовъ и драматическихъ писателей, но ихъ малоуважаемыя и плохооплачиваемыя произведенія крайне эфемерны. Поэтъ пишетъ оду — вѣчно на какойнибудь случай — ее читаютъ, играютъ среди апплодисментовъ — и на другой день она забыта. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ народѣ не былъ крайне развитъ вкусъ къ театральнымъ представленіямъ, но китаецъ постыдился

*) Эти медикаменты, состоявшіе изъ карней и травъ были посланы въ это время изъ Китая въ музей естественной исторіи въ Парижъ, но о нихъ никто болѣе ничего не слышалъ.

бы приписать слишкомъ большую важность пустымъ развлеченіямъ.

Директоры труппъ по большей части авторы представляемыхъ у нихъ пьесъ, или покрайней мѣрѣ они измѣняютъ ихъ смотря по требованію актеровъ и по имѣющимся костюмамъ.

Въ Пекинѣ нѣтъ ни постоянныхъ, ни дозволенныхъ театровъ; правительство только терпитъ ихъ временное существованіе на городскихъ площадяхъ, во время общественныхъ праздниковъ, но они существуютъ во многихъ чайныхъ домахъ, вродѣ нашихъ кафе-шантановъ, и у всѣхъ богатыхъ людей, которые каждый разъ какъ наймутъ труппу актеровъ, чтобы повеселиться, или отпраздновать семейное торжество; съ цѣлью популярности бесплатно впускаютъ народъ въ частный домъ, предназначаемый для театра.

Я былъ на театральномъ представленіи, данномъ государственнымъ секретаремъ Чунгъ-луеномъ въ саду своего дворца, въ Китайскомъ городѣ, по случаю новаго года. Этотъ театръ похожъ на тѣ, которые строятся въ Парижѣ на эспланадѣ инвалидовъ во время праздника Имперіи: это большой четырехугольный балаганъ въ формѣ греческаго храма, поддерживаемый съ каждой стороны четырьмя колоннами обвитыми небесно гулубыми, зелеными и красными гирляндами, фронтонъ котораго покрытъ украшеніями. Сцена широкая, но не глубокая, представляетъ платформу, поднятую приблизительно на два метра. Родъ большого экрана отдѣляетъ ее отъ кулисъ, помѣщающихся сзади, гдѣ актеры одѣваются и раскрашивают-

—~~он~~. Декорацій не существуетъ: всего только два или три стула и коверъ. Круглый залъ, очень большой сравнительно со сценой, вымощенъ въ передней части мраморными плитами. Онъ безъ крыши и зрители не видѣютъ другого убѣжища, кромѣ спускающейся надъ ними листвы деревьевъ.

Мы заняли мѣсто на эстрадѣ, воздвигнутой нарочно для насъ напротивъ сцены; съ двухъ сторонъ помѣщаются ложи съ рѣшетками и бамбуковыми жалюзи, откуда жены нашего хозяина и его приглашенныхъ присутствуютъ при спектаклѣ. Изъ боязни, чтобы ихъ не увидѣли, онѣ закрываютъ лицо плотной шелковой сѣткой.

Менѣ знатные посѣтители сидятъ на стульяхъ, разставленныхъ вокругъ маленькихъ столиковъ на четыре или пять человекъ. За ними волнуется, какъ муравейникъ, масса человѣческихъ головъ—это толпа простыхъ людей, спѣшащихъ насладиться зрѣлищемъ, которымъ обязаны щедрости знаменитаго Чунгъ-Луена. Въ Пекинѣ, какъ въ Парижѣ, простой народъ охотно стоитъ на ногахъ, безъ всякой опоры, втеченіи цѣлыхъ часовъ, только бы посмотреть представленіе: добрые отцы семействъ держатъ по двое и по трое ребятъ на спинѣ и на плечахъ, но нѣтъ ни одной женщины.

По знаку, данному съ нашей трибуны, окрестръ, помѣщающійся съ одной стороны сценѣ и состоящій изъ двухъ флейтъ, барабана и арфы, начинаетъ шумъ, дающій знать объ открытіи, затѣмъ отодвигается экранъ, актеры появляются всё вмѣстѣ въ городскихъ

костюмахъ и, поклонившись такъ низко, что касаются лбомъ земли, отступаютъ, оставляя около рампы одного начальника труппы, который торжественно рассказываетъ репертуаръ драматическихъ произведеній, которыя будутъ намъ представлены. Какъ кажется намъ предстоитъ видѣть трагическую драму, изображающую завоеваніе Китая татарами и сказку о бракѣ океана и земли.

Первая пьеса начинается неожиданнымъ появленіемъ офицера, въ костюмѣ времянь минговъ, въ сопровожденіи двухъ солдатъ. Онъ начинаетъ длинный речитативъ съ аккомпаниментомъ фокусовъ, которые состоятъ на примѣръ въ томъ, чтобы удержать копье въ равновѣсіи на кончикѣ носа. Это начало. Мало по малу драматическое дѣйствіе развивается: офицеръ уходитъ и его замѣняютъ принцесса и ея свита. Эта прелестная особа, дочь свергнутого императора, является рассказать свои горести; она отчаянно рыдаетъ, рветъ на себѣ волосы, не желаетъ утѣшиться.

Актрисы кажутся очень хорошенькими, а между тѣмъ это молодые люди, потому что императоръ Минъ-Лонгъ запретилъ женщинамъ являться на сценѣ, такъ какъ профессія актера считается позоромъ. Они такъ хорошо разодѣты, такъ естественно шатаются на своихъ ногахъ въ театральныхъ туфляхъ, что нельзя не ошибиться.

Вотъ китайскій принцъ, неизбежный любовникъ, тайно пробирается во дворецъ, чтобы похитить не вѣсту. Начинается любовный дуэтъ, который наполовину поется, наполовину говорится. Принцесса,

приближается въ рампѣ и, кладя руку на сердце, выражаетъ свою радость монотоннымъ пѣніемъ, оканчивающимся рѣзкой нотой, которую она тянетъ, не переводя духа втеченіи нѣсколькихъ минутъ. Этотъ музыкальный фарсъ, высоко цѣнимый знатоками, вызываетъ неописанный энтузіазмъ: зрители вскакиваютъ, повсюду слышны восклицанія «гао!» (хорошо!) и вмѣстѣ съ тѣмъ громкій стукъ по столамъ чубуками. Это манера аплодировать. Но, о измѣна! татарскій побѣдитель врывается въ залу, въ сопровожденіи своей стражи: онъ все видитъ, онъ все знаетъ, онъ страшно поводитъ глазами, потрясаетъ въ одной рукѣ саблей, въ другой—топоромъ и идетъ большими шагами,—какъ злодѣи въ нашихъ мелодрамахъ, онъ грубо отталкиваетъ принцессу и приказываетъ заковать въ цѣпи влюбленнаго принца, своего соперника.

Побѣдитель-татаринъ сдѣлалъ ужасное лицо, брови взъерошены какъ шерсть вепря, длинная черная шелковая борода, падаетъ кольцами на его широкую грудь; корона великолѣпно сверкаетъ золотомъ, серебромъ и вышивкой и въ точности представляетъ костюмъ той эпохи, въ которой происходила представляемая драма. Но я не стану перечислять всѣхъ сценъ, тѣмъ болѣе, что не знаю по китайски и такъ какъ интрига все усложнилась и я наконецъ потерялъ нить. Мнѣ кажется, однако, что презирая правилами трехъ единствъ, авторъ въ двухъ сценахъ заставляетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ прожить много лѣтъ; наконецъ, въ развязкѣ, узурпаторъ, побѣдивъ всѣхъ враговъ, кладетъ къ ногамъ дочери свергнутаго имъ ки-

тайскаго императора свою славу и свою корону, а послѣдняя, забывъ свою любовь и кровь отца, требующую мщениа, принимаетъ руку и половину трона, предложеннаго побѣдителемъ, освящая такимъ образомъ императорскую власть новой династии.

Пьеса была разыграна безъ перерывовъ и антрактовъ. Когда она кончилась, директоръ труппы прочелъ намъ историческую мораль, въ которой заявилъ, среди всеобщихъ одобреній, что желалъ бы показатъ въ этой драмѣ легкость и непостоянство женщинъ, которымъ всякій благоразумный гражданинъ не долженъ довѣрять.

Во второй пьесѣ — аллегоріи: «Бракъ океана и земли» всѣ актеры были въ болѣе или менѣе странныхъ маскахъ, были: черти, гени, гиппокрифы, рыбы, фигуранты, превращенные въ морскія растенія, закрывали свои головы раскрашенными картонными масками, представлявшими морскіе цвѣты. У другихъ вмѣсто головы были морскія волны, съ которыми они танцовали характерный танецъ, волнуясь въ тактъ подъ своими картонными прикрывками подъ глухую музыку оркестра. Это изображало разгнѣванный океанъ.

Когда представленіе кончилось, толпа разошлась въ замѣчательномъ порядкѣ безъ шума, безъ криковъ, безъ ссоръ. «Ночь создана для того, что бы спать» говоритъ китайскій законодатель и ни одинъ театръ не долженъ быть открытъ послѣ захода солнца.

Представленіе у Чунгъ-Луена похоже на то, какое я уже видѣлъ въ чайныхъ домахъ Тьенъ-Дзина; тамъ

платять сто сапековъ (около франка) за входъ, кромѣ того имѣютъ право на известное количество чашекъ чаю, маленькихъ пирожковъ и сухихъ плодовъ. Театръ менѣе роскошенъ, но залъ окруженъ широкими галереями, гдѣ садятся, внѣ толпы, ученые и богатые негоціанты.

Но, кромѣ настоящихъ театровъ, въ Китаѣ множество странствующихъ фигляровъ, фокусниковъ и акробатовъ, канатныхъ плясуновъ и наконецъ, странствующій гипподромъ. Показываются также маріонетки, совершенно похожія на европейскія: который изъ двухъ народовъ занялъ одинъ у другого это странное изобрѣтеніе? слава китайскихъ тѣней, которыя мы заимствовали, казалось должна была бы доказать, что китайцы имѣютъ первенство. Приводящій въ движеніе куколъ стоитъ на табуретѣ, закутанный съ ногъ до головы въ широкія складки синей бумажной матеріи; ящикъ, представляющій маленькій театръ, опирается на его плечи и возвышается надъ головой. Его руки двигаются, но никто не угадываетъ употребляемаго имъ механизма для приведенія въ дѣйствіе его маленькихъ автоматовъ.

Граждане Небесной имперіи пользуются полною свободой прессы, но на свой рискъ и страхъ: власти, не имѣющія права запретить какую бы то ни было публикацію, послѣ ея появленія мстятъ палочными ударами за памфлеты и сатиры, каждый день печатающіеся на ея счетъ.

Множество мелкихъ ручныхъ станковъ есть у частныхъ лицъ, которые ими пользуются и злоупот-

реблюють: нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ стѣны домовъ были бы до такой степени заклеены афишами.

Типографское искусство извѣстно въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ, но такъ какъ ихъ алфавитъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ четырехъ тысячъ буквъ, то они не могутъ пользоваться подвижнымъ шрифтомъ, поэтому они довольствуются тѣмъ, что рельефно вырѣзываютъ на твердой деревянной доскѣ тѣ знаки, которые имъ нужны, намазываютъ ихъ тушью и печатаютъ определенное количество оттисковъ. Прикладывая последовательно различные листы бумаги, переплетчики соединяютъ эти листы въ книги, привязывая по краямъ. Въ предисловіи обыкновенно указывается мѣсто, гдѣ находится доска, служившая для перваго изданія.

Въ Китаѣ множество ежедневныхъ газетъ, между прочимъ официальная газета—правительственный органъ, плата за который три шастра въ треть. Этотъ листъ, печатаемый въ формѣ брошюры, представляетъ длинный четырехугольникъ съ дюжиной страницъ; на оберткѣ его нарисованъ портретъ Менъ-дзе. Здѣсь находится перечень всѣхъ общественныхъ дѣлъ и важныхъ событій, мемуаровъ, представленныхъ императору, его декреты, указы провинціальныхъ вице-королей, юридическіе приговоры и помилованія, таможенные тарифы, придворный курьеръ, различныя новости, извѣстія о пожарахъ, преступленіяхъ и такъ далѣе, наконецъ, счастливыя, или несчастныя подробности войны противъ инсургентовъ тай-пинговъ. Здѣсь даже сознаются въ пораженіяхъ—откровенность, ко-

торую не мѣшало бы перенять нашимъ европейскимъ официальнымъ газетамъ.

Китайцы питаютъ наслѣдственное и почти религиозное уваженіе ко всякой печатной и исписанной бумагѣ. Листы ея тщательно собираются и по прочтеніи сжигаются, чтобы спасти ихъ отъ всякой профанаци. Увѣряютъ даже, что существуетъ общество, которое платитъ мусорщикамъ, собирающимъ мусоръ со всего города, за доставку всѣхъ обрывковъ бумаги. Эти тряпичники особаго сорта получаютъ преміи за спасеніе обрывковъ человѣческой мысли.

Искусство, такъ же какъ и архитектура, зашли очань далеко въ смыслѣ утилитарномъ и промышленномъ: пластическое искусство и безусловно прекрасное, непонятная для китайцевъ идея. Музыка не имѣетъ въ себѣ ничего гармоничнаго—это методически рассчитанный шумъ, аккомпанирующій человѣческому голосу въ речитативахъ, или ритмическихъ декламацияхъ—въ ней не надо искать ни вдохновенія, ни мелодіи.

Гамма, обозначаемая особыми знаками, не допускаетъ полутоновъ, а измѣненія звуковъ, изъ которыхъ выходитъ гармонія, совершенно неизвѣстны. Поэтому китайская музыка, которая сначала нравится своимъ извѣстнымъ печальнымъ характеромъ, наконецъ начинаетъ раздражать нервы своей монотонностью и однообразіемъ.

Всѣ китайскія аріи давно заучены и повторяются однообразно и ничто такъ не удивляетъ китайцевъ.

какъ видѣть, что европейцы записываютъ мотивъ со всѣми его оттѣнками.

Музыкальные инструменты крайне разнообразны; они состоятъ изъ различныхъ сортовъ: скрипокъ, виолончелей, мандолинъ, лиръ, гитаръ довольно граціозной формы и весьма любимыхъ богатыми дамами, которыя аккомпанируютъ свое пѣніе на этомъ инструментѣ, флейтъ и трубъ. У флейтъ обыкновенно двѣнадцать отверстій и около двухъ метровъ длины.

Шэнгъ --инструментъ, состоящій изъ двѣнадцати бамбуковыхъ трубочекъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ нашей гармоніей. На арфѣ и на гармоніи играютъ маленькимъ металлическимъ молоткомъ.

Наконецъ, упомянемъ объ обыкновенномъ китайскомъ барабанѣ, который мы у нихъ заимствовали, о цимбалахъ и гонгѣ, этомъ гигантскомъ мѣдномъ блюдѣ, ревъ котораго похожъ на ревъ грома.

Всѣ эти инструменты изъ тиковаго дерева, украшенные чернымъ деревомъ и слоновой костью, довольно дороги не смотря на свое несовершенство.

Чтобы играть на струнныхъ инструментахъ, артисты употребляютъ свои ногти, извлекая довольно рѣзкіе звуки и хотя проводятъ большую часть времени, настраивая скрипки, хотя отбрасываютъ назадъ головы съ гримасами импровизирующаго, даровые слушатели выходятъ изъ ихъ концерта, затыкая уши и съ сильной головной болью.

Живопись, архитектура и скульптура сдѣлали большіе успѣхи чѣмъ музыка, въ особенности архитектура, о которой мы не будемъ говорить, такъ какъ по-

дробнаго описанія китайскихъ зданій достаточно, чтобы познакомить съ нею читателя.

Живопись совсѣмъ не такъ груба, какъ думаютъ въ Европѣ. Китайскіе альбомы—это сборники, въ которыхъ вѣрно изображены не только земледѣльческія и ремесленныя работы, животныя и растенія, но и сцены нравовъ изъ домашней жизни. Эти картины, по большей частью тушью и на рисовой бумагѣ, отличаются крайней чистотою линій и передаютъ всѣ выраженія людскихъ страстей съ вѣрностью, которой нельзя отрицать.

Пейзажи менѣе хороши, не потому чтобы артисты не были знакомы съ перспективой—какъ это ложно утверждали—по потому что они не умѣютъ примѣнять тѣни и полутоны, которые производятъ иллюзію дали и туманности: линіи слишкомъ опредѣленны и цвѣта ярки.

Не слѣдуетъ судить о китайскомъ искусствѣ подешевымъ рисункомъ на вазахъ и китайскихъ чашкахъ, или по чайнымъ ящикамъ, которые получаютъ въ Европѣ, точно такъ же какъ о китайской живописи нельзя судить по раскрашеннымъ картинамъ, продающимся по франку за дюжину, которыя разносятся по всему свѣту, точно такъ же какъ толстые китайцы, дѣлаемые въ Кантонѣ специально для вывоза—не послѣднее слово китайской скульптуры.

Если скульптурное искусство сохранило извѣстный смѣшной и сказочный характеръ, который выставляетъ его далекимъ отъ абсолютно прекраснаго, то орнаментная скульптура достигла въ Китаѣ верха со-

вершенства: нѣтъ ничего прекраснѣе рѣзбы на камнѣ, деревѣ и металлѣ. Торжество китайскаго искусства заключается въ его приложеніи къ промышленности. Промышленность, это великое слово и великая вещь новѣйшихъ временъ, такая же древняя какъ Китай и теряется вмѣстѣ съ нимъ во мракѣ его исторіи.

Въ то время какъ мы, европейцы, были еще дикарями, одѣвавшимися въ шкуры звѣрей, жившими въ деревянныхъ хижинахъ и питавшимися охотой и рыбной ловлей, китайцы уже умѣли эксплуатировать копи, соединять металлы, выливать колокола и бронзовыя статуи громадной величины, воздвигать башни въ двѣнадцать этажей, строить изящныя и прочныя мосты, рыть каналы и артезіанскіе колодцы, измѣнять теченіе рѣкъ, благодаря изумительнымъ гидрографическимъ работамъ, прилагать движеніе магнитной стрѣлки къ мореплаванію и пользоваться порохомъ на войнѣ, настраивать музыкальные инструменты, полировать и гранить драгоценныя камни, вырѣзать на деревѣ, печатать и литографировать, получать неизмѣняющіяся минеральныя и растительныя краски, дѣлать бумагу, фарфоръ, и, наконецъ, ткать великолѣпныя ткани изъ шелку, бумаги, шерсти и нитей изъ крапивы и нлюща.

Что осталось имъ отъ этихъ громадныхъ преимуществъ? Ничего, или почти ничего, то есть нѣсколько остроумныхъ секретовъ фабрикаціи тканей, фарфора и составленія красокъ.

Откуда же происходитъ это паденіе? И почему Европа въ четыре вѣка достигла такого прогресса.

тогда какъ Китай остался на томъ же мѣстѣ и даже подвинулся назадъ? Отъ того что въ то время, какъ въ Европѣ каждое открытіе, каждый успѣхъ человѣческаго ума тщательно записывались языкомъ, приспособленнымъ къ наукѣ, которой онъ былъ органомъ, тогда какъ не смотря на революціи: возвышенія и паденія народовъ, арабы и мавры—эти наслѣдники древности—передавали ученныя формулы южнымъ народамъ Европы, которые въ свою очередь передавали ихъ, сильно увеличенными собственнымъ гениемъ, англичанамъ, французамъ, нѣмцамъ; въ то время какъ наконецъ въ послѣднее время образовалась всеобщая солидарность искусствъ и наукъ, китайскій гений, крайне практичный, старался не переступать границъ промышленной опытности, никакъ не переходить къ теоріи и предоставляя погибать безъ гласности множеству знаній, отдавалъ на волю случая судьбу промышленности. Какъ много важныхъ секретовъ вслѣдствіе этого безвозвратно погибло!

Китайцы имѣютъ удивительную способность ко всѣмъ ремесламъ. Въ прибрежныхъ городахъ они подражаютъ и иногда даже превосходятъ нашихъ лучшихъ рабочихъ. Увидавъ ихъ два или три раза за работой, они поддѣлываются къ нашимъ вкусамъ и въ настоящее время въ Шанхаѣ есть портные, сапожники, мебельщики, переплетчики, и такъ далѣе, въ европейскомъ вкусѣ.

Одинъ мѣстный художникъ доставлялъ намъ за скромную цѣну копіи съ фотографическихъ портретовъ какого угодно размѣра, сдѣланныя съ рѣдкимъ

совершенствомъ. Этотъ юный артистъ видѣлъ какъ нѣсколько европейцевъ рисовали масляными красками и хотъ этотъ родъ живописи неизвѣстенъ китайцамъ, онъ безъ всякихъ уроковъ научился съ удивительной ловкостью соединять эти новыя краски.

Примѣненія искусства къ промышленности многочисленны и замѣчательны: красная лакировка, мозаика на мебели, рисунки на птичьихъ перьяхъ или на раскрашенной рисовой бумагѣ, искусственные цвѣты изъ волоконъ пальмъ, чудныя вышивки, гармонирующія съ цвѣтами китайскихъ шелковыхъ матерій, рѣзьба изъ дерева и слоновой кости, артистическая бронза съ эмалью и позолотой, кубки, сахарницы, графины, стаканы, чашки изъ горнаго хрустала, великолѣпно выточенные изъ одного куска камня, наконецъ всевозможные мелкіе предметы не доказываютъ ли, что производящая ихъ нація далеко подвинулась въ промышленности производящей предметы роскоши?

Мы не упомянули о фарфорѣ, который дѣлается исключительно на югѣ и главнымъ образомъ въ провинціи Кіангъ Си. Этотъ продуктъ на столько пользуется всеобщимъ употребленіемъ, что одно изъ наиболѣе распространенныхъ ремеслъ есть ремесло склеиванія фарфора. Эти клейщики очень ловки: при помощи булавки съ брилліантовымъ наконечникомъ они дѣлаютъ отверстія въ разбитой вазѣ, куда пропускаютъ тонкую латунную проволоку. Такимъ образомъ они чинятъ вещи разбитыя на мелкія куски.

Въ Китаѣ нѣтъ большихъ промышленныхъ заведеній, но есть множество болѣе или менѣе искусныхъ

рабочихъ, которые, крайне просто и при помощи инструментовъ болѣе грубыхъ чѣмъ наши, достигаютъ тѣхъ же результатовъ какъ и мы и въ тотъ же промежутокъ времени.

Всѣ рабочіе странствующие; они переходятъ изъ города въ городъ, таща за собою принадлежности своего ремесла: кузнецъ несетъ чыреугольный ящикъ съ вдѣланнымъ въ него съ боку мѣхомъ, на этотъ ящикъ онъ садится, какъ на стулъ, а въ него кладетъ свои инструменты.

Мебельщикъ, которому его линейка служить дорожной палкой, точно также превращаетъ въ чемоданъ столъ, на которомъ работаетъ. Въ мѣшкѣ ткача лежатъ катушки, прялка и всѣ принадлежности его занятія. Каменьщикъ, еще менѣе нагруженный, носитъ только молотокъ и веревку—матеріалы для постройки не дороги, не тяжелы для переноски: въ окрестностяхъ всѣхъ городовъ множество кирпичныхъ заводовъ. Кирпичи различной цѣны: красные потому, что обдѣлываются въ огнѣ, затѣмъ свинцоваго цвѣта, потому что ихъ заключаютъ въ печатъ, защищая отъ огня и, наконецъ, кирпичи, покрытые блестящимъ и ни отъ чего не портящимся лакомъ, предназначенные исключительно для постройки храмовъ и дворцовъ. Если нѣтъ кирпича, каменьщикъ замѣняетъ его землею, высушенною на солнцѣ и сдерживаемою ивовыми прутьями.

Ассоціація въ дѣлѣ работъ есть величайшая промышленная сила: въ Китаѣ такая масса народа, такъ много незанятыхъ рукъ, что не слѣдуетъ удивляться,

если китайцы не старались уменьшить цѣну рабочихъ рукъ, увеличивая механическую силу.

Извѣстно, что въ Китаѣ, благодаря плохому состоянію дорогъ, большая часть передвиженій совершается по рѣкамъ и каналамъ, но какъ бы остроумна, какъ бы полна ни была система водяныхъ путей, всегда найдется большое число пунктовъ, куда товаръ можетъ подвозиться только по сухому пути.

Въ Китаѣ очень мало вьючнаго и перевозочнаго скота: волы, такъ же какъ лошади и мулы, воспитываются въ Манджуріи и ихъ число далеко не соотвѣтствуетъ числу населенія и потребностямъ торговли. Земледѣльцы, имѣющіе нѣсколько быковъ, не думаютъ разводить упряжныхъ животныхъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ луговъ для корма скота и едва хватаетъ земли, чтобы прокормить людей: зерна продаютъ на рынкѣ, а солома идетъ для быковъ.

Вслѣдствіе недостатка въ вьючномъ скотѣ, его замѣняютъ люди. Корпорация носильщиковъ очень многочисленна. Эти кули, какъ ихъ называютъ, служатъ для всевозможныхъ переносокъ. Они возятъ товары въ ручныхъ телѣжкахъ, тянутъ джонки и торговые барки, носятъ паланкины и носилки путешественниковъ, тащатъ зимою сани по льду. Нищета и количество рукъ такъ велико, что за очень скромную цѣну (приблизительно пять сантимовъ за милю) можно переѣхать съ одного конца имперіи на другой, перемѣняя людей на каждой станціи.

Носильщики не зарабатываютъ въ день болѣе двад-

цати пяти или тридцати сантимовъ; на это они должны быть сыты сами и накормить семейство и одѣться.

Правда, что ихъ примитивный костюмъ состоитъ изъ соломенныхъ сандалій и бумажныхъ панталонъ, а мародерство удовлетворяетъ наиболѣе необходимымъ потребностямъ.

Путешествуя въ Пекинѣ, по сѣвернымъ и западнымъ дорогамъ (такъ какъ съ юга и востока товары доставляются черезъ Пей-Го или Венъ-Го) прибываютъ цѣлые караваны носильщиковъ, идущихъ всегда размеренными шагами. Женщины, группирующіяся по десяти и по двѣнадцати, составляютъ часть этихъ каравановъ и несутъ почти столь же большія тяжести какъ и мужчины. Иначе нельзя объяснить громадную мѣстовую торговлю, производящуюся между провинціями имперіи.

Китай на столько богатъ, обширенъ и разнообразенъ по своимъ произведеніямъ, что внутренняго обмѣна достаточно, чтобы поддержать дѣятельность его жителей. Всѣ важные города имѣютъ большіе торговые дома, служащіе складомъ товаровъ, куда являютъ ся за закупками. Эти товары, продаваемые мелкимъ торговцамъ и разнощикамъ, разносятся въ самые далекіе округа, поэтому въ различныхъ товарахъ разница по мѣстностямъ очень не велика. Разнощиковъ громадное число: ихъ встрѣчаешь во всѣхъ главныхъ улицахъ деревень, раскидывающими свои палатки. Подвязки, вѣера, пояса, кошельки и всевозможныя матеріи, всѣ эти предметы помѣщаются на четырехъ планкахъ, прикрѣпленныхъ посрединѣ къ большой бам-

буковой палкѣ. Благодаря этому, они могутъ легко нести на плечахъ и показывать товаръ такъ что его не надо ни развертывать ни свертывать передъ покупателями.

Само правительство занимается торговлей. Однако, должно замѣтить, что оно не сумѣло извлечь выгоды изъ почтовыхъ уставовъ такимъ образомъ, чтобы они могли служить для коммерческихъ сношеній: когда какое нибудь частное лицо желаетъ сообщить что нибудь одному изъ своихъ далекихъ корреспондентовъ, оно принуждено отправлять нарочнаго. Курьеры императорской почты употребляются только для доставки государственныхъ бумагъ; они носятъ свои депеши въ бамбуковыхъ трубочкахъ, уложенными въ мѣшкѣ, внизу котораго виситъ колокольчикъ, дающій знать о ихъ приближеніи.

Каждый курьеръ проѣзжаетъ верхомъ на лошади четыре мили, другой курьеръ ожидаетъ его уже верхомъ на слѣдующей станціи и принимаетъ мѣшкѣ съ депешами.

При приближеніи почтовыхъ всадниковъ, путешественники должны уступать имъ мѣсто на дорогѣ: экипажъ отодвигается всторону, а пѣшеходы сходятъ съ дороги.

Если правительство не сумѣло монополизировать въ свою пользу почты, за то оно сохраняетъ въ государственныхъ складахъ излишекъ зерна, продаваемый ему въ урожайные годы и перепродаетъ его съ громадной выгодой въ голодное время.

Кассы ссудъ также принадлежатъ правительству.

и учрежденія даютъ подъ закладъ всевозможныхъ движимостей, недвижимостей и даже жатвы. Это обширныя кредитныя учрежденія берутъ процента два и три на сто въ мѣсяцъ, цифра, которая показалась бы вѣроятной, еслибы не было извѣстно, что въ Китаѣ законный денежный процентъ есть тридцать на сто въ годъ. Всѣ китайскіе экономисты, писавшіе на этотъ счетъ, всегда совѣтовали возвысить процентъ, считая его прекраснымъ средствомъ для развитія общественнаго богатства. Одинъ изъ нихъ Чао-ингъ говоритъ уквально, что большая цѣнность, приданная металлическимъ монетамъ, мѣшаетъ продажѣ и раздѣлу имущества и удерживаетъ землевладѣльцевъ, которые въ сущности кормильцы страны, отбивая у нихъ охоту къ финансовымъ спекуляціямъ. Какъ ни странно это изображеніе, но оно было всеми принято въ Китаѣ.

Въ Пекинѣ, какъ и во всемъ Китаѣ, существуетъ множество денежныхъ обществъ и между прочимъ общество для облегченія коммерческихъ операцій. Эти банки выпускаютъ денежные монеты, стоимость которыхъ варьируетъ между франкомъ и тысячею франковъ. Правительство не мѣшается ни въ присмотръ за ними, ни въ ихъ управленіе. Но такъ какъ денегъ слишкомъ мало, то пришлось создать фиктивные цѣнности, чтобы облегчить обмѣнъ. Нѣтъ ни золотой, ни серебрянной монеты. Золото имѣетъ свою цѣну, какъ товаръ, но оно не имѣетъ принудительнаго курса, дѣлится на маленькіе слитки, которые рѣжутъ на куски и тщательно вывѣшиваютъ на вѣсахъ, которые каждый негодянтъ носить за поясомъ. Эти таели, или

слитки, имѣющіе форму маленькихъ лодочекъ, отмѣчены известными цифрами, означающими вѣсъ и достоинство.

Серебро, съ нѣкотораго времени, (мексиканскій піастръ) стало обращаться въ Китаѣ, гдѣ стоитъ среднимъ числомъ тысячу сапековъ. Сапекъ, по китайски дзіенъ, стоимостью немного болѣе сантима, есть наиболѣе распространенная мѣдная монета. Въ срединѣ этой монеты продѣлано четырехугольное отверстие, что бы ихъ можно было нанизывать на веревку. На рынкахъ продавцы зелени, рыбы и птицъ носятъ на шеѣ длинный рядъ этихъ мелкихъ мѣдныхъ монетъ. Надо сказать правду, что нужно имѣть не мало силы, чтобы нагрузиться хоть сколько нибудь порядочной суммой.

Есть мѣдныя монеты въ четыре, девять, двадцать и сто сапековъ. Ни на одной нѣтъ изображенія императора, такъ какъ, по мнѣнію китайцевъ, это значило бы оскорбить его, пустивъ изображеніе въ обращеніе среди грубой толпы.

Это крайне мелкое дѣленіе монеты весьма выгодно для бѣдныхъ, которымъ оно позволяетъ купить на одинъ сапекъ апельсинъ, четыре орѣха, маленькую жареную рыбу и тому подобное; за такую же цѣну они могутъ выпить чашку чаю и выкурить нѣсколько трубокъ табаку. Множество мелкихъ торговцевъ имѣютъ капиталъ не болѣе, какъ въ двѣсти сапековъ. При этихъ условіяхъ и безъ употребленія бумажныхъ денегъ, большіе коммерческіе дома не могли бы сводить свои счета, а для платежа имъ нужны были бы цѣ-

лыя телѣги денегъ. Впрочемъ, у нихъ есть остроумная машина для счета—это сванъ-панъ, нѣчто вродѣ стола, раздѣленнаго на два отдѣленія, черезъ который проходятъ желѣзныя проволоки, на которыхъ въ одномъ отдѣленіи по пяти, а въ другомъ по два подвижныхъ шара.

Послѣдній день года, есть въ то же время день всѣхъ счетовъ: народъ толпится на улицахъ; всѣ спорятъ, сводя счеты; кредиторъ бѣжитъ за должникомъ и такъ какъ всѣ въ одно и то же время должники и кредиторы, то результатомъ этого выходитъ страшный шумъ; бранятся, дерутся, продаютъ на скоро все что есть, а иногда даже вещи, занятые у другихъ, чтобы реализовать немного денегъ; дороги къ кассамъ набиты людьми, тащащими посуду, мебель и всевозможныя вещи.

Въ полночь, съ началомъ новаго года, все успокаивается, дѣла прекращаются, всѣ надѣваютъ лучшее платье, дѣлаютъ другъ другу визиты, подарки, пускаютъ фейерверки. Праздникъ продолжается три дня. Въ это время всѣ лавки закрыты, даже лавки торговцевъ съѣстными припасами, поэтому слѣдуетъ запасаться провизіей заранѣе. По прошествіи трехъ дней частные люди, не заплатившіе своихъ долговъ, подвергаются мщенію кредиторовъ: палочнымъ ударамъ, если убѣждены въ ихъ недобросовѣстности и, во всякомъ случаѣ описи и немедленной продажѣ всего имущества.

ГЛАВА XIV.

Земледѣліе и естественныя произведенія.

Праздникъ земледѣлія.—Климатъ и почва провинціи Пе-ше-ли.—Тщательная обработка полей.—Удобреніе.—Несовершенство земледѣльческихъ орудій.—Шелковичные черви.—Овощи, плоды, цвѣты и деревья.—Гинчъ-Сенгъ.—Металлы, минералы и драгоценныя камни.—Насѣкомыя.—Рыбы.—Рыбаки Пей-го.—Заговариватели змѣй.—Пекинскія вороны.—Дичь.—Множество водяныхъ птицъ.—Искусственное разведеніе цвѣтвъ.—Лѣсъ Же-голь.—Охота.—Сабаки.—Кошки, крысы и крысоловы.—Домашнія животныя.

Китайскій уголовный кодексъ назначаетъ начальнику округа, когда его земля плохо обработана, наказаніе отъ двадцати до ста палочныхъ ударовъ: пренебрегать обработкой земли такъ чтобы она не давала того, что можетъ дать для пропитанія людей, значитъ совершать преступленіе противъ общества. Ни въ какой странѣ свѣта земледѣліе не уважается до такой степени, какъ въ Китаѣ. Конфуцій и Мен-Дзе, выставляли его какъ источникъ общественнаго процвѣтанія, постоянно выхваляли его народу въ своихъ прокламаціяхъ и самъ императоръ,

чтобы показать, что это самое почтенное занятіе, удостоивается каждый годъ, въ началѣ весны, обработать собственными священными руками опредѣленное для этого поле. Всѣ его представители, губернаторы отдѣльныхъ провинцій, въ тоже самое время, продѣлываютъ такую же церемонію. Этотъ полурелигіозный, полугражданскій праздникъ, имѣющій возвышенный и трогательный характеръ, совсѣмъ не утратилъ своего значенія, какъ это утверждали; принцъ Конгъ, регентъ Имперіи, въ концѣ марта 1861 года съ большимъ торжествомъ отправился въ храмъ Земледѣлія, помѣщающійся въ концѣ Китайскаго города въ Пекинѣ и принесъ жертву богу, покровителю людей, ободряющему ихъ къ труду, давая имъ всѣ земныя блага, самъ сдѣлалъ плугомъ множество бороздъ. Цѣлая толпа знатныхъ лицъ: министры, церемоніймейстеръ, высшіе офицеры и наконецъ три принца императорскаго семейства, такъ же какъ и депутація отъ земледѣльцевъ, сопровождали представителя императора. Сейчасъ же какъ только принцъ Конгъ окончилъ обработку предназначеннаго для него участка и были спрятаны въ чахлы инструменты, служившіе правителю государства, три принца императорскаго семейства, затѣмъ девять первыхъ сановниковъ государства, послѣдовательно брались за плугъ до тѣхъ поръ, пока поле не было все взрыто. Послѣ этого нисшіе мандарины засѣяли поле, тогда какъ земледѣльцы, при помощи маленькихъ лопаточекъ, покрывали землю священными сѣмена, вѣренными почвѣ.

Во все время церемоніи раздавалась музыка; на-

конецъ, когда все было окончено, всѣ всходили по восточной лѣстницѣ съ тѣмъ же церемоніаломъ при большомъ стеченіи народа. Это благоразумное покровительство, это облагороженіе земледѣлія имѣло громадныя результаты: нѣтъ въ мірѣ страны, которая была бы обработана такъ тщательно, съ такимъ совершенствомъ какъ Китай: ни клочка земли въ немъ не пропадаетъ даромъ.

На большихъ центральныхъ озерахъ живетъ много народа, который, не находя себѣ мѣста на твердой землѣ, построилъ плавающіе острова, при помощи деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землею, гдѣ они обрабатываютъ листья и злаки и необходимое для нихъ пропитаніе; домашнія животныя живутъ вмѣстѣ съ ними. Когда рыба оставляетъ окрестности ихъ движущагося острова, они спускаютъ его внизъ по теченію до болѣе удобнаго мѣста.

Дренажъ, орошеніе, удобреніе, разнообразная обработка составляетъ общественную собственность и нѣтъ такой бѣдной общины, которая не употребляетъ бы ихъ въ широкихъ размѣрахъ, зная, что земля всегда платитъ человѣку за его труды; но прежде чѣмъ дать болѣе обширныя подробности относительно земледѣлія на сѣверѣ Китая, о которомъ мы говоримъ здѣсь, необходимо въ нѣсколькихъ словахъ описать климатъ и почву.

Провинція Пе-Ше-Ли, помѣщающаяся между 35° и 42° параллели, есть самая западная провинція собственно Китая. На сѣверѣ она граничитъ большой стѣной, отдѣляющей ея отъ Манджуріи и Монголіи. На

востокѣ она граничитъ съ Чан-Зи, на югѣ Гон-Нанъ и на западѣ ограничивается моремъ и Чан-Тунгомъ. Почва въ провинціи Пе-Ше-Ли вообще плоская, исключая сѣверозападной части; по ней протекаетъ много большихъ рѣкъ, а въ центральной части находится множество озеръ, образующихся отъ притоковъ Пей-Го.

Климатъ въ этой провинціи болѣе холодный, чѣмъ можно было бы ожидать при ея географическомъ положеніи. Съ высокиехъ равнинъ Монголіи и горъ Кан-Су дуютъ въ теченіе зимы холодныя вѣтры, сильно понижая температуру. Рѣки и каналы замерзаютъ на три мѣсяца и жители выходятъ, закутываясь въ теплый мѣхъ; снѣгъ падаетъ рѣдко, однако изъ одного письма, написаннаго изъ Пекина въ Ноябрь 1862 года, мы узнали, что снѣгу выпало на четыре дюйма. Если зимы холодныя, то лѣта бываютъ жаркія и рѣдко освѣжаются грозовыми дождями. Сухость этой провинціи дѣлаетъ ее болѣе здоровой, чѣмъ южныя провинціи, но за то вызываетъ воспаленіе желудка и кишекъ.

Почва провинціи Пе-Ше-Ли, по большей части песчаная и мало плодородная, прекрасно обработана и благодаря орошенію и удобренію во множествѣ производитъ злаки, виноградъ, табакъ и хлопокъ.

Такъ какъ земельная собственность крайне размельчена, то и хозяйство производится въ мелкихъ размѣрахъ, но то благоразуміе, съ которымъ оно ведется, исправляетъ недостатокъ мелкаго дѣленія земли. Деревень встрѣчается очень мало, но за то фермы попадаются тамъ и сямъ, окруженныя нѣсколькими большими деревьями; строенія занимаютъ мало мѣста и

крестьяне так экономны на землю, что молят хлѣбъ на плоскихъ крышахъ домовъ, но если они экономятъ землю, то весьма щедры на трудъ. Благодаря обилію рукъ и множеству рабочихъ они могли принять систему двойного хозяйства, которое позволяетъ имъ никогда не оставлять землю подъ паромъ и собирать жатву въ теченіе всего лѣта: между рядами сорго, которое возвышается на 10 и 12 метровъ, они сажаютъ болѣе низкіе злаки, растущіе въ тѣни гигантскихъ сосѣдей. Когда сорго собрано, посѣянное между нимъ просо зрѣетъ въ свою очередь на солнцѣ. Посреди полей маиса рядами посажены бобы, которые и собираютъ ранѣе, чѣмъ маисъ поднимется настолько, чтобы могъ ихъ заглушить.

Земля, вынутая изъ сточныхъ ямъ или каналовъ, засаживается хлопкомъ, широкіе зеленые султаны котораго окружаютъ, какъ заборомъ поля злаковъ. Наконецъ, когда земля слишкомъ неплодородна или же съ нея не могли убрать камней, то на ней садится каучуковая сосна или тому подобныя растенія, которыя довольствуются самой плохой почвой.

Понятно, что требуя отъ земли такъ много, слѣдуетъ ухаживать за ней, поливать и достаточно удобрять—въ этомъ то и заключается торжество китайскаго земледѣлія. Женщины и дѣти безъ милосердія преслѣдуютъ вредныхъ птицъ и насѣкомыхъ, выдергиваютъ всѣ вредныя травы, они даже доводятъ предосторожности до такой степени, что изъ боязни сильнаго вѣтра, связываютъ вмѣстѣ верхушки хлѣбныхъ колосевъ, чтобы слабыя не могли припасть къ землѣ

и зерна не потерялись бы. Надо сказать къ ихъ чести, что поля до такой степени чисты, что имѣютъ видъ хорошо содержимыхъ садовъ. Орошеніе и поливка лучше чѣмъ гдѣ бы то ни было; на берегахъ рѣкъ и озеръ, когда берега эти плоски, на ровномъ разстояніи виднѣются маленькія канавки, изъ которыхъ вода протекаетъ въ резервуары, когда же берега обрывисты, то гидравлическія машины всевозможныхъ формъ поднимаютъ воду съ какой угодно глубины: то это большіе насосы, приводимые въ движеніе быками, то громадные колеса, поворачиваемыя теченіемъ и даже вѣтряныя мельницы приспособлены поднимать воду. Когда механическихъ средствъ или животныхъ недостаточно, то каждый мужественно запрягается самъ, и силы всѣхъ соединяются на общую выгоду въ тяжелой и непрерывной работѣ. Содержаніе обширныхъ земледѣльческихъ бассейновъ—есть цѣль всеобщихъ усилій; изъ этихъ бассейновъ идетъ множество мелкихъ каналовъ, орошающихъ поля и эти каналы, при помощи различной величины шлюзовъ, поднимаютъ воду при неровностяхъ почвы до самыхъ неприступныхъ мѣстъ. Каждый владѣлецъ можетъ въ свою очередь орошать свое поле два раза въ день; вода раздается въ величайшемъ порядкѣ.

Страсть у китайцевъ къ удобренію проявляется въ существованіи на самыхъ пустынныхъ дорогахъ маленькихъ кабинетовъ изъ земли и соломы, покрытыхъ известкой, въ которые приглашаютъ прохожихъ въ самыхъ трогательныхъ и умоляющихъ выраженіяхъ. Нѣтъ ни одного земледѣльца, который не воздвигнулъ

бы хотя одного такого полезнаго монумента для своей личной пользы. На большихъ дорогахъ конкуренціи еще больше: одно изъ обычныхъ занятій дѣтей и бѣднаго класса—это розыски навоза: нѣтъ ничего интереснѣе усердія и жадности, съ которыми дѣти бѣгутъ за путешественниками, ѣдущими верхомъ, карауля со вниманіемъ движенія ихъ лошадей. Богатый фермеръ, для котораго они работаютъ, небрежно опирающійся на ручку своего трезубца, направляетъ толпу собирателей, записываетъ количество полученныхъ корзинъ, принесенныхъ каждымъ и удостоиваетъ довольной улыбкой усилія того, который наиболѣе счастливъ въ этомъ сборѣ навоза.

Китайцы приписываютъ такъ много цѣны человеческому удобренію, что въ семействѣ земледѣльца не считаютъ бесполезными даже разбитыхъ, немощныхъ стариковъ, которыхъ кормятъ.

Эта благоразумная, но неопрятная страсть дѣлаетъ то, что, приближаясь къ фермѣ, вмѣсто того, чтобы вдыхать въ себя сильный и здоровый запахъ, свойственный коровникамъ, ваше обоняніе поражено неопредѣленнымъ, но удушающимъ испареніемъ. Фермеръ усердно собираетъ гнилыхъ животныхъ и рыбъ, остатки разлагающихся растений, всевозможные отросы, даже до обрѣзанныхъ ногтей и волосъ, которые покупаютъ отъ цирюльниковъ; поля въ окрестностяхъ Парижа, удобряемыя пудретомъ и нечистотами изъ большихъ городовъ, могутъ дать только слабое понятіе объ этомъ. Но если китайцы крайне искусны въ созданіи искусственной почвы, то ихъ

можно упрекнуть въ томъ, что они не взрываютъ ее достаточно глубоко и причина этого лежитъ въ несовершенствѣ ихъ земледѣльческихъ орудій: ихъ соха первобытной формы взрываетъ только поверхность земли. Такъ какъ у нихъ нѣтъ упряжныхъ животныхъ, то они запрягаютъ кого попало: корову, осла и мула.

Нельзя представить себѣ болѣе оживленной картины, чѣмъ та, которую представляютъ обширныя поля Пе-Ше-Ли въ эпоху жатвы. Усилія земледѣльца принесли плоды: всевозможные сорта жатвы наполняютъ амбары; молотильщики, жнецы, косари, сопровождаемые толпами женщинъ и дѣтей, оглашаютъ воздухъ веселыми пѣснями и обнаженные подъ горячимъ солнцемъ, обмотавъ косу вокругъ головы, усердно работаютъ съ ранняго утра и до поздней ночи, останавливаясь только на нѣсколько минутъ, чтобы съѣсть луку или горсть рису, нѣсколько разъ затануться трубкой и обмахнуться вѣеромъ, когда солнце становится слишкомъ горячимъ и потъ покрываетъ все тѣло.

На сѣверѣ Китая сѣютъ пшеницу въ небольшомъ количествѣ, очень много ячменя, рису, маиса, сорго и проса. Сорго, которое расхваливали въ послѣдніе годы, даетъ кромѣ зерна, не особенно хорошаго качества, много соломы, которую любятъ лошади и рогатый скотъ; рисъ не такъ хорошо воздѣливается, какъ въ центрѣ и на югѣ Китая, однако, его много сѣютъ, даже подъ 40° сѣв. шир.—новый сортъ котораго императоръ Кангъ-Ги въ оставленныхъ имъ ме-

муарахъ приписываетъ себѣ, распространенъ даже въ Манджуріи: это сухой рисъ, называемый такъ потому, что его можно обрабатывать на обыкновенной влажной почвѣ—растение поднимающееся не высоко—дающее небольшое, продолговатое и красноватое зерно прекраснаго качества.

Разнообразные злаки, превращаемые въ муку ручными и вѣтряными мельницами, употребляются въ пищу въ видѣ продолговатыхъ кусковъ тѣста, или плотныхъ лепешекъ, которыя варятъ въ пару. Вообще китайцы не умѣютъ дѣлать хлѣбъ, употребленіе котораго мало распространено.

Къ злакамъ слѣдуетъ присоединить растение, идущія на пряжу и растенія, дающія масла, плоды и овощи, обработка которыхъ тѣмъ болѣе важна, что злаки играютъ въ общественномъ питаніи наименьшую роль, чѣмъ они. Растенія, дающія матеріалъ для пряжи: хлопокъ, ленъ, бѣлая крапива и родъ плюща, волокна котораго идутъ на производство грубаго полотна.

Травянистый хлопокъ, который въ изобиліи обрабатываютъ до Мук-Дена, столицы Манджуріи включительно—есть особенная мелкая разновидность съ фіолетовыми цвѣтами и чашечкой въ величину орѣха, хлопокъ короткій, но густой, плотный и прекраснаго качества.

Къ растеніямъ, дающимъ пряжу, слѣдуетъ присоединить насѣкомыхъ, которыя даютъ Китаю лучшую часть ихъ одежды.

Шелковичные черви въ Пе-Ше-Ли менѣе распро-

ранены, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ, потому что имать тамъ менѣе подходитъ для нихъ, за то въ немъ много разводятъ шелковичныхъ червей, питающихся рубомъ, которые даютъ крайне плотную, хотя можетъ быть менѣе блестящую ткань.

Нѣтъ ни одной фермы, ни самого маленькаго хозяйства, въ которомъ не было бы небольшой рощицы рубовъ-карликовъ. Это достигается ловкими проколами осною. На этихъ растеніяхъ, посаженныхъ аккуратно, на разстояніи метра одинъ отъ другаго, драгоценные черви питаются на свободѣ. Плантаціи окружены водою, чтобы мѣшать приближенію къ нимъ муравьевъ, а сѣть, наброшенная на дубы, защищаетъ ихъ отъ птицъ.

Между растеніями, дающими масло, болѣе всего распространена клещевина, изъ которой китайцы умѣютъ, благодаря особому роду очищенія, дѣлать масло, которое теряетъ свои слабительныя качества. Кунжутъ и Кат-зе также разводятся въ большомъ количествѣ. Кат-зе есть одно изъ семействъ горчичныхъ зеренъ, которое даетъ масло и отличается тѣмъ, что прекрасно разводится на самой бесплодной и даже скалистой почвѣ.

Въ провинціи Пе-Ше-Ли также много разводится табаку: употребленіе курительныхъ листьевъ, какъ называютъ его китайцы, сдѣлалось всеобщимъ, точно также капуста, картофель, бобы, шпинатъ, рѣдиска, грибы, иньямъ, огурцы, лукъ и всѣ наиболѣе распространенныя овощи—картофель круглый, желтый и мелкій, какъ кажется былъ ввезенъ въ Китай русскими

около шестидесяти лѣтъ тому назадъ. Арбузы, которыхъ множество съѣдается во время лѣта, даютъ сѣмена, которыя цѣнятся еще больше. Эти сѣмена, имѣющія вкусъ свѣжаго миндаля, продаются мѣрой и во всѣхъ городахъ есть множество лавокъ, торгующихъ ими. Женщины, въ особенности, проводятъ цѣлые дни, грызя эти зерна и раскрывая ихъ своими длинными ногтями; для нихъ это занятіе точно также, какъ и для турчанокъ ѣда сухихъ конфетъ.

Два водяныхъ растенія обрабатываются какъ овощи—это желтая вахта и водяной лопушникъ; зеленые молодые побѣги желтой вахты ѣдятся какъ спаржа, корни лопушника, длинные, бѣлые какъ молоко, рѣжутся ломтиками и сохраняются въ уксусѣ, зерна варятся съ сахаромъ.

За плодовыми деревьями менѣе ухаживаютъ, чѣмъ за овощами; они предоставляются самимъ себѣ и даютъ болѣе листьевъ и вѣтвей, чѣмъ цвѣтовъ и плодовъ.

Кромѣ винограда, о которомъ мы уже говорили, воздѣлываются абрикосовыя деревья, персиковыя, сливы, апельсинныя, земляника, малина и смородина.

Любовь къ цвѣтамъ весьма распространена и обработка ихъ произвела множество разновидностей: дикіе сорта піоновъ, камелій, гортензій, магнолій, лилій, розъ и розанъ болѣе распространены.

Высшая роскошь состоитъ въ томъ, чтобы имѣть въ квартирѣ какъ можно болѣе цвѣтовъ: громадныя жардиньерки, большія корзины съ цвѣтами разставляются повсюду и благодаря освѣщенію сверху, обычному въ китайскихъ домахъ, цвѣты растутъ какъ на

воздухъ; такимъ образомъ каждая комната обращается въ оранжерею.

Интереснѣе всего то, что китайцы имѣютъ акваріумы, гдѣ рядомъ съ лѣн-во, ихъ любимыми цвѣтами, покрывающими всю поверхность акваріума своими широкими листьями, въ видѣ сердца, и красными, розоватыми и бѣлыми цвѣтами съ запахомъ ванили, они воспитываютъ маленькихъ рыбокъ, креветокъ и разныхъ водяныхъ насѣкомыхъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что любовь къ различнымъ фокусамъ въ дѣлѣ разведенія цвѣтовъ, замѣнила страсть къ естественнымъ красотамъ природы. Описаніе лѣтняго дворца должно было дать понятіе, что китайцы давно уже достигли большого искусства въ смыслѣ украшеній перспективы и пейзажей. Каждый паркъ пекинскаго дворца заключаетъ въ себѣ роскошныя деревья, которыя, предоставленныя самимъ себѣ, достигли громадныхъ размѣровъ—это кедры, сосны, ели, дубы, акаціи, плакучія ивы и въ особенности сосны Пей-Го-зангъ, кора которыхъ серебристаго цвѣта и которыя поднимаютъ на двѣсти футовъ свою темную, кружевную листву.

Въ лѣсахъ растетъ кромѣ того множество сортовъ деревьевъ; въ деревняхъ же деревьевъ мало, потому, что они мѣшали бы земледѣлію; однако дубы и сливыя деревья разводять для шелковичныхъ червей, сосны—для каучука, лаковыя деревья—для продукта, который они даютъ и который въ смѣси съ красной краской даетъ красный лакъ, служащій въ Китаѣ для покрыванія мебели.

Кромѣ того разводятся разные сорта ивовыхъ деревьевъ, тонкія прутья которыхъ нужны для плетеній и, кромѣ того, одинъ родъ ползучей ивы, которая растетъ на бесплодныхъ холмахъ и пускаетъ каждый годъ длинныя корни, изъ которыхъ дѣлаютъ морскіе канаты.

Китайцы особенно отличаются въ плетеніи; трудно представить себѣ чтонибудь изящнѣе ихъ корзинъ-плетенокъ, которыя настолько плотны, что въ нихъ переносятъ воду, молоко и алкоголь.

Очень часто можно видѣть подносы, чайницы и блюдечки, покрытыя бамбуковыми, ивовыми или раскрашенными соломенными плетенками.

Нѣкоторые сорта бамбука обрабатываются въ провинціи Пе-Ше-Ли; въ числѣ ихъ слѣдуетъ упомянуть черный бамбукъ, недавно ввезенный въ Европу, однако у насъ онъ не достигаетъ гигантскихъ размѣровъ, которыми восхищаются на югѣ Китая.

Медицинскія растенія въ изобиліи разводятся въ садикахъ; доктора, вѣрящіе въ ихъ пользу, предпринимаютъ ихъ противъ всевозможныхъ болѣзней.

Знаменитый жинь-Шень находится далѣе Пе-Ше-Ли, хотя тотъ, который добывается въ Манджуріи, гораздо дороже и считается лучшимъ. Это растеніе излечиваетъ всѣ болѣзни, разсѣиваетъ печаль, возвращаетъ силы слабымъ и продолжаетъ человѣческую жизнь дальше положеннаго ей срока. Корень жинь-шень бѣлый, самое растеніе состоитъ изъ длиннаго фіолетоваго стебля, изъ нѣсколькихъ листьевъ, изъ пяти лепестковъ, покрытыхъ бѣловатымъ пухомъ. Цвѣ-

ТОКЪ, растущій на вершинѣ стебля, представляетъ жучку мелкихъ желтоватыхъ цвѣточковъ; плоды круглые и красные съ двумя плоскими косточками внутри, ароматомъ и вкусомъ напоминающими перецъ. Корень жинь-шенъ, за который платятъ на вѣсъ золота и который сдѣлался очень рѣдкимъ, такъ какъ повидимому уходъ за этимъ растеніемъ заставляетъ его терять всѣ его качества—употребляется во всевозможныхъ видахъ. Трудно сказать насколько справедливы чудесныя свойства, приписываемыя китайцами этому корню; европейскіе доктора, и пробовавшіе его, приписываютъ ему только очистительное и возбуждающее свойства.

Строгіе указы императора Кангъ-Ги и его преемниковъ противъ вырубки лѣса, въ соединеніи съ дороговизною дровъ и трудностью перевозки, заставляютъ китайцевъ пользоваться исключительно каменнымъ углемъ для отопленія домовъ.

Въ горахъ, на самой ничтожной глубинѣ, находятъ пласты каменнаго угля, который очень легко эксплуатировать.

Со времени войны съ Китаемъ, испробованный французскимъ флотомъ уголь былъ найденъ прекраснымъ. Будучи привезенъ изъ горъ на спинахъ верблюдовъ до Тонгъ-Чу, уголь привозится оттуда водою въ Та-Ку, гдѣ продается по 80 франковъ за тонну; эта цѣна очевидно должна уменьшиться, такъ какъ англійскіе инженеры забрали себѣ въ голову эксплуатировать этотъ уголь для сбыта европейскимъ эскадрамъ, плавающимъ въ Тихомъ океанѣ и въ Индійскихъ моряхъ.

Соли и натра достаточно много, въ особенностяхъ въ Кань-Су, откуда ее присылаютъ большими караванами въ Пекинъ. На востокѣ провинціи Пе-Ше-Ли находится нѣсколько соляныхъ колодцевъ, изъ которыхъ соль добываютъ съ глубины болѣе трехъ сотъ метровъ, она очень крѣпка и бѣла и перевозится четырёхугольными кусками отъ двухъ до трехъ сотъ метровъ. Есть также морская соль, которую добываютъ на берегахъ, но которая, будучи менѣе хорошаго качества и, имѣя постороннія примѣси, продается простому народу по низкой цѣнѣ. Соль есть собственность правительства, которое запрещаетъ ея добываніе то въ той, то въ другой провинціи и черезъ монополію эту имѣетъ большія выгоды. Мѣсто надсмотрщика за добываніемъ соли считается особенно выгоднымъ. Во всѣхъ пунктахъ имперіи соль есть предметъ самой дѣятельной контрабанды.

Въ провинціи Пе-Ше-Ли есть кромѣ того мраморныя, порфиrowыя, алебастровыя и яшмовыя ломки, кромѣ того кристаллизованный мышьякъ, изъ котораго дѣлаютъ чайныя чашки, ртуть, каменная соль, мѣдь, желѣзо.

Въ Бюнгъ-Шинъ-Фу есть много прекрасныхъ мѣдныхъ рудъ, точно такъ же какъ много горнаго хрустала, лаписъ-лазури и аметистовъ, наконецъ въ заливѣ Лео-Тонгъ, ловится крупный жемчугъ. Продукты животнаго царства, не менѣе многочисленны, чѣмъ царства растительнаго, на берегу множество омаровъ, краббовъ, устрицъ и тому подобныхъ раковинъ; въ прѣсныхъ водахъ ловятся прекрасныя раки и родъ

реветокъ, которыхъ множество повсюду и которые продаются на рынкахъ по самой дешевой цѣнѣ.

Между полезными насѣкомыми мы говорили о шелковичномъ червѣ, къ нему надо прибавить пчелъ и даже саранчу, которая пожираетъ во множествѣ поля въ извѣстное время года, но за то доставляетъ здоровую обильную и дешевую пищу.

Китайцы, что бы ни говорили, не ѣдятъ ни жабенныхъ червей, ни маринованныхъ гадовъ, у нихъ ѣтъ ни блохъ, ни клоповъ, но за то много маленькихъ мошекъ, а въ особенности вшей: простой народъ покрытъ ими и безъ всякаго стыда предается хотѣ за этими маленькими насѣкомыми даже на улицахъ, у дверей своихъ жилищъ; въ особенности ихъ много у нищенствующихъ бонзъ, ходящихъ въ лохмотьяхъ, чтобы возбудить болѣе состраданія и не уничтожающихъ ихъ подъ предлогомъ, что всякое существо, созданное богомъ, имѣетъ право жить. Множество москитовъ и муравьевъ мучатъ людей и уничтожаютъ платье и провизию. Въ Пекинѣ есть тоже родъ небольшого скорпиона съ бѣлымъ пятномъ посрединѣ тѣла и съ чернымъ кончикомъ хвоста. Одинъ изъ кули, служившій при посольствѣ, былъ укушенъ однажды въ складѣ провизіи подобнымъ насѣкомымъ, которого онъ нашелъ въ глубинѣ банки. Китаецъ убилъ его и съѣлъ, какъ мы ѣдимъ устрицъ, въ виду предохраненія отъ опасныхъ послѣдствій укуса; онъ отдѣлялся легкой опухолью на пальцѣ.

Рыба играетъ главную роль среди питательныхъ веществъ: Китайъ покрытъ озерами, прудами и боль-

шними рѣками съ извилистыми берегами, имѣетъ множество рыбъ всевозможныхъ родовъ, похожихъ на наши, но совершенно иныхъ. Большія рыбы продаются кусками на рынкахъ, какъ напр. треска, которая стоитъ два сантима фунтъ, другая, какъ осетрина, которую китайцы называютъ гоангъ-ю и которая считается царскимъ блюдомъ за свою желтую чешую и которая за то гораздо дороже. Рыбаки сохраняютъ рыбу въ ивовыхъ корзинахъ, привязанныхъ на веревкѣ къ лодкѣ; у нихъ есть также хранилище въ кормовой части лодки. Въ базарные дни они приносятъ рыбу на рынокъ въ бамбуковыхъ боченкахъ, зимою ее замораживаютъ: во льду она прекрасно сохраняется.

Искусственное разведеніе рыбъ сильно развито въ Китаѣ. Въ началѣ весны большое число продавцевъ свѣжей рыбы разѣзжаетъ по деревнямъ, продавая икру владѣльцамъ прудовъ. Есть такіе ловкіе пловцы, которые ныряютъ на дно рѣки, держа въ рукахъ очень мелкую сѣть, въ которую ловятъ только что происшедшихъ на свѣтъ маленькихъ рыбокъ, которыхъ воспитываютъ въ отдѣльныхъ прудахъ, откуда, когда онѣ немножко подрастутъ, ихъ выпускаютъ въ озера и въ большіе резервуары. Въ обширныхъ прудахъ, находящихся около храма Неба въ Пекинѣ, разводятъ дорадь, которыя вѣсятъ до двадцати пяти фунтовъ, карповъ и знаменитыхъ кіа-ю, домашнюю рыбу. Утромъ и вечеромъ сторожа приносятъ траву и зерна рыбамъ, которыя съ жадностью кидаются на нихъ

и въ короткое время, благодаря этому усиленному откармливанію, достигаютъ значительныхъ размѣровъ.

При этихъ условіяхъ прудъ даетъ своему хозяину гораздо больше дохода, чѣмъ самая лучшая земля; морскіе берега у устья Пей-Го, на всемъ своемъ протяженіи, покрыты всевозможными сортами рыболовныхъ снарядовъ, для того чтобы брать рыбу во время отливовъ.

Кромѣ всевозможныхъ сортовъ рыбъ попадаютъ кашалоты и дельфины и много сортовъ акулъ, между которыми славится тигровая акула, такъ какъ кожа ея идетъ въ выдѣлку и громадныя морскія черепахи.

Рѣчная рыбная ловля, которая намъ лучше извѣстна, производится различными остроумными способами: въ числѣ ихъ можно назвать ловлю съ ручными бакланами, описанную множествомъ путешественниковъ по Китаю, ловлю съ огнями, ловлю трезубцами. Въ эпоху передвиженія рыбъ-путешественницъ, съ одного берега рѣки до другаго протягиваются сѣти и тогда Пей-Го, берега которой усеяны рыбаками, представляютъ самое оживленное зрѣлище. На большихъ лодкахъ помѣщаются цѣлыя семейства: женщины чинятъ сѣти, плетутъ ивовыя корзинки, чистятъ и солятъ добычу ловли, переносятъ въ предназначенныя для того помѣщенія рыбъ, которыхъ хотятъ сохранить живыми; дѣти въ плавательныхъ поясахъ бѣгаютъ по снастямъ и поднимаются по мачтамъ и веревкамъ какъ кошки; мужчины забрасываютъ и вытягиваютъ сѣти, другіе осматриваютъ закинутыя мержи, покрывающія все дно рѣки и которыя мож-

но узнать по плавающимъ тамъ и сямъ кусочкамъ дерева, наконецъ, нѣкоторые спускаются по теченію и бьютъ крупную рыбу трезубцомъ, привязаннымъ къ рукѣ крѣпкой веревкой. Чтобы не пугать свою добычу, они придумали нѣчто въ родѣ плота, состоящаго изъ двухъ бревенъ, соединенныхъ между собою деревянными палками, такъ что весь плотъ имѣетъ форму лѣстницы, передняя часть которой заострена; на задней, которая четырехугольна, помѣщается весло, которымъ они даютъ направленіе своему плоту. Чудомъ равновѣсія они держатся на ногахъ, поставивъ одну ногу на одно бревно, другую на другое, поднимъ руки и вооружившись трезубцомъ, вытанувъ шею, чтобы замѣтить рыбу, которая спитъ на солнцѣ, на поверхности воды. Интересное зрѣлище видѣть пять или шесть такихъ рыбаковъ, спускающихся внизъ по теченію на своихъ утлыхъ плотахъ. На головѣ у нихъ большія соломенные шляпы, нѣчто въ родѣ куртки, сплетенной изъ сохомы и панталоны изъ мелкаго тростника, считаго вмѣстѣ; голыя руки и ноги сильно загорѣли отъ солнца; лицо энергично и спокойное выраженіе показываетъ привычку къ опасностямъ. Однако, хотя часто случается, что добыча, болѣе сильная, чѣмъ нападающій, заставляетъ рыбака терять равновѣсіе и падать въ воду и ему остается, чтобы не быть увлеченнымъ на дно, только обрѣзать веревку, привязанную къ рукѣ; тѣмъ не менѣе рѣдко слышно о несчастныхъ случаяхъ, такъ какъ всѣ китайцы прекрасные пловцы. Ночью слышенъ странный шумъ на водахъ, освѣщен

ныхъ каучуковыми факелами, съ которыми рыбаки плаваютъ по всѣмъ направленимъ, громко играя на деревянныхъ барабанахъ, чтобы согнать рыбу къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ закинута ихъ сѣти.

Въ Пей-Го и его притокахъ ловятся осетры, лососина, форели, родъ пятнистыхъ окуней, вѣсящихъ до ста фунтовъ, громадные сомы, карпы, лещи, ужи и множество другихъ рыбъ съ бѣлымъ мясомъ, похожихъ на рыбъ, водящихся въ европейскихъ рѣкахъ. Кромѣ того ловится пять или шесть сортовъ черепахъ, которыя всѣ съѣдобны; змѣй мало, исключая гористыхъ мѣстностей.

Въ прудахъ, въ окрестностяхъ Пекина часто встрѣчаются свѣтло-сѣрыя ящерицы съ ярко-краснымъ пятномъ на головѣ и бѣлымъ ожерельемъ. Охота за змѣями весьма прибыльна, благодаря сильному употребленію ихъ яда въ медицинѣ. Продавцы змѣй прогуливаются по улицамъ, неся на спинѣ бамбуковую палку, на которой виситъ съ одной стороны маленькая ивовая клѣтка съ живыми змѣями, а по другой боченокъ съ бульономъ и варенымъ мясомъ змѣй; всѣ они заговариваютъ змѣй. Заговариватели змѣй такъ же, какъ и въ Индіи, показываютъ удивительные фокусы: они обвертываютъ себѣ шею живыми змѣями, всовывая въ ротъ головою впередъ большую часть животнаго; за небольшую монету они тянутъ за хвостъ змѣю, которая не сердится и не старается ихъ укусить.

Въ числѣ хищныхъ птицъ слѣдуетъ упомянуть о большомъ черномъ орлѣ, живущемъ въ лѣсу Же-голь

и на манджурскихъ горахъ, который, появляясь иногда надъ плодородными полями Пе-Ше-Ли, возбуждаетъ ужась во всѣхъ живыхъ существахъ, затѣмъ о различныхъ породахъ соколовъ, которыхъ ловятъ для императорской охоты. Сороки и мелкія пѣвчія птички наполняютъ пекинскіе сады, тогда какъ вороны живутъ на улицахъ, сѣдая всякую падаль и раздѣляя съ собаками заботу объ очищеніи города: каждый вечеръ громко каркающая стая, кружится съ громкими криками прежде, чѣмъ уѣсться на карнизахъ и крышахъ старыхъ храмовъ. Дичи множество: великолѣпные, золотистые фазаны, родина которыхъ—сѣверный Китай, во множествѣ водятся въ этой провинціи. Драгвы и стрепеты появляются здѣсь осенью изъ степи; сѣрыхъ куропатокъ множество на поляхъ, кустахъ и въ лѣсахъ.

Китайцы сдѣлали перепела ручнымъ; онъ весьма похожъ на нашего, только больше размѣромъ. Самцы на смерть бьются изъ за самокъ и китайцы сумѣли утилизировать этотъ воинственный инстинктъ устраивая бои перепеловъ, на которыхъ держатся большіе пари

Когда большія озера и широкія рѣки сѣверныхъ пустынь замерзли и покрыты снѣгомъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, множество водяныхъ птицъ, гусей, утокъ, цаплей, лебедей, является на водахъ южнаго Китая, ища себѣ пищи въ менѣе суровомъ климатѣ.

Китайцы не любятъ дичи, черное мясо которой имъ не по вкусу: они предпочитаютъ куропаткѣ цыпленка и бекасу голубя,—тѣмъ не менѣе рыбакъ, не

имѣющій зимою дѣла, ловить во множествѣ сѣтями дикихъ утокъ и продаетъ ихъ на рынкѣ по три или четыре сапека за штуку.

Въ числѣ водяныхъ птицъ укажу на чирка, хорошо извѣстнаго въ Европѣ и составляющаго лучшее украшеніе китайскихъ водъ.

На фермахъ разводится множество домашнихъ утокъ, гусей, голубей и куръ. Такъ какъ земледѣльцы признали, что высиживаніе яицъ насѣдками приноситъ имъ большіе убытки, уменьшая производство яицъ, то они придумали искусственные аппараты для высиживанія: это громадныя печки, покрытыя толстыми циновками, въ которыхъ поддерживаютъ постоянно 40° тепла. По срединѣ ставится корзина съ яйцами, которыя и поворачиваютъ пять разъ въ день, чтобы ровнѣе распредѣлить жаръ. Есть цѣлые заводы, куда отдаютъ искусственнымъ образомъ высиживать тысячи яицъ, платятъ только за тѣ, которыя высижены. Нужно тридцать два дня для гусиныхъ яицъ, двадцать восемь для утиныхъ и двадцать два для куриныхъ. Цыплята держатся въ заведеніи двадцать четыре часа, въ теченіе этого срока они должны быть взяты хозяевами, иначе продаются другимъ.

Изгнанные изъ обработанныхъ равнинъ хищныя звѣри водятся въ большомъ количествѣ въ лѣсахъ и пограничныхъ степяхъ.

Лѣсъ Же-голь, посреди котораго императоры построили роскошный дворецъ и который имѣетъ сотню миль въ окружности, изобилуетъ медвѣдями, пантерами, рысями, дикими кошками, волками и лисицами,

въ немъ попадается даже королевскій тигрь, охоту на котораго страстно любилъ императоръ Кангъ-Ги. Эти звѣри питаются многочисленными пережевывающими жвачку животными, наполняющими лѣсъ; тамъ вы встрѣтите цѣлыя стада козъ, антилопъ, дикихъ кабановъ и тому подобное. Браконьеры, столь же многочисленные, какъ и хищные звѣри, въ особенности любить большихъ оленей, рога которыхъ цѣнятся особенно дорого, такъ какъ употребляются въ медицинѣ и звѣрей, дающихъ мѣхъ: соболя, горностая и куницу.

Зимою въ Пекинъ привозятъ на верблюдахъ множество замороженной дичи, тогда антилопа, вѣсящая пятьдесятъ фунтовъ, стоитъ пиастръ.

Зайцы, водящіеся во множествѣ въ долинахъ Пе-Ше-Ли, продаются за нѣсколько су.

Китайцы не обходятся огнестрѣльнымъ оружіемъ, они еще употребляютъ лукъ и стрѣлы, которыми дѣйствуютъ весьма ловко, даже вверхъ. Большихъ животныхъ ловятъ въ западни; прежде на нихъ охотились со слонами, какъ въ Индіи. Всевозможные сорта ловушекъ употребляются браконьерами, которые достигли въ этомъ замѣчательной ловкости. Хищныхъ звѣрей выгоняютъ изъ ихъ убѣжищъ сворами большихъ монгольскихъ собакъ, точно такъ же охотятся на козъ, антилопъ и зайцевъ.

Замѣчательно, что у всѣхъ китайскихъ собакъ тупой носъ, какъ у нашихъ мосекъ: маленькія домашнія собачки, съ длинной бѣлой шерстью, желтыя и черныя, всѣ отличаются тѣмъ же характеромъ. Этихъ животныхъ ѣдятъ на югѣ Китая, въ Кіангъ-Си, гдѣ

на рынкѣ вы всегда можете купить откормленную собаку. На сѣверѣ только бѣдняки питаются ими; во время холодовъ въ Пекинѣ множество бродячихъ большихъ собакъ, худыхъ, съ всклокоченной длинной шерстью, похожихъ на шакаловъ, отъ которыхъ онѣ немногимъ отличаются по нраву. Онѣ не злы и питаются остатками, выбрасываемыми имъ мясниками, которые бьютъ скотъ на открытомъ воздухѣ.

Эти животныя невыносимы для европейцевъ, за которыми они слѣдуютъ всюду съ громкимъ лаемъ, тогда какъ не обращаютъ никакого вниманія на китайцевъ. Кромѣ того, они оказываютъ большую услугу городу, очищая его и жители питаютъ къ нимъ такое уваженіе, что кучера громко кричатъ на нихъ изъ боязни раздавить, тогда какъ не даютъ себѣ того же труда, чтобы не задавить человѣка.

Домашняя кошка безъ хвоста весьма полезна, потому что уничтожаетъ крысъ и мышей, которыхъ въ Китаѣ множество; много бѣдняковъ, конкурируя съ кошками, ловятъ крысъ. Ихъ можно видѣть проходящими по улицамъ, съ длинной палкой на плечѣ, на которомъ привѣшаны за хвостъ ихъ жертвы.

Ловцы крысъ держатъ въ рукахъ трещотку, которою даютъ знать о своемъ приближеніи: нѣкоторые европейцы, не зная языка, заключили изъ этого, что крысъ ѣдятъ, но это мнѣніе ошибочно. Шкура самого большого размѣра крысъ, съ довольно мягкой шелковистой шерстью, идетъ на выдѣлку простого мѣха—вотъ все, на что годятся эти животныя.

На пекинскихъ рынкахъ не продается никакихъ осо-

бенныхъ съѣстныхъ припасовъ. Когда первое любопытство, встрѣтившее прїѣздъ въ Пекинъ иностранцевъ, улеглось, имъ сдѣлалось легко ходить по всему городу и ближе знакомиться съ нравами жителей.

Одна старая французенка, служившая у англійскаго посланника, каждый день ѣздила дѣлать закупки на рынокъ, споря и крича съ торговцами среди мирнаго и вѣжливаго населенія. Ей часто приходилось быть жертвою хитрости и ловкости продавцевъ, которые превосходятъ все, что можно встрѣтить въ этомъ родѣ на европейскихъ рынкахъ: великолѣпный по наружности окорокъ, оказывался кускомъ дѣрева, покрытаго жирной красной грязью, артистически обтянутаго свиной шкурой, дичь была набита внутри камнями; двадцать палочныхъ ударовъ наказываютъ за такіе обманы, но ихъ невозможно уничтожить, такъ какъ любовь къ наживѣ гораздо сильнѣе боязни наказанія.

Въ провинціи Пе-Ше-Ли разводятся во множествѣ бараны и свиньи, принадлежащія къ кохинхинской породѣ; небольшое мясо ихъ чрезвычайно вкусно и китайцы—хорошіе колбасники—предпочитаютъ эту свинью всѣмъ другимъ: они дѣлаютъ изъ нея прекрасные окорока; свиное сало повсюду замѣняетъ масло.

На сѣверѣ Китая есть три сорта барановъ; первый, наиболѣе обыкновенный, совершенно бѣлый, покрытый довольно грубой шерстью; самцы безъ роговъ, а самки, необыкновенно плодородныя, мечутъ заразъ до шести ягнятъ.

Второй сортъ, у котораго тонкая и мягкая шерсть,

не такъ плодороденъ. Третій сортъ европейскія породы, между которыми канъ-су, достигаетъ почти величины осла, шерсть его тащится по землѣ, на спинѣ жировой горбъ; его употребляютъ какъ вьючное животное.

Быки и коровы рѣдко употребляются въ пищу, а, напротивъ, держатся для сельскихъ работъ. Прекрасная монгольская порода быстро вырождается, за немѣнѣемъ хорошаго корма; тоже самое можно сказать о татарскихъ лошадяхъ и мулахъ.

Въ провинціи Пе-Ше-Ли разводится довольно много ословъ и муловъ, употребляемыхъ для перевозки тяжестей. Мулы очень красивы, происходятъ отъ помѣси ословъ съ маленькими монгольскими лошадьми. Упомянемъ наконецъ о двухгорбомъ верблюдѣ; эти сильныя и довольствующіяся малымъ животныя приносятъ на себѣ въ Пекинъ, пройдя холодныя пустыни Гоби, произведенія Россіи, Тибета, Индіи и Туркестана.

К о н е ц ъ .

